КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXIX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Посольство Шакловитаго къ Мазепѣ въ 1688 г. А. А. Востокова. (1—226)

II. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. Часть вторая. Степной женихъ. I—III. О. П. Роговой. (227-254)

III. Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ. В. З. Завитневичъ. (255—262).

IV. Очеркъ коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. II. Я. Н. Шульгина. (255—306).

V. Милліонеръ. Картинка изъ галицкой жизни. Мирона. (307—326).

VI Культурныя переживанія. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (327—341).

VII. Отъ Случи до Буга. Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго. (Съ польскаго). Н. М. (342—363).

VIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Два письма А. И. Чепы. собирателя к. XVIII в., письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. А. Л. Политическая сатира XVIII в. П. К-а. Рѣчь произнесенная малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Н. Г. Рѣпнинымъ при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ. 25 сентября 1823 года. Пасхальныя вирши въ спискѣ XVIII ст. Сообщилъ О. Л. Евреи-козаки въ нач. XVII в. Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. В. Н. Сторожева. По поводу библіографической замѣтки г. С. А.—ва о соч. Фр. Ленормана: „Руководство къ древней исторіи Востока" Н. М. Каманина. (364—383).

IX. Библіографія. 1) Архивъ Юго-западной Россіи. 2) Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Ив. Новицкаго. Józef Tretiak, Historya wojny Chocimskiej 1621 г. Н. М. Полное собраніе русскихъ лѣтописей. т. XVI. П. Г. Tadeusz Sternal, Oblężenie Kameńca w powieści i historyi. Studyum historyczno-literackie. Н. М. И. Палимпсестовъ Степи юга Россіи были-ли искони вѣковъ степями и возможно-ли облѣсить ихъ. (384—397).

ПРИЛОЖЕНІЯ: Черниг. лѣтоп. по новому списку.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Свѣтопечатъ С. В. Кульженко.

Григорій Андреевичъ Стороженко

Сотникъ Ичанскій 1715—1737 г.

ПОСОЛЬСТВО ШАКЛОВИТАГО КЪ МАЗЕПѢ ВЪ 1688 Г.

Наши лучшіе историки, какъ Устряловъ [1]), Соловьевъ [2]), Костомаровъ [3]), разсказывая о приготовленіяхъ ко второму крымскому походу, вскользь упоминаютъ о посольствѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1688 г. думнаго дворянина Шакловитаго къ гетману Малороссіи, при чемъ, основываясь на записи дневника П. Гордона подъ 8-мъ числомъ ноября 1688 г., единогласно утверждаютъ, что, подъ предлогомъ совѣщанія о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ, Шакловитый долженъ былъ развѣдать тайно, до какой степени можно было положиться на козаковъ и на самого Мазепу.

Трудно согласиться съ такимъ положеніемъ. Думный дворянинъ Ѳ. Шакловитый, облеченный полнымъ довѣріемъ правительницы Софіи и ея преданнаго друга, князя В. В. Голицына, представлялъ собою слишкомъ крупную величину, чтобы хоть одинъ шагъ его могъ укрыться отъ взоровъ хитраго и умнаго Мазепы; гдѣ же было ему заниматься шпіонствомъ? Другое лицо, сопровождавшее Шакловитаго, розрядный дьякъ Любимъ Домнинъ, вскорѣ пожалованный въ думные дьяки, тоже былъ слишкомъ замѣтенъ, чтобы Мазепа не приказалъ слѣдить за каждымъ его движеніемъ. Остальная свита Шакловитаго, какъ это будетъ видно впослѣдствіи, тоже не представляла элементовъ для шпіонства. Да и зачѣмъ было московскому правитель-

[1]) Устряловъ. Ист. царств. Петра В., т. I, стр. 216.

[2]) Соловьевъ. Ист. Рос. т. XIV.

[3]) Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы.

ству посылать такихъ видныхъ лицъ для развѣдыванія, когда оно чрезъ своихъ воеводъ, а еще болѣе чрезъ недовольныхъ новымъ гетманомъ малороссіянъ, имѣло постоянныя и самыя точныя свѣдѣнія о всѣхъ сношеніяхъ Мазепы. Достаточно вспомнить о той массѣ доносовъ на гетмана, какая появилась тотчасъ послѣ выбора его, чтобы судить, какъ много было у него враговъ, во всякій моментъ готовыхъ въ чемъ нибудь поймать его. Статейный списокъ посольства Шакловитаго, открытый мною въ столбцахъ Сибирскаго приказа[1]), даетъ нѣсколько иное понятіе объ этомъ посольствѣ. Несомнѣнно, цѣлью посольства было уговориться какъ о приготовленіяхъ къ походу, такъ и объ участіи малороссіянъ въ походѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о нѣкоторыхъ иныхъ вопросахъ текущей политики. Къ сожалѣнію, статейный списокъ не совсѣмъ полонъ, но и тѣ свѣдѣнія, которыя въ немъ имѣются, представляютъ значительный историческій интересъ, особенно въ виду отсутствія всякихъ свѣдѣній въ исторической литературѣ объ этомъ посольствѣ; при томъ списокъ этотъ подлинный, доказательствомъ чего служитъ съ одной стороны скрѣпа по склейкамъ дьяка Любима Домнина, а съ другой — записанный на немъ приговоръ боярской думы по поводу этого доклада.

1688 г. сентября въ 25 д. великіе государи указали думному дворянину и намѣстнику болховскому Ѳедору Леонтьевичу Шакловитому да розрядному дьяку Любиму Домнину ѣхать для своихъ государевыхъ дѣлъ и съ милостивымъ словомъ къ гетману Ивану Степановичу Мазепѣ; а съ нимъ во дворянахъ—стряпчіе: Никита Епифановъ да Иванъ Евсевьевъ Бехтѣевы, да изъ дворянъ Михаилъ Селиверстовъ Гульскій, жилецъ Иванъ Климовъ Судейкинъ, капитанъ Василій Сапоговъ, да для письма подъячіе: государственнаго посольскаго приказа Василій Айтемиревъ, розряднаго—Ѳедоръ Остафьевъ и стрѣлецкаго—Агапъ Петровъ и Ѳедотъ Семеновъ. Посолъ съ дворянами былъ у руки у Іоанна Алексѣевича и царевны Софіи 30-го сентября, а у Петра Алексѣевича въ Преображенскомъ октября въ 1-й д.,

[1]) Московскій архивъ М-ва Юстиціи. Столбецъ Сибирскаго пр. № 7214.

выѣхалъ изъ Москвы 2-го октября и ѣхалъ на Калугу, Лихвинъ, Бѣлевъ, Болховъ, Карачевъ, Сѣвскъ, куда прибылъ 10 числа, а 11-го поѣхалъ къ Глухову. Не доѣзжая двадцати пяти верстъ до Глухова, его встрѣтилъ по гетманской присылкѣ глуховской сотникъ Кондратій Гридякинъ съ двумя стами козаковъ и ѣхалъ за нимъ до Глухова; въ пяти верстахъ отъ Глухова встрѣтили глуховская старшина: бывшій нѣжинскій полковникъ Яковъ Жураховскій да бывшій глуховскій сотникъ Василій Елоцкой и городовые атаманъ, войтъ и другіе знатные люди; за три версты отъ Глухова встрѣтилъ посла генеральный ясаулъ Андрей Гамалѣй съ письмомъ отъ гетмана, что онъ ожидаетъ посла съ великой радостью. Изъ Глухова въ тотъ же день поѣхали къ Королевцу, гдѣ встрѣтилъ его и провожалъ кролевецкій сотникъ Иванъ Маковскій съ сотнею; изъ Кролевца къ Батурину посолъ поѣхалъ 13 октября. За пятнадцать верстъ отъ Батурина посла встрѣтили стольники и полковники Борисъ Дементьевъ да Аѳанасій Чубаровъ, да полуполковникъ Борисъ Батуринъ; за десять верстъ, въ селѣ Ксендзовкѣ, встрѣтилъ его сердюцкой полковникъ Ерема съ батуринской сотнею и провожалъ до Батурина, а кролевецкій сотникъ вернулся домой; черезъ три версты явились: генеральный ясаулъ Войца Сербинъ, бунчужный Яковъ Лизогубъ и знатные войсковые товарищи: Ломиковской, Лысенко, Чеченъ, Лисица и другіе; за три версты отъ Батурина привѣтствовали посла: племянникъ гетмана Янъ Обидовскій, генеральный хорунжій Михаилъ Миклашевскій и войсковые товарищи; у рѣки Семи встрѣтили ихъ генеральный судья Савва Прокоповичъ, генеральный писарь Василій Кочубей и знатные войсковые товарищи. На другомъ берегу Семи, у самаго перевоза, дожидался посла гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа [1]). Гетманъ, поздоровавшись съ посломъ, просилъ его и дьяка Домнина сѣсть въ его карету, въ которой и доѣхали до постоялаго двора; гетманъ сидѣлъ по лѣвую сторону посла. По обѣ

[1]) Здѣсь въ документахъ пропускъ; изъ отрывковъ видно, что гетманъ говорилъ рѣчь о счастьи видѣть царскаго посла, въ чемъ онъ видитъ превеликую милость.

стороны улицы, гдѣ двигалась гетманская карета, до постоялаго двора стояли стрѣльцы съ ружьемъ, съ знаменами и барабанами ратнымъ строемъ.

На другой день посолъ являлся къ гетману. За нимъ была прислана гетманская карета съ ясауломъ Гамалѣемъ; въ каретѣ помѣстились Шакловитый, дьякъ Домнинъ, передъ ними Гамалѣй и подъячій Айтемиревъ съ грамотою государственнаго посольскаго приказа. Обыкновенно такую грамоту подъячій везъ верхомъ на лошади передъ каретой посла, но на сей разъ былъ дождь очень сильный, грамота могла размокнуть. Передъ каретою ѣхали подъячіе и дворяне, по бокамъ шли московскіе стрѣльцы съ завѣсными пищалями, а сзади посольская прислуга. По прибытіи на гетманскій дворъ, посла встрѣтилъ у кареты гетманъ со старшиною и всѣ пошли въ хоромы. Войдя въ хоромы, посолъ отъ имени государей спросилъ гетмана „о здоровьѣ“ и сказалъ ему великихъ государей „милостивое слово“ по опредѣленной формѣ; въ отвѣтъ гетманъ билъ челомъ и кланялся до земли. Послѣ того гетманъ спрашивалъ посла „о здоровьѣ“ великихъ государей, „како всемогущій Творецъ Господь-Богъ ихъ царское пресвѣтлое величество во здравіи сохраняетъ“, на что посолъ отвѣчалъ, что „ихъ царское величество на своихъ великихъ и преславныхъ престолѣхъ россійскаго царствія, милостію всемогущаго Бога, въ добромъ здоровьѣ“. Дьякъ Любимъ Домнинъ объявилъ гетману „милостивое слово“ великихъ государей за его службу, а посолъ передалъ ему грамоту; принявши грамоту, гетманъ „поцѣловалъ въ печать“ и отдалъ ее писарю Василію Кочубею. Посолъ спросилъ „о здоровьѣ“ генеральную старшину „и генеральная старшина били челомъ за государскую милость и благодарствовали такъ же, какъ и гетманъ“. Посолъ объявилъ гетману „жалованье, съ дворцовъ посылку: арбузы, виноградъ, рыбу; и гетманъ за ихъ государскую милость билъ челомъ со благодарствіемъ“. Когда Кочубеемъ была прочитана государева грамота, гетманъ билъ челомъ за государскую милость, чѣмъ и закончилась церемонія: гетманъ сталъ здороваться съ посломъ и его свитой, затѣмъ всѣ усѣлись на скамьи и началась обыкновенная бесѣда. Немного спустя гетманъ съ посломъ

поѣхали къ обѣднѣ въ церковь Николая Чудотворца, а оттуда вернулись къ гетману на обѣдъ; когда гетманъ пилъ „про здоровье великихъ государей", на дворѣ палили изъ двадцати шести пушекъ. Послѣ обѣда всѣ разъѣхались по домамъ.

На другой день посолъ съ дьякомъ Домнинымъ безъ всякихъ церемоній бесѣдовали съ гетманомъ „объ ихъ великихъ государей дѣлѣхъ по наказу и *сверхъ наказу, по именному ихъ великихъ государей указу*". Переговоры велись по пунктамъ, коихъ и мы будемъ придерживаться.

I) Въ нынѣшнемъ 197 г. сентября въ 13 д. (1688 г.) къ великимъ государямъ писали [1]) цареградскій прежде бывшій патріархъ Діонисій да архіепископъ сербскій Энектій, нареченный патріархъ, и мултянскій господарь Шербанъ Аѳонской горы съ архимандритомъ Павловскаго монастыря Исаіемъ, и самъ Исаія объявилъ, что послали его въ Москву настоящій цареградскій патріархъ Іаковъ да преждебывшій патріархъ Діонисій, и все духовенство и весь православно-христіанскій народъ, находящійся подъ игомъ басурманскимъ, и архіепископъ сербскій Энектій, нареченный патріархъ, и мултянскій господарь Шербанъ, и всѣ сербы, и болгары, и волохи и мултяне бить челомъ великимъ государямъ о своемъ избавленіи отъ ига басурманскаго, такъ какъ теперь пришло самое время къ ихъ освобожденію. Турское государство приходитъ къ самой конечной погибели какъ отъ войскъ христіанскихъ, такъ и отъ междоусобія и удобнѣйшаго времени противъ турокъ стоять и ихъ до конца изгубить, а православныхъ христіанъ изъ-подъ ихъ неволи высвободить, за тысячу лѣтъ не бывало. А они, православные христіане, „въ той ихъ погибели" всѣ разорены, разграблены, побиты и въ плѣнъ взяты. Случилось это такимъ образомъ: въ прошлые годы и въ нынѣшнемъ, не имѣя возможности выдержать наступленія цесарскихъ и венецкихъ силъ, турки, отступая, христіанъ греческой, ромельской, морейской, сербской и болгарской земель, больше трехъ сотъ тысячъ, предали огню и мечу, а малолѣт-

[1]) Хотя эта грамота и напечатана въ „Собраніи Грамотъ и Договоровъ", тѣмъ не менѣе изложеніе ея здѣсь представляется необходимымъ, для яснаго пониманія отвѣта на эту рѣчь гетмана Мазепы.

нихъ и женщинъ несчетное множество, взявъ въ неволю, свезли за море: въ Анатолію, въ Азію и въ Египетъ; города же, монастыри и церкви, а равно и всѣ жилища разорили и пожгли. Такая ужасная расправа съ христіанскими народами учинена турками во первыхъ потому, чтобы всѣ подвластные имъ христіане не соединились съ непріятельскими войсками и не возстали противъ ихъ, а во вторыхъ—чтобы непріятельскимъ войскамъ нечѣмъ было покорыстоваться. Тоже самое они намѣрены сдѣлать съ христіанами, проживающими въ Цареградѣ, на Аѳонской горѣ и въ другихъ мѣстахъ, какъ только будутъ приближаться непріятельскія войска, а сами затѣмъ уйдутъ за море, откуда пришли.

Къ просьбѣ объ избавленіи отъ бусурманскаго ига, всѣ христіане просятъ избавить и отъ другой бѣды: если ихъ освободятъ отъ турецкаго ига цесарскія и венеціанскія войска, то они, православные христіане, изъ неволи басурманской попадутъ „въ пущую и горшую неволю“, во власть *папежниковъ*, которые, какъ только были завоеваны въ венгерскомъ королевствѣ и въ Морѣ нѣсколько городовъ, тотчасъ церкви Божіи греческаго закона обратили въ костелы, а народъ—въ унію. Несомнѣнно, что если папежники завоюютъ ихъ земли, то вѣра православная греческая вся погибнетъ и искоренится, и „горшая имъ будетъ бѣда послѣдняя, нежели первая“, потому что подъ игомъ турецкимъ хотя и тяжело жить, однако относительно вѣры никакихъ притѣсненій и принужденій нѣтъ. Вслѣдствіе того они и обращаются съ просьбой объ избавленіи ихъ отъ турецкаго ига именно къ православнымъ государямъ, что они всѣ искони были подчинены православнымъ государямъ и языкъ и вѣра у нихъ одна. Да и турки, которые живутъ между ними, имъ, великимъ государямъ, легче поддадутся, нежели нѣмцамъ, такъ всѣ они рождены отъ сербовъ, болгаръ и иныхъ греческихъ народовъ.

Архимандритъ же Исаія доносилъ: приказалъ мултянской господарь Шербанъ черезъ ближнихъ людей бить челомъ великимъ государемъ объ избавленіи христіанъ, подъ игомъ бусурманскимъ стенящихъ, а для того послать войско Дунаемъ на

судахъ въ бѣлогородскую орду на Буджаки, а онъ, Шербанъ встрѣтитъ царскія войска съ 70,000 своего войска; для задержанія же крымскихъ татаръ оставитъ часть войска на Запорогахъ. Въ тѣхъ странахъ воды много и въ запасахъ скудости не будетъ. Мултянская земля вся лежитъ по Дунаю, близко отъ Буджаковъ, и запасовъ въ ней имѣется достаточно. Когда царскія войска приближутся къ Бѣлогородчинѣ и онъ, господарь, пойдетъ съ своими ратями на соединеніе съ ними, тогда всѣ сербы, болгары и волохи пристанутъ къ нимъ, „и будетъ путь до Царяграда безъ помѣшки", такъ какъ жилищъ бусурманскихъ въ этихъ странахъ нѣтъ, живутъ все христіане, и крѣпостей до самаго Царьграда нѣтъ же. Словомъ, путь этотъ будетъ для царскихъ войскъ самый удобный, вездѣ ихъ ожидаютъ христіане, готовые немедленно возстать противъ турокъ, и на помощь царскимъ войскамъ сразу же явится 300,000 сербовъ и болгаръ. Въ настоящее время мултянской господарь находится въ своемъ городѣ Букурештѣ и войско его все въ сборѣ, а никому не помогаетъ, ни туркамъ, ни цесарю, а остерегаетъ свое владѣніе. Волохи почти всѣ находятся при мултянскомъ господарѣ.

Великіе государи продолжалъ докладывать Шакловитый, вняли просьбѣ христіанъ, стенящихъ подъ бусурманскимъ игомъ, и указали своихъ великороссійскихъ и малороссійскихъ многихъ войскъ генеральный походъ, о чемъ онъ, гетманъ, былъ извѣщенъ ротмистромъ Лызловымъ. Но при выборѣ пункта похода является сомнѣніе: можно ли вѣрить всему тому, что мултянскій господарь писалъ въ своей челобитной и словесно доносилъ архимандритъ Исаія? И если можно вѣрить, то „какъ съ ними въ томъ поступать, и гдѣ въ тѣ вышепомянутыя призываемыя мѣста дорога належитъ? И всѣмъ ли та дорога какъ водою, такъ и кормомъ изобильна?" Объ этомъ великіе государи указали ему, гетману, „помыслить и ознаймить", такъ какъ въ малороссійскихъ городахъ есть такіе люди, которые тѣ мѣста знаютъ и могутъ дать подробныя свѣдѣнія. Затѣмъ гетманъ, посовѣтовавшись съ старшиною, долженъ высказать свое мнѣніе: быть ли тому великому походу на Буджаки, согласно просьбѣ мултянскаго господаря, или всѣми силами бро-

ситься на Крымъ прямо, и прежнею ли дорогою, или иною, и что съ гетманомъ его регименту полковъ будетъ? Или, пришедъ къ Крыму и оставивши немалую часть рати въ Запорогахъ, остальныя рати послать къ мултянскому господарю? Или о томъ пересылаться съ королемъ польскимъ и идти на Буджаки вмѣстѣ съ поляками? А если не такъ поступить, то невозможно ли соединиться съ мултянскимъ господаремъ, минуя бѣлогородскую орду, и уже по соединеніи вмѣстѣ напасть на Буджаки, или идти на Крымъ, *покорить его*, и тогда уже чинить промыслъ на Буджаки?

Гетманъ, поблагодаривши за обращеніе къ нему за совѣтомъ и посовѣтовавшись со старшиною, отвѣчалъ: „вышепомянутое обѣщаніе и обнадеживаніе мултянскаго господаря, какъ писано въ листу его и словесно въ посольскомъ приказѣ доносилъ архимандритъ Исаія, статься не можетъ. Во первыхъ, святѣйшій Іаковъ патріархъ, который подписался настоящимъ константинопольскимъ патріархомъ, нынѣ уже отставленъ, а на его мѣстѣ иной въ Константинополѣ патріаршествуетъ. Потомъ, удобнаго и свободнаго пути къ тѣмъ мѣстамъ отъ малороссійскаго краю нѣтъ; если государевымъ ратямъ идти Днѣпромъ въ море, а оттуда Дунаемъ, тому воспрепятствуютъ турецкіе городки, которые устроены на Днѣпрѣ; если и тѣ городки обойти, и идти съ моря Дунаемъ вверхъ, то путь этотъ труденъ, медленъ и небезопасенъ; а если идти на рѣку Бугъ, то до Буга ратнымъ людямъ сухимъ путемъ идти свободно, потому что вода и конскіе кормы есть, а отъ Буга, если идти водянымъ путемъ, то привезти туда струги нѣтъ возможности, а если на самой рѣкѣ дѣлать струги, и это невозможно, потому что воинскимъ людямъ тягость: или имъ къ войнѣ готовиться и идти, или около струговъ возиться и, утомившись этой работой, идти на непріятеля, который тѣмъ временемъ найдетъ случай разстроить весь походъ; а если идти отъ р. Буга сухимъ путемъ, та дорога весьма трудна, длинна, безлѣсна, безводна, о чемъ онъ, гетманъ, самъ хорошо знаетъ, такъ какъ не разъ бывалъ въ тѣхъ краяхъ. Но если такъ или иначе трудность пути будетъ преодолѣна, надо вспомнить и о томъ, что такое этотъ врагъ—

бѣлогородская орда. Орда эта отличается многолюдствомъ, въ чемъ превосходитъ даже и Крымъ, къ войнѣ весьма звычайна, а хлѣбомъ, скотомъ и инымъ богатствомъ далеко выше Крыма, такъ что многіе крымцы переселились туда; такъ что если на Буджаки будетъ послано ратей не особенно большое число, то такая посылка не только не учинитъ помощи Шербану и всему христіанству, но и самимъ какъ вернуться домой, Богъ вѣсть! Недавно туда ходилъ польскій король, такъ едва, съ великою нуждою и съ большимъ урономъ, вернулся домой. Если же послать рати многія, то слѣдуетъ опасаться хана крымскаго: какъ только онъ услышитъ о походѣ царскихъ войскъ на Буджаки, тотчасъ же со всѣми своими бусурманскими силами бросится на Украйну, и не имѣя никакого опасенія отъ царскихъ войскъ и помѣшки, какъ Украйну всю, такъ и царство польское разоритъ.

Въ частности, что касается мултянскаго владѣтеля Шербана, гетманъ имѣетъ о немъ извѣстіе, что онъ, или по желанію, или по принужденію, уже поддался цесарскому величеству, въ доказательство чего онъ въ Букарештѣ и въ другихъ городахъ турокъ вырубилъ; а потому помогать ему, оборонять цесарскаго величества подданнаго отъ турецкаго султана, уже неприлично. А если, несмотря на его подданство цесарю, царскія рати помогутъ ему освободиться отъ турокъ, чтобы вступить подъ самодержавную руку великихъ государей, и то будетъ явное нарушеніе договора съ цесаремъ, за чтобъ, вмѣсто турка, „не уросла бъ война“ съ его цесарскимъ величествомъ. Да и то думаетъ онъ, что тотъ Шербанъ, происходя отъ греческихъ цесарей Кантакузеновъ, проситъ помощи у великихъ государей не только для избавленія своего отъ турецкаго ига, но желаетъ тою помощію достать себѣ по наслѣдію греческое цесарство. А чтобъ Шербанъ былъ на милость великихъ государей надеженъ, я писалъ къ нему два листа: въ первомъ съ Самары,—что окольничій и намѣстникъ карачевской Леонтій Романовичъ Неплюевъ и я обрѣтаемся въ трудахъ воинскихъ и построили для страха непріятельскаго и для лучшаго надъ Крымомъ промыслу крѣпкую фортецію; во второмъ—о генеральномъ походѣ на

Крымъ многочисленныхъ войскъ ихъ царскаго величества, при которыхъ и я буду находиться съ многочисленнымъ уборомъ, отчего, при помощи Божіей, силы бусурманскія упадутъ, а ему, Шербану, будетъ оттого помочь и свобода, и чтобы онъ на милость ихъ царскаго величества надѣялся и былъ постояненъ и не отмѣненъ.

А для подлинныхъ и вѣрныхъ вѣдомостей послалъ онъ, гетманъ, какъ къ Шербану, такъ и въ самый Царьгородъ надежныхъ людей. Въ настоящее же время изъ разныхъ мѣстъ и отъ взятыхъ языковъ онъ имѣетъ слѣдующія свѣдѣнія: турецкій султанъ разослалъ листы по всему своему государству и въ Крымъ, будто онъ получилъ отъ Магометова гроба пророчество, что ему опять будетъ счастье на христіанъ. Да недавно взятъ былъ крымцами въ плѣнъ донской козакъ, и въ Крыму всѣмъ разсказывалъ, что городъ на Самарѣ построенъ для того, что ихъ царское величество въ будущую весну изволятъ идти на Крымъ „своими государскими особами"; вслѣдствіе этого слуха въ Крыму учинилось великое страхованіе, а самъ ханъ крымской возымѣлъ намѣреніе нынѣшнимъ первымъ зимнимъ путемъ, какъ только станутъ рѣки, идти со всѣми своими поганскими ордами на украинные города, отчего будетъ помѣшка генеральному походу, такъ какъ онъ пожжетъ сѣно и истребитъ всякіе припасы.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, гетманъ проситъ, чтобы ихъ царское величество указали быть походу на Крымъ по первому зимнему пути, чтобы предупредить нападеніе крымскаго хана на украинные города, а также подать помощь Шербану и дать отраду всѣмъ христіанамъ, находящимся въ Царьгородѣ и въ другихъ мѣстахъ такими способами: если Крымъ будетъ развоеванъ, отъ того на бусурманъ нападетъ страхъ, а христіанамъ польза, потому что тѣмъ всѣ турки будутъ стѣснены и въ самомъ ихъ гнѣздѣ, въ Царьградѣ, будетъ страхъ, такъ какъ отъ Крыма до Царяграда разстояніе малое, ѣздятъ въ трое сутокъ, а моремъ, при хорошей погодѣ, и въ одни сутки; а узнавши о паденіи Крыма и близости христіанскихъ войскъ, побоятся дѣлать христіанамъ притѣсненія. И

Шербану будетъ великая помочь, и если онъ захочетъ въ то время быть въ подданствѣ у великихъ государей, тогда ему учинить это будетъ свободно [1]). Однако необходимо, „чтобы бояре и воеводы понудились, потому что по всѣмъ хроникамъ и по видимымъ постороннихъ государствъ поведеніямъ явно есть, марсово поле держащимъ и такія великія дѣла исправляющимъ, безъ нужды не бываетъ. А онъ, гетманъ, со всѣми, находящимися подъ его региментомъ, ихъ царскаго величества малороссійскаго края ратьми кровь свою точити и до самой смерти въ томъ дѣлѣ за имя Божіе и за ихъ великихъ государей повелѣніе подвизатися долженъ и съ радостію желаетъ". Тогда онъ надѣется, что крымчане оружіемъ царскихъ ратей будутъ побѣждены и отъ христіанскихъ странъ будутъ прогнаны далеко, такъ что христіанству больше докучать и насилія и разоренія учинять не будутъ; а можетъ и то случиться, что, увидѣвъ надъ собою побѣду, поддадутся подъ державу ихъ царскаго величества и будутъ въ такомъ же состояніи, какъ и орды казанскія и астраханскія. Въ томъ и другомъ случаѣ и турецкіе городки, которые построены на Днѣпрѣ, сами собою поддадутся великимъ государямъ, такъ какъ имъ уже не откуда ждать помочи. А какъ благословитъ Господь Богъ войскамъ царскаго величества Крымомъ овладѣть и крымчанъ изгнать въ дальныя страны, тогда въ Крыму надобно оставить на годъ бояръ и воеводъ съ полками, кого великіе государи укажутъ, или его, гетмана, чтобъ крымчане не возвратились и снова не поселились на прежнихъ мѣстахъ; а въ теченіе года построить крѣпкія фортеціи и наполнить ихъ людьми и запасами, чтобъ впередъ государевымъ войскамъ туда не ходить. А людей въ Крыму какъ плѣнныхъ польскаго и русскаго происхожденія, такъ грековъ и иныхъ народовъ, которые своими домами живутъ и при русскомъ владычествѣ останутся жить, множество.

---

[1]) Здѣсь Мазепа самъ себѣ противорѣчитъ: выше онъ говорилъ, что Шербанъ уже отдался подъ покровительство цесаря, а потому переходъ его въ подданство Россіи можетъ послужить поводомъ къ войнѣ съ цесаремъ; теперь этотъ поводъ къ войнѣ почему то отсутствуетъ, хотя фактъ принятія покровительства цесаря не исключается.

Что же касается до предложенныхъ ему вопросовъ, сколько съ нимъ въ томъ походѣ будетъ войска и какимъ путемъ идти въ Крымъ, то онъ, гетманъ, объявляетъ, что съ нимъ въ походѣ будетъ войска реестроваго сорокъ тысячъ человѣкъ, да на днѣпровомъ побережьѣ и въ другихъ пристойныхъ мѣстахъ будетъ оставлено тысячъ съ десять и больше; сбираться своими полками онъ будетъ въ Плотавѣ. Путь до Крыма наиболѣе удобенъ тотъ, которымъ государевы войска возвращались отъ Карачакрака, а о дальнѣйшемъ пути будетъ разсужденіе, когда онъ случится съ боярами и воеводами.

Послѣ того Шакловитый спросилъ: „о которомъ времени онъ, гетманъ, думаетъ быть тому на Крымъ походу, и какіе способы къ тому раннему зимнему походу имѣетъ, и въ томъ многолюдномъ походѣ конскими кормами какъ прокормиться?“

Гетманъ отвѣчалъ: „пусть великіе государи укажутъ боярамъ и воеводамъ въ тотъ крымской походъ идти съ Москвы по первому зимнему пути, неотмѣнно; придя въ указныя мѣста, они должны осмотрѣть войска и дать имъ и лошадямъ отъ дороги отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Въ походъ слѣдуетъ выступить перваго февраля, чтобы въ теченіе этого мѣсяца изъ указныхъ мѣстъ дойти до Крыма, мартъ мѣсяцъ быть въ Крыму въ войнѣ, а въ апрѣлѣ возвратиться домой, потому что въ эти мѣсяцы въ Крыму бываетъ весна. Ранніе зимніе и осенніе походы на Крымъ бывали въ прежнія времена небольшими партіями и всегда оканчивались успѣшно. Кромѣ того зимній походъ удобенъ и въ томъ отношеніи, что онъ гораздо легче для войска: воздухъ здоровый, пыли и жару нѣтъ, цынги и другихъ болѣзней не будетъ, путь легче, люди бодрѣе, воды вездѣ, какъ напереди обоза, такъ и по сторонамъ, чистой и свѣжей будетъ довольно; въ лѣтнее, напротивъ, время такой чистой и свѣжей воды добыть трудно, потому чистой водой можетъ пользоваться только чело обоза, а средина и задъ обоза получатъ воду мутную и нечистую, отчего можно ожидать тяжкихъ болѣзней. Еще и то надо принять въ соображеніе, что крымчане въ зимнее время предоставлены собственнымъ своимъ силамъ, помочи имъ не можетъ быть ни съ какой стороны, да и лошади у нихъ

безкормны, да, наконецъ, и оттого растеряются, что одни будутъ спасать свое имущество и семьи, а другіе пойдутъ на отпоръ, всякій не будетъ знать, куда ему кинуться. Наконецъ въ зимній походъ нѣтъ надобности брать крѣпость Перекопъ, безъ чего нельзя обойтись лѣтомъ, чтобы проникнуть въ Крымъ, такъ какъ зимою ее легко обойдти отъ Днѣпра моремъ по льду и попасть въ Крымъ безъ особой трудности.

Относительно конскихъ кормовъ, необходимыхъ для зимняго похода, гетманъ разсуждаетъ такъ: выступая въ походъ, взять на подводахъ сѣна китнаго, овса и сухарей; сѣно запасено какъ окольничимъ Леонтьемъ Романовичемъ Неплюевымъ, такъ и имъ, гетманомъ, на Самарѣ въ большомъ количествѣ, да въ полтавскомъ и гадяцкомъ полкахъ заготовлено тысячи двѣ возовъ, и это сѣно онъ велитъ перевезть въ ахтырской полкъ, гдѣ указано сбираться боярамъ и воеводамъ съ ратными людьми, безъ всякаго замедленія по первому зимнему пути, на Самару же это сѣно везти слишкомъ далеко и трудно. А когда войска войдутъ въ Крымъ по льду, минуя Перекопъ, то въ Крыму конскихъ кормовъ можно достать въ надлежащемъ количествѣ, потому что въ нынѣшнемъ году въ Крыму большой урожай, какого не бывало много лѣтъ, а въ апрѣлѣ будетъ трава.

Выслушавши отвѣтъ гетмана, Шакловитый въ свою очередь возразилъ, что такому великому генеральному походу на Крымъ въ столь короткое время стать невозможно, потому что съ боярами и воеводами будутъ рати изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, откуда имъ можно поспѣть въ указныя для сбора мѣста развѣ къ марту мѣсяцу.

Гетманъ отвѣчалъ: „въ томъ во всемъ воля великихъ государей! Только я по своей вѣрности доношу, что весьма потребенъ тотъ ранній зимній походъ паче всего, чтобы упредить бусурманское намѣреніе—приходъ ихъ на Украйну, такъ какъ отъ прихода крымчанъ на Украйну, генеральному крымскому походу будетъ большая помѣшка. Дѣло въ томъ, что если ханъ со всѣми ордами нападетъ на Украйны, то для отпора ему надо имѣть въ украинныхъ городахъ немалыя войска, которыя должны оставаться тамъ, пока ханъ не вернется домой; но

войско за это время настолько устанетъ, что будетъ непригодно къ продолжительному походу. Да и по всему тому походу быть раннему зимнему: сейчасъ бусурманы отъ войскъ христіанскихъ въ безсиліи, а если, сохрани Боже, какъ нибудь придутъ въ силу, если получатъ себѣ помощь отъ турецкаго султана или отъ Бѣлогородчины, въ то время на нихъ идти будетъ трудно, довольно будетъ оберегать свои границы.

Въ заключеніе гетманъ заявилъ послу, чтобы великіе государи указали быть въ походѣ конницѣ доброй, а также калмыкамъ и *низовымъ ратямъ*, потому что во всѣхъ государствахъ въ обычаѣ при наступательной войнѣ имѣть какъ можно больше конницы, чтобъ было кѣмъ непріятеля съ поля сбить, а гдѣ надобно догнать и добить; пѣхотные же полки большею частію бываютъ годны въ оборонительной войнѣ, въ обозахъ и въ фортеціяхъ. Да слѣдовало бы колмыкамъ и *нижнимъ ратямъ* дать жалованье. А рейтары были бы добры и оружны, и лошади у нихъ были бы добрыя, не такія, какъ были на Самарѣ, которыя и десяти верстъ не отъѣхавъ стали.

Покончивши съ главнымъ вопросомъ, Шакловитый предложилъ гетману другія статьи; изъ нихъ по II-й статьѣ посолъ сообщилъ гетману, что на его челобитье—„быть къ Москвѣ и видѣти пресвѣтлыя государскія очи“, великіе государи велѣли ему объявить, что они немедленно позволили бы ему пріѣхать, если бы не предстояло множество хлопотъ по приготовленію къ походу. А такъ какъ онъ самъ, гетманъ, говорилъ, чтобы войскамъ выступить съ Самары въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, то ему къ тому самому надобно быть въ готовности со всѣми малороссійскими ратьми, а также позаботиться о хлѣбныхъ и конскихъ запасахъ. И онъ бы, гетманъ, того отказа въ оскорбленіе себѣ не ставилъ, потому что государи будутъ ждать его къ себѣ тотчасъ по возвращеніи изъ похода.

Гетманъ отвѣтилъ, что онъ довольствуется и обѣщаніемъ.

По III-й статьѣ Шакловитый „сказывалъ великихъ государей указъ“ гетману, что, по его челобитью, бывшій переяславской полковникъ Дмитрашка Райча изъ Сѣвска къ нему для розыска отосланъ, о чемъ послана государева грамота въ Сѣвскъ

къ окольничему и воеводѣ и намѣстнику карачевскому Леонтью Романовичу Неплюеву, и чинъ полковничій у него отнять. А какъ Дмитрашка прибудетъ въ Батуринъ, гетманъ безвременно до разоренья его не допускалъ бы, а въ измѣнномъ дѣлѣ про него розыскивать, какъ и про Грибовича, который уже сидитъ въ тюрьмѣ, и кто будутъ на нихъ челобитчики, о томъ о всемъ писать къ государемъ. Въ отвѣтъ гетманъ благодарилъ за доставку Дмитрашки и обѣщалъ, что безъ розыску до разоренья не допуститъ и ничего ему чинить не будетъ; но съ другой стороны онъ обязательно долженъ посадить его въ тюрьму, „потому что онъ, Дмитрашко, человѣкъ непостоянный и превратный и на немъ много злыхъ дѣлъ, о которыхъ многіе люди свидѣтельствуютъ". Да и всему малороссійскому краю вѣдомо его многое воровство, измѣна и непостоянство, что онъ много разъ присягалъ при прежнихъ гетманахъ въ вѣрности, и никогда не устоялъ, потомъ бѣгалъ въ Польшу, откуда отпущенъ тоже за присягою, потомъ присягалъ бывшему гетману Самойлову, и той присяги не додержалъ; а теперь и его, гетмана, своего регментаря, не почитаетъ, злословитъ и, не спрося его, послалъ своего племянника въ Москву, а здѣсь распустилъ слухъ, что племянникъ у ихъ царскихъ величествъ въ спальникахъ и вообще лицо очень приближенное, и что онъ, Дмитрашко, задержанъ въ Сѣвску не въ Полуботковѣ дѣлѣ, но въ его гетманскихъ интересахъ, и будетъ вскорѣ на свободѣ. Грибовичъ сидитъ за карауломъ по извѣту на него разныхъ лицъ; человѣкъ онъ тоже „причинный": былъ въ Сибири и оттуда ушелъ на Донъ, гдѣ пробылъ долгое время, а въ здѣшній край пришелъ съ Дону. Если по свидѣтельству и по розыску онъ оправданъ будетъ, то гетманъ освободитъ его съ присягою, что ему великимъ государямъ служить вѣрно, а у него, гетмана, быть въ послушаніи безъ всякихъ коварствъ и вымысловъ.

По IV статьѣ посолъ говорилъ гетману, чтобъ онъ, выбравъ вѣрныхъ и въ Крыму бывавшихъ двухъ-трехъ козаковъ, послалъ ихъ въ Крымъ и въ турецкіе городки, которые построены на Днѣпрѣ, лазутчиками для провѣдыванія: „какое въ Крыму и въ городкахъ поведеніе, и впредь съ какимъ намѣре-

ніемъ и съ какою оборономъ противъ войскъ ихъ царскаго величества они, крымцы, поступить хотятъ, и отъ султана турскаго въ Крымъ къ хану есть ли какой указъ, и помочи ханъ отъ султана себѣ при наступленіи царскихъ ратей чаетъ ли, и будетъ чаетъ—многими ль войсками и въ которыхъ мѣстахъ, и перекопскія и иныя крѣпости починивали ль?" А какъ посыльщики возвратятся и что въ распросѣ скажутъ, о томъ гетманъ писалъ бы къ государямъ.

Гетманъ отвѣчалъ, что лазутчиковъ немедленно пошлетъ.

По V ст. посолъ напомнилъ гетману объ указѣ великихъ государей, чтобы онъ приказалъ въ степяхъ до Перекопи всѣ травы выжечь и о томъ порадѣлъ неотмѣнно.

Гетманъ отвѣчалъ, что онъ уже писалъ къ полтавскому полковнику съ подкрѣпленіемъ, чтобъ онъ послалъ человѣкъ тридцать козаковъ своего полка, людей добрыхъ и вѣрныхъ, и велѣлъ имъ всѣ степи отъ Мерла и до Самары и отъ Самары—до какихъ мѣстъ возможно выжечь; а къ думному дворянину и воеводѣ Григорію Ивановичу Косагову писалъ онъ съ просьбою, чтобы для вѣрности исполненія приказанія послалъ онъ отъ себя изъ Богородицкаго, кого пристойно, досмотрѣть, дѣйствительно ли степи выжжены. Для пожега степей за Самарою послалъ войсковаго товарища Антоица, вѣрнаго и заслуженнаго, и велѣлъ жечь степи до самой Перекопи; а для досмотра того пожега тотчасъ же посылаетъ глуховскаго атамана, человѣка вѣрнаго и правдиваго.

По VI статьѣ Шакловитый объявилъ гетману указъ великихъ государей, чтобъ въ крымскомъ походѣ съ нимъ были полки малороссійскіе городовые, домовые, старые полные, люди письменные, а не гультяи, и онъ о томъ приказалъ универсалами всѣмъ полковникамъ.

Гетманъ отвѣчалъ: чтобъ козаковъ гультяевъ не было, о томъ онъ давно заботится и думаетъ устроить это такимъ образомъ, чтобъ при полкахъ великороссійскихъ войска козацкаго было бы не больше двадцати тысячъ и во всякомъ случаѣ меньше числа великороссійскихъ войскъ, а достальныхъ, выскавъ бы имъ дѣло, держать по берегу. А впередъ, какъ онъ

думаетъ, осмотрясь, можно бы устроить въ городахъ небольшое число городовыхъ козацкихъ полковъ, чтобъ въ нихъ козаки были самые добрые, заслуженные, оружные и конные, да держать еще охотныхъ жалованныхъ конныхъ полковъ и сердюковъ тысячъ съ шесть, и тѣхъ сердюковъ, для большей твердости переименовать, какъ государи укажутъ.

Этими шестью статьями, очевидно, ограничивалось порученіе Шакловитаго къ гетману, потому что въ слѣдующихъ статьяхъ, находящихся при статейномъ спискѣ (7 и 8), рѣчь идетъ прямо отъ гетмана, записаны его предложенія. Именно въ VII ст. „гетманъ удивляется не помалу о запорожцахъ, что они такъ недавно отмѣнились и учали поступать противно, и къ нему пишутъ жестоко, чего отъ нихъ прежъ сего не бывало. И мнитъ онъ себѣ, что они то чинятъ по присылкѣ съ польской стороны, потому что они нынѣшнимъ лѣтомъ посылали туда, не желая дать строить городъ на Самарѣ, или научены отъ здѣшнихъ злоумышленниковъ". Во всякомъ случаѣ для провѣдыванія причины, почему запорожцы такъ отмѣнились, онъ послалъ на Запорожье добрыхъ и вѣрныхъ людей, и какія вѣдомости отъ нихъ будутъ, о томъ онъ будетъ писать великимъ государемъ. Въ VIII ст. гетманъ говорилъ: „полковникъ де Апостоленко, который въ прошлую зиму запорожцевъ кормилъ и дарилъ, и обѣщалъ имъ дать зимовыя становища въ своемъ полку, также челядника своего, безъ его вѣдома, въ Польшу посылалъ и по возвращеніи челядника о немъ не писалъ же и въ томъ не оправдался,—теперь еще учинилъ такіе поступки: „былъ онъ поставленъ съ полкомъ своимъ на побережьѣ для опасенія отъ непріятельскихъ людей, и писалъ къ нему, гетману, чтобъ ему для лучшаго поиска надъ непріятелемъ перейти за Днѣпръ, и онъ де ему перейти поволилъ; а онъ, вмѣсто промыслу, учалъ имѣть съѣзды, и банкеты и разговоры съ воромъ и бѣглецомъ съ Апостольцомъ, который въ здѣшнемъ краю..." На этихъ словахъ статейный списокъ посольства Ѳ. Л. Шакловитаго обрывается, но изъ боярскаго приговора, который написанъ по задней сторонѣ склеекъ начальныхъ листовъ, приводимаго ниже, ясно видно, что гетманомъ было сдѣлано послу

еще нѣсколько предложеній, отвѣты на которыя и заключаются въ помянутомъ боярскомъ приговорѣ.

Изъ „листовъ“ гетмана, которые онъ послалъ къ великимъ государемъ, видно, что Шакловитый выѣхалъ изъ Батурина 19 октября, а 2-го ноября былъ уже въ Москвѣ. Составленный имъ статейный списокъ былъ слушанъ въ боярской думѣ, въ присутствіи государей, 7 ноября, и по нему состоялся слѣдующій приговоръ:

„197 г. (1688) ноября въ 7 д. великимъ государемъ и великой государынѣ, благовѣрной царевнѣ извѣстно (*отступя*) и бояромъ чтено.

И великіе государи указали: къ гетману послать противъ сихъ разговоровъ съ думнымъ дворяниномъ, съ Ѳедоромъ Леонтьевичемъ Шакловитымъ объ ихъ государскихъ дѣлѣхъ свою великихъ государей грамоту съ милостивымъ словомъ и съ похвалою, и чтобъ онъ, гетманъ, съ малороссійскими полки сбирался къ крымскому походу немедленно, а бояре и воеводы кончае въ тотъ походъ пойдутъ съ указныхъ мѣстъ *въ февралѣ* мѣсяцѣ; а въ листахъ бы своихъ онъ, гетманъ, о готовности на ту службу малороссійскимъ къ полковникомъ и ратнымъ людемъ написалъ съ подкрѣпленіемъ, чтобы они имали себѣ въ тотъ походъ полные запасы на четыре мѣсяца.

А что онъ, гетманъ, билъ челомъ великимъ государемъ, чтобъ быть къ нему изъ Польши зятю его для повиданія съ нимъ, также бы за службу его гетманскую племянника его, который при немъ, гетманѣ, живетъ написать въ стольники, и великіе государи и великая государыня, благовѣрная царевна, пожаловали его, гетмана, зятю его видѣться съ нимъ указали и о томъ послана ихъ великихъ государей грамота въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ, какъ тотъ его зять пріѣдетъ изъ Польши въ Кіевъ, и его велѣно изъ Кіева отпустить къ нему, гетману. А племянника его пожаловали великіе государи, велѣли написать въ стольники и о томъ въ грамотѣ къ нему, гетману, написать, а въ розрядъ о племянникѣ, о чину его, послать память.— А о Заруцкомъ указали великіе государи положить на его гетманское разсмотрѣніе и жалованную грамоту на село Черторыю

повелѣли ему, гетману, у него взять и прислать къ Москвѣ въ приказъ Малыя Россіи; а дана была ему та жалованная грамота по его жъ гетманскому прошенію, какъ онъ писалъ о томъ къ ближнему ихъ царскаго величества боярину и оберегателю, ко князю Василью Васильевичу Голицыну.

А сѣна, которыя по его гетманскому приказу изготовлены для крымскаго походу, и тѣ бъ сѣна по первому зимнему пути приказалъ онъ, гетманъ, перевезть въ Кобылякъ и въ Бѣликъ, а какъ перевезутъ и сколько его возовъ будетъ, и о томъ бы онъ къ нимъ великимъ государемъ писалъ.

А что въ розыску о Дмитрашкѣ и о Грибовичѣ явится, и о томъ бы онъ, гетманъ, къ нимъ великимъ государемъ писалъ же. А о миргородскомъ полковникѣ отложилъ до тѣхъ мѣстъ, какъ придутъ съ полки боярин и оберегатель, князь Василій Васильевичъ съ товарищи, и въ то время о немъ учинено будетъ по общему совѣту.

А какъ посыльщики его гетманскіе изъ Крыму и изъ иныхъ мѣстъ къ нему возвратятся и что какихъ къ нему принесутъ вѣдомостей, и о томъ бы онъ къ великимъ государемъ писалъ же. А травы бъ въ степяхъ конечно всѣ вызжены были въ тѣхъ мѣстѣхъ, которымъ путемъ войскамъ будетъ идти къ Крыму.—А о поселеніи около новаго города на Самари, сколькимъ семьямъ велѣно тамъ селиться, указъ къ нему, гетману, посланъ; также и о Максимовѣ дѣлѣ *орендаря*, по его гетманскому прошенью, третью грамоту къ польскому королю они, великіе государи, указали написать ту грамоту и, запечатавъ, послать къ нему, гетману, а онъ бы, гетманъ, отдалъ ту грамоту тому арендарю.

Стрѣльцовъ московскихъ, которые сидѣли въ Сѣвску за карауломъ въ кражѣ скарбу войсковаго, велѣно свободить и отпустить къ Москвѣ; а о тѣхъ стрѣльцахъ же, которые явились въ кражѣ въ полкѣхъ, впредь ихъ, великихъ государей, указъ учиненъ будетъ.

А по челобитью генеральной старшины и иныхъ заслуженныхъ особъ о чинахъ, учиненъ имъ ихъ, великихъ государей,

указъ будетъ въ то время, какъ онъ, гетманъ, будетъ на Москвѣ и увидитъ ихъ государскія очи.

А которые два человѣка козаковъ, Мишка да Лукашка, сидятъ у него, гетмана, за карауломъ, и онъ бы, гетманъ, учинилъ объ нихъ по своему разсмотрѣнію, а оскорбленія имъ совершеннаго никакого не чинилъ и мнѣнія бъ въ томъ дѣлѣ о себѣ никакого не имѣлъ, а былъ при вѣрности своей надеженъ на ихъ царскую милость, потому что имъ въ рѣчахъ ихъ не повѣрено и для того они къ нему, гетману, и посланы.

А что онъ, гетманъ, своимъ вѣрнымъ радѣніемъ и службою приказалъ въ войсковой канцеляріи, также и во всѣхъ малороссійскихъ городѣхъ писати о всякихъ дѣлѣхъ челобитныя на ихъ государское имя, также жъ и листы во всѣ города о всякихъ же дѣлѣхъ учнетъ онъ, гетманъ, писать ихъ же государскимъ указомъ и повелѣніемъ, и за то указали великіе государи его, гетмана, похвалить и чтобъ онъ, гетманъ, радѣніемъ своимъ и въ совершенство то дѣло привелъ и учинилъ.

А по вѣдомостямъ взятыхъ крымскихъ языковъ о приходѣ ханскомъ войною на украинные города по нынѣшнему зимнему пути, приказалъ бы онъ, гетманъ, въ малороссійскихъ городѣхъ имѣть великую осторожность и къ отпору того непріятеля готовность, именно въ полтавскомъ и въ миргородскомъ и въ иныхъ полкахъ, а съ другую сторону отъ крымской же и отъ бѣлогородской орды въ переяславскомъ полку и въ иныхъ поднѣпровскихъ мѣстахъ, чтобъ тѣ непріятели безвѣстно не пришли и разоренья какого въ людяхъ не учинили. А на самарскія вершины послалъ бы онъ, гетманъ, для осторожности отъ того жъ ханскаго прихода тысячу человѣкъ козаковъ, тѣхъ, которымъ нынѣ въ томъ крымскомъ походѣ не быть, и приказать имъ въ тѣхъ мѣстѣхъ стоять съ перемѣною въ крѣпкихъ и надежныхъ мѣстѣхъ и ссылаться съ козаками жъ, которые изъ слободскихъ городовъ поставлены между рѣкъ Быка и Самари; а ссылаясь, чинить надъ тѣми непріятели, буде гдѣ явятся, воинской промыселъ, сколько всемилосердый Господь Богъ помочи подастъ, а для вѣдома писали бы о тѣхъ непріятеляхъ на

Самарь въ новой Богородицкой городъ и въ иные города съ нарочными гонцы".

Изъ приведеннаго приговора несомнѣнно слѣдуетъ, что, кромѣ тѣхъ VIII статей, которыя имѣются въ статейномъ спискѣ Шакловитаго, между нимъ и гетманомъ происходили и другіе переговоры по вопросамъ внутренней политики. Таковы заявленія гетмана о дозволеніи повидаться съ зятемъ, о производствѣ племянника его въ чинъ стольника, по дѣлу Заруцкаго, какого то арендаря, о стрѣльцахъ, виновныхъ въ кражѣ, о заселеніи кругомъ города Новобогородицка и о козакахъ Мишкѣ и Лукашкѣ, вопросы настолько незначительные, что они могли бы быть рѣшены простою перепискою.

Безспорно, главной цѣлью посольства Шакловитаго были переговоры о походѣ, и никто другой не могъ бы выполнить этого посольства лучше, какъ онъ, если принять во вниманіе положеніе дѣлъ въ то время. Первое лицо въ правительствѣ былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, только что совершившій чрезвычайно неудачный походъ на Крымъ, но свалившій всю тяжесть отвѣтственности на неповинную спину Самойловича, будто бы своими интригами испортившаго походъ. Удайся походъ, и Самойловичъ, несмотря на всѣ челобитныя старшины, еще крѣпче усѣлся бы на своемъ урядѣ. Теперь Голицыну предстояло доказать всему крещеному міру, что онъ геніальный полководецъ и что только совершенно постороннія обстоятельства, имъ непредвидѣнныя, какъ интриги гетмана, могли помѣшать его удачѣ. Да еще какъ доказать! Вотъ его манятъ въ таинственную даль патріархи и подвластные туркамъ христіане, предлагая, какъ на парадъ, довести до Константинополя, да по дорогѣ онъ еще встрѣтитъ мощнаго союзника, молдавскаго князя Шербана съ семьюдесятью тысячами войска. Искушеніе большое. Турки разбиты на всѣхъ пунктахъ, западныя государства снова предпринимаютъ противъ нихъ походъ, какъ не воспользоваться удачнымъ случаемъ схватить лакомый кусокъ? Но.... неудача перваго похода тяжелымъ бременемъ лежитъ на немъ. А что, какъ опять?... Нѣтъ! Побольше осторожности... И вотъ въ совѣтѣ царевны, Голицына и Шакловитаго составляется планъ: зачѣмъ

брать на себя отвѣтственность въ случаѣ неудачи? Можно подыскать другое лицо, на которое и свалить неудачу, а при благополучномъ исходѣ дѣла, всю честь приписать себѣ. Этотъ человѣкъ — новый гетманъ; онъ человѣкъ бывалый, опытный, ловкій... что то онъ посовѣтуетъ? Послѣдуемъ его совѣту и, въ случаѣ удачи, намъ слава, въ случаѣ неудачи — можно пожертвовать и другимъ гетманомъ. Кто же могъ быть посломъ въ такомъ дѣлѣ, какъ не посвященный въ тайну Шакловитый?

Мазепа дѣйствительно былъ человѣкъ опытный, бывалый, ловкій... Однимъ ударомъ онъ разбилъ мысль о походѣ на турокъ и предложилъ самый скромный планъ нападенія на Крымъ, и кто знаетъ? Если бы его планъ былъ точно выполненъ, если бы походъ начался „по самому раннему зимнему пути“, такъ чтобы можно было успѣть *по льду* проникнуть въ Крымъ, то успѣхъ предпріятія могъ быть несомнѣненъ. Недаромъ Мазепа просилъ „понудить“ бояръ, чтобы они пораньше выбрались въ походъ. Предложенный имъ планъ похода былъ вполнѣ принятъ государями и боярской думой, приказано было жечь степи, готовить сѣно и запасы и выступить войскамъ съ указныхъ мѣстъ *въ началѣ февраля*, но въ неисполненіи этого плана на дѣлѣ Мазепу обвинить было невозможно.

Только что Шакловитый прибылъ въ Москву, какъ гетманъ прислалъ уже „вѣдомости“ о кошѣ запорожскомъ и о Польшѣ. Такъ какъ эти документы непосредственно касаются цѣли посольства Шакловитаго, то считаю нелишнимъ привести ихъ здѣсь. Къ сожалѣнію, письмо къ гетману кошеваго атамана, Филона Лихопоя, переведено на такой варварскій языкъ, что смыслъ совершенно теряется, а потому, чтобы не впасть въ неправильное пониманіе атаманскихъ мыслей, привожу его подлинникомъ.

„Какъ всегда мы сердечною нашею чистою и вѣрностію пребывая къ ихъ царскому пресвѣтлому величеству и къ вельможности вашей и желательство и по вольности нашей услуги будучи постоятельно и совершенной къ нимъ, великимъ государемъ, обрѣтающіеся въ вѣрности, чинимъ надъ непріятелями

промыслъ не утая, сколько намъ Богъ помощи подаетъ; а уже и въ нынѣшнемъ времени Господь всемилостивый своею Божественною надъ нами милостію, за предстательствомъ Пр. Дѣвы, посылати намъ изволилъ языковъ ихъ непріятельскихъ, понеже товарищъ нашъ Яковъ Гусакъ съ товариществомъ нѣсколько десять человѣковъ, а пребывая на низу мало не все лѣто по обычаю своему рыцарскому и по охотѣ своей ко услугѣ ко превысокому и превеликому ихъ престолу монаршескому заслуги чиня на предбудущую милость ихъ и похвалу совершенную, приложили радѣніе для вѣдомости и языковъ ихъ непріятельскихъ, гдѣ пребывая на низу въ Стрѣлицѣ вышедъ ханъ изъ Крыму и со всею ордою откочевалъ было ихъ и облегъ тамъ гдѣ понудилися розно разбѣжати гдѣ тамъ же въ Стрѣлицѣ добыли языка ихъ непріятельскаго подлиннаго и привезли къ кошу ноября 4-го числа, съ которымъ языкомъ не задержавъ у себя, того Гусака и съ товарыщствомъ двадцати человѣкъ спѣшно посылаемъ вельможности вашей, запобѣгая ихъ непріятельскому намѣренію и для цѣлости народной, понеже иной языкъ въ роспросѣ сказалъ, что ханъ крымской со всѣми ордами своими вышелъ изъ Крыму, того подлинно не знаемъ если пошелъ на венгоровъ или на иную какую страну. А какъ се нынѣ приведенный языкъ, такъ и выходцы сказываютъ, что подлинно остался въ Крыму только всей орды тысячи съ двѣ, и та есть не военная; котораго всего времени желаемъ и часу откольско надесять лѣтъ нажидали мы, дабы ханъ съ ордами не былъ въ Крыму, яко и вельможность ваша писалъ къ намъ, что когда бы ханъ изъ Крыму куда на сторону отдалился, для чего полки всѣ охотническіе и пѣхотные оставляйте на побережію. И какъ въ нѣсколько кратныхъ почтенныхъ письмахъ своихъ обѣщали есте чинити радѣніе вмѣстѣ съ ближнимъ окольничимъ и воеводою и намѣстникомъ карачевскимъ, его милостію Леонтьемъ Романовичемъ Неплюевымъ за которыми причинами не лучилося пойдти подъ Перекопъ, тогда подлинно имѣли есте прислати къ намъ часть такую войска, съ которымъ бы войскомъ не токмо подъ городки, но и на самый Крымъ ударити можемъ, что изволите учинити противъ слова и обѣщанія своего господскаго, а къ намъ какъ

наименьше сего времени войска охотнаго тысячъ съ пять безъ всякой отмолвки и отпису вскорѣ прислати. А какъ наша до того есть великая охота, что когда бы вельможность ваша на прошеніе наше учинили съ которымъ бы посилкомъ видѣлъ бы вельможность ваша, что много имъ повредили бы, что видя они, непріятели, понудились бы усомнѣватися, понеже много такой поры и часу пристойнаго такого ожидати, а опять по старому никому бы иному, токмо бы вельможности вашей была слава и отъ пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ похвала, и намъ предковская слава помножилась бы. А сохрани Боже того, чтобы имѣли если на что иное замыслить, когда бъ вельможность ваша войска къ намъ прислалъ, тогда то бы войско пришло бы на дорогѣ того же часу могли назадъ возвратитись. А ежели вельможность ваша противъ прошенія нашего не можете чинити, тогда можетъ причитати вашу государскую къ намъ нелюбовь, чѣмъ и они, непріятели, если не учинимъ надъ ними промыслъ сего часа пристойно будучимъ съ того утѣшаться. О чемъ и паки и десятую покорно и препокорне до ногъ вашихъ господскихъ припадая упадшихъ упрошаемъ и мысль свою вельможности вашей объявляемъ. Сего товарища нашего Якова съ товариствомъ двадцать человѣкъ изволь вельможность ваша, яко милостивый нашъ региментарь и благодѣтель, милостію своею господскою удовольствовати ихъ за ихъ вѣрную службу и труды и къ пресвѣтлѣйшему ихъ престолу монаршескому съ нимъ языкомъ съ почтеніемъ своимъ господскимъ заступительнымъ листомъ отпустити ихъ, дабы сподобились получити милость ихъ монаршескую; а еже бы зачѣмъ не могутъ быти на Москвѣ, тогда изволь вельможность ваша пожаловати своею господскою милостію и дати имъ становище зимнее доброе для оживленія самихъ и коней. А о запасахъ также обыкновенныхъ годовыхъ и денегъ нѣсколько тысячъ, о чемъ нѣсколько кратъ воспоминали вельможности вашей, такъ и нынѣ покорно просимъ: изволь по давнимъ письмамъ намъ то все въ кошу посылать".

Это письмо кошеваго атамана служитъ подтвержденіемъ словъ гетмана о запорожцахъ, что „они пишутъ къ нему жестоко, чего отъ нихъ прежъ сего не бывало". Въ самомъ дѣлѣ, тре-

бовать присылки пятитысячнаго отряда для очень неопредѣленнаго похода, требовать присылки денегъ и запасовъ, требовать награды Гусаку „съ товарыствомъ“ за то, что они, промышляя своимъ дѣломъ, случайно поймали языка, который навретъ невѣдомо что, требовать для „товарыства“ удобныхъ и пріятныхъ зимовокъ,—все это не было въ правилахъ запорожцевъ, которые обыкновенно „усердно и умилительно“ выпрашивали себѣ разныя подачки отъ московскаго правительства, отлично понимая, что разъ ими будутъ недовольны, тотчасъ же послѣдуетъ приказъ о прекращеніи къ нимъ по Днѣпру отпуска хлѣба, безъ чего они не могли существовать. „Мнитъ онъ, гетманъ, что они то чинятъ по присылкѣ съ польской стороны, потому что они нынѣшнимъ лѣтомъ посылали туда, не желая дать строить городъ на Самари“. Это предположеніе гетмана какъ нельзя лучше оправдалось, когда вернулся посланный имъ въ Польшу „для вѣдомости о тамошнемъ поведеніи“ барышполецъ Савелій Андрюшенко. Прибывъ въ Батуринъ 5 ноября, Андрюшенко въ распросѣ сказалъ: вышелъ онъ изъ Барышполя съ подорожнымъ листомъ переяславскаго полковника будто для свиданія съ своимъ братомъ, находящимся въ Барѣ при Булы-башѣ, полковникѣ охотницкомъ, и шелъ на Кіевъ, Чудинъ, Коростышевъ, Трояновъ, Мирополье, Полонное, Лабунь, Константиновъ старый и Межибожъ; въ каждомъ городѣ его водили къ уряднику, старостѣ и къ жолнернымъ начальникамъ и спрашивали, дѣйствительно ли построенъ городъ на Самари, и пойдутъ на будущее лѣто въ походъ на Крымъ царскія и козацкія войска? и когда онъ отвѣчалъ, что городъ дѣйствительно выстроенъ и походъ непремѣнно будетъ, всѣ были отвѣтомъ очень довольны. Въ городѣ Полонномъ его дважды приводили къ самому Любомирскому, который его спрашивалъ: „есть ли войска на сей сторонѣ Днѣпра надъ берегомъ въ готовности московскія и козацкія стоятъ, и для чего людей на ту сторону Днѣпра съ сей стороны къ нимъ въ Польшу на житье не пускаютъ? а городъ на Самарѣ совсѣмъ ли построенъ, какъ належитъ? и силы государскія тотчасъ ли послѣ Рождества Христова подымутся на Крымъ?“ На что Савка ему отвѣчалъ, что на побережьи войско козацкое

стоитъ въ готовности и что войска государскія несчетныя поднимутся въ походъ на Крымъ какъ только начнется весна, для чего въ Самарской городъ всю зиму будутъ возить всякіе запасы и пушки. Любомирскій такимъ отвѣтомъ былъ очень обрадованъ и благодарилъ Бога, а потомъ прибавилъ: „если бы де не исполнился тотъ походъ на Крымъ войскъ государскихъ на будущее лѣто, тогда бъ понудился миръ и перемирье королевскаго величества съ царскимъ величествомъ учиненное нарушити и польскія бъ войска пошли на Заднѣпріе войною, и хотя Заднѣпрью и ничего не учинили бъ, однако и то намъ стало бъ за прибыль, чтобъ всѣхъ людей, которые въ прошлые годы изъ польскихъ городовъ ушли для турской войны на Заднѣпріе и которыхъ теперь гетманъ запорожскій не пускаетъ, опять перевести въ Польшу. Да и Самарской городъ разорили бы, потому что запорожцы черезъ пословъ своихъ неоднократно докучаютъ королевскаго величества гетманамъ короннымъ и всей Рѣчи Посполитой, что за построеніемъ города на Самари, рѣка эта отъ нихъ отходитъ. Теперь же и королевское величество и всѣ господа польскіе никакого слова потѣшнаго не даютъ, вглядываясь въ будущее и дожидаясь, будетъ ли походъ царскихъ войскъ на Крымъ и что тѣмъ походомъ надъ Крымомъ доброе сдѣлается". Тѣжъ рѣчи слышалъ Савка и въ Барѣ у Булыбаша. Не найдя своего брата при Булыбашѣ, Савка поѣхалъ въ Заславль, гдѣ встрѣтился съ братомъ Палѣя Василіемъ и съ нимъ ѣхалъ вмѣстѣ до Хвастова. Дорогою онъ слышалъ отъ Василья, что Могила и Палѣй съ козацкимъ войскомъ стоятъ подъ городомъ Язловцомъ и что войско ихъ получило отъ короля жалованье, на каждаго рядоваго козака по кафтану и по пяти левковъ денегъ.

Да тотъ же Палѣевъ братъ Василій сказывалъ ему, что молдавской господарь со всею землею перешелъ въ подданство цесарскаго величества; и цесарь писалъ къ королю, чтобы онъ послалъ на зимовье въ молдавскую землю козадкое охотницкое войско, которому, по прибытіи въ Молдавію, обѣщаетъ тотчасъ же дать жалованье, по парѣ суконъ и по десяти левковъ на каждаго человѣка. Король, желая сдѣлать удовольствіе цесарю, велѣлъ всѣмъ козакамъ изъ Немирова и иныхъ мѣстъ сходиться

къ Могилѣ и Палѣю, а когда сойдутся, отправить ихъ въ молдавскую землю, а на ихъ мѣсто въ Немировъ, Вилинцы, Паволочь и въ иные городки, крайніе отъ Украйны по Полѣсью, поставлены лучшія польскія знамена, такъ называемыя *волосскія козацкія*. Не желая допустить волоховъ въ свой Хвастовъ, Палѣй послалъ туда своего брата съ приказаніемъ, отнюдь не допускать въ Хвастовъ никакого польскаго знамени, хотя бы для этого пришлось вступить въ бой; самъ же Палѣй, не имѣя никакой охоты идти съ своею конницей на зимовье въ молдавскую землю, поѣхалъ къ королю просить объ освобожденіи его отъ того похода. А король и коронный гетманъ на будущее лѣто намѣрены Палѣя посадить въ Чигиринѣ, чтобы городъ населилъ людьми; однако Палѣй въ Чигиринѣ поселиться вовсе не желаетъ, и если его „выпрутъ“ ихъ Хвастова, то перейдетъ на житье въ Триполье.

Войска польскія коронныя расположены на Волыни и въ Полѣсьи, въ городахъ и селахъ, и получаютъ съ жителей на каждаго коня по сту золотыхъ шелегами; а литовскія войска пошли на зимовье въ Литву. Все польское войско и люди всякихъ чиновъ польскихъ городовъ весьма недовольны королемъ за лѣтній походъ, когда войска понесли большой уронъ, такъ какъ у нихъ не было пушекъ и не позволено было идти подъ Каменецъ.

Въ польскихъ же городахъ слышалъ онъ, Савка, что какіе то два мурзы изъ Бѣлогородчины съ своими улусами поддались цесарскому величеству и перешли въ молдавскую землю.

Возвращаясь домой, онъ слышалъ отъ Палѣева брата Василья, что ханъ прислалъ въ Хвастовъ нѣсколько тысячъ денегъ и въ городъ Сороку пятьдесятъ человѣкъ плѣнныхъ козаковъ для окупа своего зятя Батыря-мурзы, самого пята, но Палѣй требуетъ еще какой то черницы, находящейся въ плѣну у бусурманъ. Запорожцы послали еще посольство въ Польшу, а кого именно и къ кому, того онъ совершенно не знаетъ и не слыхалъ.

Такимъ образомъ оказывается, что Мазепа былъ, такъ сказать, въ курсѣ тогдашняго политическаго положенія сосѣднихъ государствъ, былъ освѣдомленъ о состояніи этихъ государствъ гораздо лучше, чѣмъ московское правительство, а потому въ международныхъ вопросахъ всегда былъ дорогимъ и полезнымъ совѣтникомъ Москвы.

А. Востоковъ.

Сынъ Гетмана.[1)]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТЕПНОЙ ЖЕНИХЪ.

ГЛАВА I.

ВЪ ЗАМКѢ ГОСПОДАРЯ.

Было ясное морозное утро. Въ Яссахъ, столицѣ Молдавіи, все уже было на ногахъ. Въ городскія ворота то и дѣло въѣзжали изъ сосѣднихъ деревень и мѣстечекъ обозы съ мясомъ, дичью, медомъ и воскомъ, пшеномъ, ячменемъ и кукурузою. Обозы эти тянулись къ княжескому замку, гдѣ ихъ переправляли по подъемнымъ мостамъ на широкій дворъ къ житничарамъ, медельничарамъ, сулджарамъ, и ключарямъ. На широкомъ дворѣ кипѣла жизнь во всѣхъ углахъ, въ безчисленныхъ княжескихъ кладовыхъ, подвалахъ, погребахъ, конюшняхъ и сараяхъ. Возы съ мясомъ, свиными тушами, бараниной, тетеревами, голубями, гусями, утками и другою живностью направлялись къ камарасулу, развѣшивавшему и распредѣлявшему мясо подъ надзоромъ великаго сулджара. Другой камарасулъ, стоя у амбара, принималъ возы съ хлѣбомъ, ожидая прибытія великаго житничара съ его

[1)] См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 4.

помощниками и заранѣе разсчитывая прибыль, какую ему придется получить, такъ какъ съ каждаго воза ему полагалось по тридцати аспръ въ прибавку къ его жалованью.

Въ княжескихъ конюшняхъ тоже шла оживленная работа, и великій комисъ, противъ своего обыкновенія, самъ тщательно осматривалъ сбрую, экипажи, одежды конюховъ и каретной прислуги. О сѣнѣ ему нечего было заботиться: въ истекшемъ году Бронисса, огромный лугъ на Прутѣ, далъ невѣроятный урожай, княжескіе сѣновалы и сараи ломились отъ сѣна; но онъ очень тщательно провѣрялъ надзирателя за конскими приборами, камарасула-де-рафтури, и заставилъ его вытащить на свѣтъ Божій всѣ золотые и серебряные уборы, всѣ богато украшенныя сѣдла съ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, и съ видомъ знатока указывалъ ему, гдѣ что надо поправить, починить, возобновить. Камарасулъ-де-лумине, или смотритель за освѣщеніемъ, хлопоталъ съ привезенными возами воску; слѣдуя княжескимъ приказаніямъ, онъ долженъ былъ приготовить множество ароматическихъ зеленыхъ свѣчей, а пчелы княжескихъ пасѣкъ на этотъ разъ, какъ нарочно, мало дали матеріала. Онъ уже докладывалъ объ этомъ и великому ключарю, и великому вистернику, или казначею, дѣло доходило до князя, но тамъ, въ высшей инстанціи, его рѣшили просто, приказавъ наложить дань на принадлежавшія князю деревни и мѣстечки. Рѣшить то было легко, но каково приводить въ исполненіе это рѣшеніе! Вотъ и теперь бѣдный камарасулъ изъ себя выходилъ, топалъ ногами и кричалъ на пріѣхавшихъ съ возами крестьянъ, не привезшихъ и половины условленнаго количества; а тѣ лѣниво переминались въ своихъ неуклюжихъ сандаліяхъ съ ноги на ногу, снимали высокіе бараньи колпаки и, почтительно кланяясь, говорили:

— Пчела нынче не зародилась; много должно быть въ прошломъ году ее избили!

— Врете вы, врете! мошенники! кричалъ камарасулъ. Вотъ я нашлю на васъ приставовъ, они обшарятъ ваши ульи. А если вы пчелъ своихъ избили, сами виноваты; за глупость свою и заплатите.

— Погоди, господинъ, потерпи до весны, мы тогда тебѣ вдвое воску привеземъ.

— А зачѣмъ мнѣ тогда вашъ воскъ? кипятился камарасулъ. Нашъ великій князь не два раза будетъ выдавать свою дочь замужъ. Воскъ мнѣ нуженъ теперь, и если вы не доставите мнѣ его во время, я донесу на васъ великому губернатору.

Крестьяне покорно опустили головы, и камарасулъ хорошо зналъ, что угрозы его на нихъ не подѣйствовали: воску они не достанутъ, и надо или обойтись безъ лишнихъ свѣчей, или купить на княжескій счетъ.

Пока на дворѣ хлопотали и суетились, въ харемѣ, т. е. на женской половинѣ, тоже толклись, приводя все въ порядокъ и нѣсколько десятковъ дюжинъ крестьянокъ, нарочно взятыхъ изъ сосѣднихъ деревень, помогали княжеской прислугѣ мыть покои, чистить утварь, выколачивать ковры и мебель.

Княгиня еще спала, но невѣста и сестра ея встали и занимались своимъ туалетомъ, окруженныя многочисленною прислугою и боярышнями. Высокая, статная старшая сестра была немного полна, но большіе каріе глаза съ поволокой и роскошные черные волосы, спускавшіеся двумя толстыми косами чуть не до пятъ, высокоподнятая голова, горделивый взглядъ и поступь, немного презрительная улыбка — придавали ей величественный видъ; она смотрѣла и выступала королевой. Сестра ея, еще почти ребенокъ, была уже замѣчательно красива. Гибкій стройный станъ ея, огненныя очи, правильныя тонкія черты ея лица, красиво очерченныя губы; тонкіе брови дугою и нѣжно матовый цвѣтъ лица съ нѣжнымъ оттѣнкомъ румянца, все напоминало въ ней древнихъ красавицъ римлянокъ, служившихъ оригиналомъ для древнихъ статуй, поражавшихъ правильностью линій, граціозностью и гибкостью движеній. Ея черные волосы сильно вились, и ей стоило большаго труда гладко причесать ихъ и заплести въ косы, какъ этого требовала тогдашняя мода.

Старшая сестра въ угоду жениху, ожидаемому со дня на день, была одѣта въ польскій костюмъ, и ея дорогой атласный саянъ съ большими разводами, унизанный жемчугомъ, очень шелъ къ ея высокому росту и горделивой осанкѣ. Только на голову

она не рѣшилась ничего надѣть, такъ какъ это было бы противъ обычая страны. Домна же Локсандра была въ національномъ костюмѣ. Ея стройный станъ обхватывала тонкая бѣлая рубашка, богато вышитая шелками и бисеромъ, съ широкими рукавами, оканчивавшимися у кисти руки широкимъ вышитымъ же обшлагомъ, и перехваченная у таліи двумя полосатыми шелковыми передниками съ широкою бахромою. Рубашка спускалась немного ниже колѣнъ на ярко-алую шелковую юбку, едва прикрывавшую верхній край сафьянныхъ полусапожекъ съ дорогимъ шитьемъ. На шеѣ у Локсандры было надѣто монисто изъ золотыхъ монетъ, скрѣпленныхъ бирюзой и жемчугомъ. Весь нарядъ довершалъ широкій шелковый поясъ въ видѣ шарфа, затканный золотомъ и серебромъ и окаймленный на обоихъ концахъ густою золотою бахромою.

Обѣ сестры, окончивъ свой туалетъ, принялись съ живостью разсматривать подарки, присланные наканунѣ женихомъ. Прекрасный браслетъ съ огромнымъ изумрудомъ и брилліантами, брилліантовыя серьги въ видѣ виноградныхъ гроздьевъ и нѣсколько алмазныхъ аграфовъ подъ стать серьгамъ.

— Что, дѣвочка? покровительственно спросила старшая сестра, обращаясь къ Локсандрѣ: хорошо быть невѣстой?

Локсандра вздохнула и задумчиво посмотрѣла на сестру.

— Не знаю, отвѣчала она. Все бы ничего, только худо, что ты отъ насъ уѣдешь!

— Дурочка! засмѣялась невѣста. Что же тутъ худаго? Княгиня Радзивиллъ не можетъ оставить свои помѣстья и вотчины. Ей надо жить при своемъ дворѣ.

— И тебѣ не будетъ скучно? Ты не будешь вспоминать объ отцѣ, обо мнѣ, о братѣ?

Будущая княгиня ничего не отвѣтила и только гордо сжала губы, перебирая пальцами дорогіе подарки. Она видѣла своего жениха только на портретѣ и не имѣла еще о немъ никакого понятія, хотя черезъ нѣсколько дней была уже назначена свадьба. Ея холодная натура не особенно безпокоилась объ этомъ; но вопросъ сестры нарушилъ до нѣкоторой степени ея спокойствіе, мысль о разлукѣ съ близкими, объ отъѣздѣ на чу-

жую сторону отозвалась болью въ сердцѣ, и чтобы скрыть свое волненіе, невѣста поспѣшно встала и повелительнымъ жестомъ пригласила свою свиту слѣдовать за нею въ сосѣднюю комнату, гдѣ стояли пяльцы съ начатыми коврами и вышивками. Обѣ сестры были большія рукодѣльницы, и въ ихъ вѣдѣніи находились плантаціи тутовыхъ деревьевъ для выкармливанія шелковичныхъ червей, дававшихъ необходимый матеріалъ для ихъ изящныхъ работъ.

Всѣ прилежно принялись за дѣло въ ожиданіи выхода княгини изъ ея опочивальни.

На другой половинѣ князь Василій Албанецъ или Лупулъ, какъ его про себя называли придворные за его крутой нравъ, уже часа два занимался совѣщаніемъ съ великимъ логофетомъ Стефаномъ Георгицею. Они сидѣли во внутреннемъ покоѣ на низкомъ удобномъ диванѣ и разговаривали вполголоса. Великій логофетъ передавалъ своему повелителю различныя просьбы, бояръ, и князь Василій внимательно выслушивалъ его, прихлебывая кофе изъ плоской фарфоровой чашечки. Князь былъ высокій, плотный мужчина, съ черною бородою съ просѣдью, и съ густыми нависшими бровями. Большой прямой носъ и высокій открытый лобъ изобличали въ немъ его греческое происхожденіе такъ же, какъ и вьющіеся барашкомъ черные съ просѣдью волосы. Не смотря на свои пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, онъ сохранилъ бодрость и гибкость стана, а проницательные глаза его блестѣли совсѣмъ не старческимъ огнемъ. Собесѣдникъ его представлялъ рѣзкую противоположность: тучный, обвислый, одутловатый, съ подслѣповатыми маленькими глазами и огромными жирными руками, онъ вполнѣ заслужилъ прозвище Бурдуца, т. е. брюха. Золотая цѣпь съ большимъ шаромъ, висѣвшая у него на шеѣ, знакъ его достоинства, неуклюже болталась на большомъ животѣ, а множество перстней на рукахъ и позолоченный жезлъ дѣлали его фигуру еще комичнѣе; тѣмъ не менѣе въ этомъ некрасивомъ тѣлѣ былъ недюжинный умъ, соединенный съ практичностью и знаніемъ людей и свѣта.

— Стефанъ! обратился къ нему князь, когда тотъ кончилъ свой докладъ: я знаю, что ты преданъ моей семьѣ, и тебѣ

одному довѣряю; всѣ другіе бояре не задумаются продать меня моимъ врагамъ, и давно бы сдѣлали это, если бы я ихъ не держалъ въ рукахъ; но ты мой вѣрный слуга, больше того—ты другъ мой, лучшій мой совѣтникъ....

— Господинъ мой имѣетъ полное право не сомнѣваться въ моей преданности, прервалъ его Георгица съ низкимъ поклономъ.

— Слушай же, что я скажу тебѣ, и по совѣсти отвѣть мнѣ, каково твое мнѣніе...

Георгица почтительно прижалъ руку къ груди.

— Осмѣлюсь ли я, презрѣнный рабъ такого высокаго князя, умнѣйшаго и храбрѣйшаго, кривить душой и высказывать не то, что у меня на сердцѣ?

— Хорошо! благосклонно замѣтилъ Василій. Слушай же! Ты знаешь, что я уже десять лѣтъ сижу на молдавскомъ престолѣ, и, если Богъ дастъ, просижу и еще много лѣтъ. Удержаться въ Молдавіи не мудрость; но мнѣ этого мало. Я не могу спать спокойно, зная, что тутъ, подлѣ, живетъ мой непримиримый врагъ, человѣкъ, предвосхитившій всѣ мои нововведенія, умѣющій всегда оправдаться передъ султаномъ и повредить мнѣ, человѣкъ, которому я не могу простить его побѣды, не могу простить такъ дешево купленнаго мира.

— Ваша свѣтлость изволитъ говорить о Матвѣѣ Бассарбѣ? —съ тонкою улыбкою спросилъ логофетъ. Но вѣдь вы съ нимъ помирились?

Василій вздохнулъ.

— Да, я принужденъ былъ показать видъ, что простилъ ему всѣ его оскорбленія. Но ты понимаешь, Георгица, чего это мнѣ стоило. Я утѣшаю себя тѣмъ, что недолго ждать минуты мщенія; не даромъ отдаю я дочь за одного изъ самыхъ знатныхъ польскихъ магнатовъ.

— Я осмѣливаюсь предугадывать намѣренія вашей свѣтлости,—вкрадчиво проговорилъ логофетъ все съ тою же улыбкою придворнаго, желающаго льстить, но такъ, чтобы лесть его не была замѣтна. Ваша свѣтлость изволитъ разсчитывать на помощь вашего будущаго зятя?

— Да! отвѣчалъ Василій: и вотъ тутъ-то мнѣ нужно твое содѣйствіе.

— Ваша свѣтлость знаете, что я принадлежу вамъ и тѣломъ, и душею. Прикажете вы мнѣ подготовить князя Януша къ предстоящей задачѣ?—полувопросительно прибавилъ онъ.

— Да, но это надо сдѣлать умѣючи, надо польстить его самолюбію; можно даже пообѣщать ему этотъ завоеванный престолъ, хотя ты знаешь, что у меня другіе виды.

— Если ваша свѣтлость позволитъ мнѣ высказать свое мнѣніе—осторожно началъ логофетъ: я осмѣлюсь указать вамъ на то, что князья Радзивиллы врядъ-ли польстятся на наше господарство. У нихъ иные виды; они слишкомъ близко стоятъ къ польскому престолу, и врядъ-ли князь Янушъ захочетъ уклониться отъ возможности стать когда-либо королемъ польскимъ.

— Одна возможность не исключаетъ другой—замѣтилъ Василій; хотя, впрочемъ, я этого и не имѣю въ виду: онъ можетъ изъ родственнаго чувства помочь намъ—прибавилъ онъ, смѣясь; а мы тоже изъ родственной пріязни можемъ пригодиться ему, когда онъ захочетъ польской короны. Вообще, я на тебя надѣюсь, Георгица! прибавилъ князь Василій, съ величественнымъ жестомъ отпуская своего совѣтника: ты сдѣлаешь все, что можно, и расположишь къ намъ польскихъ магнатовъ; кто знаетъ, можетъ быть, въ средѣ ихъ найдется женихъ и для Локсандры. Опираясь на Польшу, мы не побоимся тогда и Порты.

— Въ числѣ гостей вашей свѣтлости будетъ много польской знати, замѣтилъ логофетъ уже на порогѣ. Я же совѣтовалъ бы вашей свѣтлости обратить вниманіе на молодыхъ пановъ Потоцкаго и Калиновскаго; отцы ихъ пользуются королевскою милостью и хороши съ великимъ канцлеромъ, а это все, что намъ пока нужно.

Василій одобрительно кивнулъ головою. Георгица съ низкимъ поклономъ удалился. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ человѣкомъ, съ которымъ менѣе всего желалъ встрѣчи.

Это былъ высокій сѣдой старикъ съ жидкою бородою и большою плѣшью; его сухіе, костлявые пальцы крѣпко сжимали

толстый свертокъ, а губы поминутно шевелились, точно онъ что-то шепталъ про себя. Георгица терпѣть не могъ этого сухопараго ученаго, какъ онъ его называлъ, да и логофетъ Евстафій не особенно долюбливалъ Стефана. Оба они оспаривали княжескую милость, и Стефанъ при случаѣ никогда не пропускалъ удобнаго момента въ присутствіи князя посмѣяться надъ странностями ученаго старика и выставить его въ смѣшномъ свѣтѣ. Евстафій никогда не платилъ ему тою же монетою: онъ былъ слишкомъ не отъ міра сего, слишкомъ занятъ своими учеными изслѣдованіями и даже, по всей вѣроятности, въ большей части случаевъ вовсе не замѣчалъ ѣдкихъ насмѣшекъ своего противника. Смѣривъ другъ друга далеко не дружелюбнымъ взоромъ, придворные молча разошлись, и князь Василій встрѣтилъ Евстафія съ веселою улыбкою.

— Что, какъ наши дѣла, дорогой мой законовѣдъ? Скоро ли ты избавишь меня отъ необходимости измышлять рѣшенія каждаго дѣла и на свой личный страхъ подписывать приговоры? Каждый разъ, когда я засѣдаю въ диванѣ и выслушиваю разнообразные доводы тяжущихся, я думаю о тебѣ и молю Бога, чтобы Онъ помогъ тебѣ поскорѣе окончить твою работу.

— Ваша свѣтлость возложили на меня слишкомъ тяжелый трудъ,—отвѣчалъ Евстафій. Если бы я могъ еще придерживаться какого нибудь свода, существовавшаго раньше, чего-нибудь болѣе научнаго, чѣмъ обычай, болѣе опредѣленнаго, чѣмъ естественное право, моя работа пошла бы быстрѣе. Но обычай нашей страны суровъ и подчасъ жестокъ; а естественное право далеко не всегда можетъ обнять тѣ отступленія, которыя создаетъ жизнь. По совѣсти я не могъ бы утвердить наказаніе, налагаемое на убѣжавшаго раба, — заклеймить его и вырвать ноздри, или смертью казнить голоднаго цыгана, укравшаго курицу. Съ другой стороны, какъ опредѣлить степень наказанія во всѣхъ вопросахъ чести, не исключая и чести семейной?

— Что касается семейной чести,—замѣтилъ Василій,—ты никогда не будешь достаточно строгъ. Мы должны оберегать семью,—нравы становятся слишкомъ легкими. Наши женщины слишкомъ часто бросаютъ мужей, а мужчины мало отличаютъ

замужнихъ отъ незамужнихъ... Что же ты принесъ мнѣ сегодня? спросилъ князь, посматривая на свертокъ Евстафія.

— Это черновая работа, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ тотъ нерѣшительно.

— Все равно, прочти! Да, кажется, это стихи? прибавилъ онъ, заглянувъ черезъ руку логофета. Я и не зналъ, что мой секретарь занимается поэзіей.

— Это предисловіе, ваша свѣтлость! смущенно отвѣчалъ ученый: объясненіе молдавскаго герба.

— Посмотримъ! снисходительно проговорилъ князь, усаживаясь на диванъ и рукою приглашая своего секретаря занять мѣсто рядомъ.

Логофетъ, занявъ мѣсто, прочелъ свои стихи.

Василій задумался.

— Ты говоришь, что нашъ гербъ, голова быка, есть эмблема сильной крѣпости... Значитъ—ты вѣришь въ существованіе этой крѣпости, этой Caput bovis... Отчего же до сихъ поръ нигдѣ не найдено ея развалинъ?

— Оттого что ихъ плохо искали, ваша свѣтлость. Но гдѣ нибудь при устьѣ Серета они должны существовать,—на это указываютъ римскіе источники.

— Можетъ быть, ты и правъ,—отвѣчалъ князь. Во всякомъ случаѣ я долженъ тебя поздравить съ звучнымъ стихомъ. Долженъ только замѣтить одно: ты мнѣ слишкомъ льстишь въ окончательной строфѣ,—прибавилъ съ снисходительною улыбкою князь. Боюсь, чтобы не досталось тебѣ за эти похвалы отъ нашихъ бояръ; они не слишкомъ то цѣнятъ мои заслуги отечеству.

— Я не могъ иначе говорить, государь! съ достоинствомъ отвѣчалъ логофетъ. Ты, князь, первый внесъ свѣтъ науки въ эту невѣжественную страну. Кто, какъ не ты основалъ высшее училище? Кто, какъ не ты учредилъ въ этомъ училищѣ каѳедры богословія, правовѣдѣнія, классическихъ языковъ, языковъ турецкаго и арабскаго? Ты завелъ типографіи, ты ввелъ родной языкъ въ богослуженіе, и наконецъ теперь ты готовишься дать Молдавіи письменный сводъ законовъ... Развѣ я не въ правѣ былъ сказать, что имя твое не умретъ въ исторіи?

Василій съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ своего секретаря, наконецъ вздохнулъ и сказалъ:

— И все таки мой сосѣдъ все у меня предвосхитилъ. Все таки бояре правы, когда шепчутся между собою, что я его подражатель.

— Однако, ваша свѣтлость,—съ нѣкоторою гордостью возразилъ Евстафій,—про сводъ законовъ этого нельзя будетъ сказать; это уже наше дѣло и наша заслуга; никто ее у насъ не отниметъ.

— Вотъ потому-то я и тороплю тебя, мой дорогой Евстафій. Я боюсь, что мой непримиримый врагъ лишитъ меня и этой славы: письменные законы такъ же необходимы въ Валахіи, какъ и въ Молдавіи; если Матвѣй предупредитъ насъ, то всѣ скажутъ, что мы ему подражали.

— Вчернѣ моя работа уже готова,— сказалъ Евстафій, вставая; остается только просмотрѣть всѣ сорокъ главъ и приступить къ печатанію. Черезъ годъ трудъ будетъ напечатанъ.

— Черезъ годъ! вздохнулъ Василій. Это слишкомъ много времени. Ты жестокъ, Евстафій! Подумай, мнѣ придется еще слишкомъ триста разъ засѣдать, какъ сегодня, опираясь на сомнительный обычай и на неопредѣленное естественное право, какъ ты выражаешься.

При этомъ онъ всталъ и, вынимая изъ кармана большіе часы въ видѣ луковицы, прибавилъ:

— Вотъ ужъ и пора! Мои совѣтники ждутъ меня въ диванъ для рѣшенія безчисленныхъ тяжебъ, споровъ, проступковъ и преступленій. Сколько-то недовольныхъ прибавится еще сегодня къ длинному списку моихъ враговъ?

— Ваша свѣтлость не должны обращать на нихъ вниманія; у всѣхъ великихъ людей всегда были и завистники, и враги.

— О, я и не забочусь о нихъ! гордо поднявъ голову, съ живостью отвѣтилъ Василій, и лице его приняло жестокое выраженіе. Я ихъ давлю, какъ мухъ, и они мнѣ надоѣдаютъ по столько, поскольку могутъ надоѣдать назойливыя мухи.

Онъ отпустилъ логофета и отправился въ диванъ рѣшать текущія дѣла.

ГЛАВА II.

ПРОДАВЕЦЪ ОЖЕРЕЛЬЯ.

Въ одномъ изъ предмѣстій обширнаго города, на краю большой площади, представлявшей въ это время пустынную снѣжную равнину, ютилась жидовская корчма, какъ разъ на перепутьи между двумя дорогами, въ Турцію и Польшу.

Вечеромъ въ описываемый нами день небольшая кучка польскихъ шляхтичей медленно подъѣзжала къ корчмѣ. Они весело разговаривали и смѣялись, поглядывая на встрѣчавшихся красивыхъ горожанокъ въ ихъ кокетливыхъ тулупахъ, вышитыхъ зеленымъ шелкомъ. Небольшія мѣховыя шапочки, надѣтыя поверхъ шитыхъ тюрбановъ, на подобіе чалмы, придавали особенно вызывающее выраженіе ихъ смуглымъ овальнымъ лицамъ съ большими блестящими черными выразительными глазами.

— А женщины здѣсь, клянусь честью, не дурны! проговорилъ высокій молодой человѣкъ съ черными усами и блѣднымъ матовымъ лицемъ.

— Панъ Александръ—знатокъ по этой части,—замѣтилъ другой, плотный, невысокаго роста, съ довольно поношенною, не смотря на молодость, физіономіею.

— Еще бы! смѣясь прибавилъ третій, въ которомъ не трудно было узнать князя Дмитрія, хотя за шесть послѣднихъ лѣтъ онъ сильно возмужалъ и развился въ высокаго красиваго бѣлокураго юношу.

— Панъ Александръ видѣлъ и испанокъ, и италіанокъ, и француженокъ, я ужъ не говорю о нѣмкахъ... Еслибы отецъ его не потребовалъ къ себѣ, онъ, навѣрно, и теперь не разстался бы съ прекрасными иностранками. Неправда ли, панъ Александръ?

— Я нисколько не сожалѣю объ этомъ,—отвѣчалъ съ напускною серьезностью панъ Конецпольскій. Это даетъ мнѣ случай побывать въ благословенной Молдавіи, гдѣ текутъ медовыя рѣки, а женщины такъ-же дешевы, какъ вино. И какія женщины? Посмотрите, какія у нихъ правильныя лица, какой стройный, гибкій станъ, какія развитыя формы... И замѣтьте, онѣ еще не знаютъ корсета, какъ наши варшавянки...

— Ну, положимъ, что красота никогда не бываетъ безъ подлога,—замѣтилъ некрасивый шляхтичъ, плутовски подмигивая своими маленькими глазками. Ужъ если римлянки умѣли такъ подтягивать пояса, что казались стройнѣе, то неужели опытныя молдаванки откажутъ себѣ въ этомъ удовольствіи? Онѣ и румянятся, и бѣлятся, и сурмятся такъ-же, какъ и всѣ прочія женщины. Да кромѣ того, говорятъ, онѣ и колдуньи и умѣютъ къ себѣ привораживать.

— Это весело! со смѣхомъ замѣтилъ панъ Александръ. Значитъ мы подвергаемся опасности превратиться въ оборотней, или очутиться въ заколдованномъ кругу; это будетъ нѣчто неиспытанное. Что это князь Дмитрій повѣсилъ носъ? прибавилъ онъ оборачиваясь назадъ и внимательно посматривая на молодаго человѣка, задумчиво опустившаго повода.

— Онъ мечтаетъ о феѣ, посѣтившей его во снѣ—смѣясь замѣтилъ шляхтичъ. И увы! онъ этой феи долго не увидитъ, по крайней мѣрѣ, три дня, пока не пріѣдетъ самъ князь женихъ.

Князь Дмитрій вспыхнулъ.

— Сто дьяволовъ! Прошу пана Кутнарскаго обратить свои шутки въ какую нибудь другую сторону. Князья Вишневецкіе не привыкли ждать. Даю честное слово благороднаго рыцаря, что увижу панну Локсандру не позже завтрашняго вечера. Кто хочетъ держать со мною пари?

— Я—весело отозвался панъ Александръ.

— И я—мрачно отозвался четвертый шляхтичъ, молча ѣхавшій рядомъ съ паномъ Кутнарскимъ.

— Панъ Доброшевскій заговорилъ! съ напускною радостью провогласилъ Кутнарскій. Вотъ что значитъ женщина! Она расшевелила моего добрѣйшаго и молчаливѣйшаго друга. Панъ Доброшевскій серьезно желаетъ держать пари? обратился онъ къ нему.

— Серьезно! лаконически отвѣчалъ тотъ все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ.

Панъ Кутнарскій и панъ Доброшевскій давно уже неразлучно переходили отъ одного пана къ другому. Если одинъ былъ по натурѣ комикъ, то другаго можно было назвать тра-

гикомъ. Его высоко поднятыя брови, опущенные углы рта, неподвижный взглядъ и вѣчная молчаливость придавали ему видъ глубоко огорченнаго человѣка. Такимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ судьба его обдѣлила не только наружностью, но и остальными мірскими благами.

— Въ такомъ случаѣ,—серьезно сказалъ Кутнарскій,—я считаю себя болѣе чѣмъ обязаннымъ присоединиться тоже къ пари.

Онъ принялъ величественную осанку, поднялъ голову, надулъ щеки и продолжалъ:

— Пану Александру первому назначать условія.

— Идетъ!—весело отозвался Конецпольскій.—Въ случаѣ проигрыша, я ставлю коня со всею сбруею, а князь Дмитрій уступаетъ мнѣ права на домну Локсандру.

— Идетъ! подтвердилъ Вишневецкій

— А вотъ и наши условія! проговорилъ Кутнарскій. Если князь Дмитрій проиграетъ, онъ отсчитаетъ каждому изъ насъ по сту волотыхъ; если же выиграетъ, то восторжествуетъ свою побѣду надъ нами тѣмъ, что угоститъ насъ хорошимъ токайскимъ, причемъ мы обязуемся пить до положенія ризъ. Согласенъ панъ Доброшевскій?

Всѣ засмѣялись, только одинъ трагикъ сохранилъ свой мрачный видъ.

— Идетъ! также мрачно отвѣчалъ онъ.

Въ это время они подъѣхали къ корчмѣ, и панъ Кутнарскій концемъ ногайки постучалъ въ окно. Дверь пріотворилась, въ щели показалась голова еврея корчмаря.

— Голову даю на отсѣченіе, если это не Янкель! въ удивленіи воскликнулъ Конецпольскій.—Гей, Янкель! Какъ ты сюда попалъ?

Худощавая фигура Янкеля показалась на порогѣ; съ заискивающею улыбкою онъ отвѣсилъ низкій поклонъ пану.

— Бѣдному, честному еврею гдѣ-гдѣ не придется побывать за всю его долгую жизнь, ясновельможный пане! Іегова прогнѣвался на раба своего. Вотъ ужъ сколько лѣтъ подрядъ бѣдный Янкель не можетъ найти пристанища.

— Кто же велѣлъ тебѣ уѣхать изъ Переяславля? спросилъ

панъ Александръ, сойдя съ лошади и входя въ сопровожденіи своихъ путниковъ въ корчму.

— Козаки, ясновельможный пане! все—они; бѣдному Янкелю на роду написано отъ нихъ терпѣть.

— За что-же они тебя выжили изъ Переяславля?

— У меня въ корчмѣ нашли Смольчуга и Ганжу; вѣдь эта исторія извѣстна ясновельможному пану?

— А—а! протянулъ Конецпольскій. Да, да! припоминаю. Ты ихъ доставилъ моему отцу. Отецъ ихъ, кажется, выпустилъ на волю, когда кончилось возстаніе.

— Что говоритъ ясновельможный панъ? съ испугомъ вскрикнулъ Янкель. Неужели этимъ разбойникамъ не отрубили головъ?

— Ну, смотри, какъ бы они тебя не отыскали; не сносить тебѣ тогда головы!

— Здѣсь все таки спокойнѣе, чѣмъ на Украйнѣ. Здѣшній господарь, ой-ой, какой строгій! Онъ безчинствовать не позволитъ даже козакамъ. Мы съ Хайкою здѣсь отдохнули. Гей, Хайка! Гдѣ же ты? кликнулъ онъ, заглядывая за перегородку.

Хайка вышла изъ-за перегородки и привѣтливо поклонилась гостямъ. Она немного обрюзгла и пополнѣла, но живое, подвижное лицо ея было все еще довольно красиво; а молдаванскій нарядъ очень шелъ къ ея смуглому лицу и вертлявой фигурѣ. Панъ Кутнарскій не замедлилъ къ ней присосѣдиться, увѣряя подтрунивавшихъ надъ нимъ пановъ, что онъ помогаетъ ей хозяйничать. Янкель вышелъ посмотрѣть лошадей и засыпать имъ ячменя. Князь Дмитрій послѣдовалъ за нимъ.

— Послушай ты, жидъ! обратился онъ къ нему. Ты деньги любишь?

— Ясновельможный панъ шутитъ изволитъ? проговорилъ Янкель, искоса посматривая на кошелекъ съ золотыми.

— Нисколько не шучу и за услуги платить съумѣю.

— Что угодно ясновельможному пану? проговорилъ Янкель, оставивъ лошадей и настороживъ уши.

— У вашего господаря есть дочь, не та, что выходитъ замужъ, а другая...

— Домна Локсандра,—поспѣшно проговорилъ Янкель. Уу! какая это панна! она свѣтится, какъ звѣздочка на небѣ; нѣтъ другой такой красавицы въ Яссахъ.

— Глупецъ! промолвилъ князь. Никто не спрашиваетъ твоего мнѣнія; много ты понимаешь!.

Янкель съежился. „Что за чудной панъ?“ подумалъ онъ: „никакъ на него не угодишь?„.

— Что же прикажетъ ясновельможный панъ бѣдному еврею? проговорилъ онъ, стараясь принять самый скромный и подобострастный видъ.

— Я хочу видѣть эту домну Локсандру,—проговорилъ князь. Понимаешь ли, видѣть ее такъ близко, какъ вижу теперь тебя, и не позже завтрашняго вечера. Если ты мнѣ это устроишь, все это золото твое.

Князь развязалъ шнурокъ у кошелька, доверху наполненнаго золотыми монетами.

Услышавъ такое категорическое заявленіе, Янкель въ первую минуту растерялся; ему даже показалось, что панъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Но блескъ золота заставилъ его тотчасъ иначе отнестись къ тревожащему его вопросу. „Что ему за дѣло, въ своемъ ли умѣ панъ или помѣшанъ? Если бы это была простая боярышня, то тутъ даже и думать было нечего; но молодая княжна—статья совсѣмъ иная; кто знаетъ, какія намѣренія у этого сумашедшаго пана; случись что нибудь, и Янкелю не уйти отъ гнѣва князя Василія“. Янкель рѣшился отказаться отъ предложеннаго золота.

— Я бѣдный еврей, ясновельможный пане! Какъ мнѣ взяться за такое важное дѣло!

Князь Дмитрій насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Вотъ потому то, что ты бѣдный еврей, я къ тебѣ и обращаюсь; а какъ это дѣло устроить, я тебя самъ научу. Смотри, вотъ у меня какая бездѣлка.

Князь Дмитрій вынулъ изъ-за пазухи своего кунтуша довольно большой футляръ изъ краснаго сафьяна. Когда онъ его открылъ, у Янкеля разбѣжались глаза. Такихъ чудныхъ брилліантовъ онъ въ жизнь свою не видывалъ: ожерелье, серьги,

діадема переливали всѣми цвѣтами радуги, при тускломъ свѣтѣ мерцавшаго факела.

— Великъ Богъ Авраама, Исаака и Іакова! воскликнулъ Янкель. Чудны творенія его! Такихъ брилліантовъ нѣтъ у самой домны невѣсты.

— Еще бы!—съ высокомѣрною гордостью отвѣчалъ князь Дмитрій: это брилліанты моей бабушки, княгини Мнишекъ. Подобныхъ имъ нѣтъ ни у Радзивилловъ, ни у Сапѣгъ, ни у Любомирскихъ. У тебя, навѣрно, есть знакомства въ княжескомъ замкѣ. Ты сходишь туда и скажешь, что пріѣзжій шляхтичъ желаетъ продать драгоцѣнный уборъ, а между тѣмъ похлопочешь, чтобы меня приняли завтра и чтобы панна Локсандра тоже посмотрѣла мои брилліанты. Впрочемъ, объ этомъ ты можешь, пожалуй, и не заботиться. Если меня примутъ, то, конечно, я ее увижу.

— А ясновельможный панъ вправду продаетъ свои брилліанты? нерѣшительно спросилъ Янкель. Зачѣмъ тогда далеко ходить: у Янкеля тоже найдется золото для такой чудной вещи.

Князь Дмитрій побагровѣлъ отъ ярости и схватился за эфесъ сабли.

— Презрѣнный жидъ! крикнулъ онъ: если ты еще разъ осмѣлишься предложить мнѣ подобную сдѣлку, я тебя искрошу, какъ послѣднюю собаку. Дѣлай, что тебѣ приказано, и не суйся съ своими разспросами?

„Этотъ панъ, навѣрно, полуумный“, подумалъ Янкель, пятясь къ стѣнѣ; онъ не смѣлъ больше открыть рта и молча выслушалъ остальныя приказанія князя.

— Ты ни словомъ не заикнешься обо всемъ этомъ другимъ панамъ, да и въ замкѣ болтай поменьше. Когда все устроишь, скажешь мнѣ объ этомъ одинъ на одинъ, а теперь ступай,— времени терять нечего!

Янкель крикнулъ своего старшаго сына и, оставивъ коней на его попеченіе, поплелся къ городскимъ воротамъ.

— Князь Дмитрій, вѣрно, колдовалъ при лунномъ свѣтѣ,— подтрунивалъ Кутнарскій, посматривая на взволнованное лице юноши. Я бы подумалъ, что ему опять пригрезилась его фея;

но объ этомъ велѣно молчать до завтрашняго вечера, а завтра мы опорожнимъ кошелекъ великодушнаго князя.

Но на этотъ разъ остроуміе Кутнарскаго не достигло цѣли. Князь Дмитрій оставался равнодушнымъ къ его насмѣшкамъ. Онъ смотрѣлъ куда-то вдаль, и на красивомъ свѣжемъ лицѣ его быстро смѣнялись какія-то неуловимыя ощущенія; онъ переживалъ что то невыразимое, необъятное—предчувствіе чего то мучительно сладкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелаго, гнетущаго. Его давила тоска, а сердце между тѣмъ прыгало отъ радости.

Поужинавъ, всѣ легли спать на прекрасномъ душистомъ сѣнѣ, разостланномъ досужею рукою Хайки.

Янкель вернулся, когда уже всѣ спали крѣпкимъ сномъ, и, тихо пробравшись за перегородку, тихонько шепнулъ Хайкѣ:

— Слышь, Хайка, дитя мое! завтра у насъ будетъ цѣлый кошель золотыхъ.

Хайка удивленно посмотрѣла на него.

— Это откуда еще? Ограбить, чтоли, собираешься кого? презрительно сказала она.

Вообще въ Молдавіи она стала слишкомъ самостоятельна, вслѣдствіе легкости молдавскихъ нравовъ, и Янкель не разъ грозилъ похлестать ее ногайкою.

— Зачѣмъ грабить? Мы и честнымъ трудомъ съумѣемъ нажить.

— Тамъ когда еще честнымъ трудомъ наживешь! презрительно вздернувъ губу, отрѣзала Хайка. А вотъ у меня и теперь есть золотой! похвастала она, вертя передъ глазами мужа золотою монетою.—Только тебѣ его, какъ своихъ ушей, не видать!—прибавила она съ вызывающимъ видомъ, пряча монету въ карманъ.

— Тфу! сплюнулъ Янкель, отворачиваясь отъ нея. Если бы только не ясновельможные паны, попробовать бы тебѣ ногайки.

Онъ недовольно отодвинулъ свой соломенный тюфякъ въ уголъ каморки и улегся, ворча что-то про себя.

На другой день едва только господарша изволила выйти изъ своей опочивальни, какъ къ ней подошелъ ея великій ключарь и съ таинственнымъ видомъ доложилъ ей, что какой-то

бѣдный пріѣзжій шляхтичъ проситъ аудіенціи, такъ какъ онъ желаетъ продать дорогой уборъ.

Господарша, высокая статная женщина уже не первой молодости, еще не потеряла своей обаятельной красоты, немного слишкомъ южной, слишкомъ типичной, но зато горячей и страстной, какъ то полуденное небо, подъ которымъ родилась. Она, какъ всѣ дочери юга, до страсти любила наряды и особенно драгоцѣнныя украшенія. Не смотря на свои несмѣтныя богатства, Лупулъ былъ скупъ на всякую лишнюю роскошь, особенно въ томъ, что касалось домашняго быта. Красивой женѣ его приходилось выпрашивать у него и дорогія одежды, и драгоцѣнные уборы. Вотъ почему и теперь она колебалась дать свое согласіе. Ключарь, тонкій дипломатъ, тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Ваша свѣтлость не обязаны купить у шляхтича его драгоцѣнности; можно посмотрѣть и прицѣниться.

— Это правда! согласилась господарша. Пусть придетъ.

Ключарь удалился съ низкимъ поклономъ, а господарша позвала падчериць. Все таки это было нѣкоторое развлеченіе для скучавшихъ женщинъ, сидѣвшихъ цѣлыми днями на своей половинѣ и только изрѣдка являвшихся на общественныхъ пирахъ или косвенно ухитрявшихся вліять на государственныя дѣла.

Скоро пріемный залъ господарши, куда она приказала привести шляхтича, наполнился толпою любопытныхъ боярынь и боярышень. Имъ пришлось ждать недолго. Растворилась дверь и въ залъ вошелъ немного сгорбленный пожилой человѣкъ въ одеждѣ простаго шляхтича, съ длинными полусѣдыми усами и густыми сѣдыми бровями, какъ то неестественно нависшими подъ гладкимъ бѣлымъ лбомъ. Ключарь, пропустивъ его въ дверь, остановился у порога и ожидалъ приказаній господарши. Ему самому хотѣлось взглянуть на драгоцѣнный приборъ, но этикетъ требовалъ ждать приглашенія.

Замѣтивъ его вопросительную позу, господарша сдѣлала знакъ рукой, и онъ тогда почтительно приблизился къ столу, заглядывая изъ-за боярынь на руки шляхтича, державшаго свой футляръ.

Шляхтичъ не спѣша окинулъ всѣхъ своимъ быстрымъ взоромъ, и глаза его съ удивленіемъ и восторгомъ остановились

на младшей изъ княженъ, дышавшей всею прелестью молодости, обаятельной красоты и невинной шаловливой игривости ребенка. Высокій ростъ сестры мѣшалъ ей видѣть интереснаго шляхтича съ его драгоцѣнностями; она приподнялась было на цыпочки, но, найдя это неудобнымъ, просунула голову подъ рукою важной домны невѣсты, причемъ ея длинныя тяжелыя косы скользнули на бѣлую едва развившуюся грудь, а улыбающійся коралловый ротикъ открылъ цѣлый рядъ прелестныхъ жемчужныхъ зубовъ.

— Какой старый! шепнула она, смѣясь своей сестрѣ.

Князь Дмитрій понималъ немного по-молдавански и невольно усмѣхнулся про себя. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ этой прелестной дѣвушки полуребенка, и ему невольно пришли въ голову слова Кутнарскаго, обвинявшаго молдаванскихъ женщинъ въ колдовствѣ. Эта маленькая колдунья, дѣйствительно, приковала его къ себѣ и лукавыми взглядами, и извивавшимися, какъ змѣйки, косами, и своими легкими, граціозными движеніями. Онъ готовъ былъ стоять такъ цѣлую вѣчность, но голосъ старшей сестры привелъ его въ себя.

— Панъ, быть можетъ, покажетъ намъ свои бездѣлки? сказала она чисто по-польски.

Обѣ сестры двѣ уже зимы учились по польски, исполняя приказаніе отца, и учились охотно, такъ какъ уроки стараго поляка учителя были развлеченіемъ въ ихъ однообразной жизни.

— Панъ застылъ отъ холода—смѣясь прибавила Локсандра. Видишь, онъ не можетъ вымолвить ни слова.

Князь Дмитрій опомнился и поспѣшно открылъ футляръ.

— Да простятъ свѣтлѣйшія панны старику! тихо проговорилъ онъ: онѣ, какъ солнце, ослѣпили старческія очи его, невидавшія ничего подобнаго во всю долгую жизнь.

Дѣвушки смущенно улыбнулись и наклонились вмѣстѣ съ мачихой къ брилліантамъ.

— Ахъ какъ это хорошо! протоворила домна Локсандра. Это гораздо лучше того, что прислалъ тебѣ твой женихъ.

— Спросите его, что это стоитъ? сказала мачиха.

Она подумала, что на этотъ разъ можетъ быть Лупулъ смягчится и купитъ ей драгоцѣнное украшеніе; въ немъ она на свадьбѣ падчерицы затмитъ невѣсту.

— Съ позволенія вашей свѣтлости, я говорю немного по молдавански. Уборъ этотъ стоитъ очень дорого, онъ рѣдкой воды. Я не могу за него взять менѣе ста тысячъ червонцевъ.

Господарша вздохнула. Конечно, мужу ея ничего не значитъ заплатить сто тысячъ червонцевъ, но онъ на это никогда не согласится. Домна невѣста въ это время что-то обдумывала.

— Панъ, можетъ быть, подождетъ продавать свой уборъ? сказала она. Какъ только я выйду замужъ, я куплю у него эти чудные брилліанты.

— Прекрасная княжна! скромно отвѣчалъ шляхтичъ, приложивъ руку къ сердцу: я бы все сдѣлалъ для ясныхъ глазъ вашей свѣтлости, но мнѣ невозможно ждать.

Между тѣмъ боярыни и боярышни по очереди смотрѣли въ футляръ, восторгались уборомъ, расточали похвалы брилліантамъ, а шляхтичъ все не спускалъ взоровъ съ домны Локсандры. Онъ воспользовался минутой, когда она къ нему приблизилась, любуясь игрою блестѣвшихъ камней, и тихо сказалъ ей по польски:

— Панна чародѣйка! удѣли нѣсколько минутъ бѣдному старику. Можетъ, онъ тебѣ разскажетъ такія чудныя сказки, какихъ ты никогда не слыхала.

Домна Локсандра весело засмѣялась и довѣрчиво посмотрѣла ему въ глаза.

— А развѣ панъ дѣдъ? Я слышала о польскихъ дѣдахъ, что поютъ чудныя думки.

— То не поляки, а хлопы! съ презрѣніемъ отвѣчалъ онъ. Я спою паннѣ лучшія пѣсни.

— Меня не пустятъ ни мать, ни сестра—отвѣчала она. Въ эту минуту господарша важно подошла къ шляхтичу и съ достоинствомъ проговорила:

— Если панъ не можетъ понизить свою цѣну до половины, то я не рѣшусь и сказать объ этомъ своему мужу.

Затѣмъ она его отпустила. Князю Дмитрію ничего не оставалось дѣлать, какъ спрятать свой футляръ и откланяться.

Вернувшись въ корчму, князь со смѣхомъ разсказалъ свою продѣлку товарищамъ и отправилъ жида на поиски самаго лучшаго стараго токайскаго.

— Да только смотри, приноси цѣлый боченокъ! командовалъ онъ. А это тебѣ за услугу! прибавилъ онъ, бросая ему кошелекъ съ золотомъ.

— Молодецъ у насъ князь Дмитрій! смѣялся Кутнарскій. Хоть мы и проиграли по сту золотыхъ, а все таки скажу, что молодецъ, и по этому случаю запьемъ мы сегодня мертвецки.

— Да что же вы проиграли? замѣтилъ панъ Александръ: у васъ и за душей нѣтъ десяти золотыхъ вы, напротивъ, выиграли токайское.

— Проигралъ, клянусь мечемъ моихъ предковъ, проигралъ! настаивалъ шляхтичъ, еслибъ этотъ проныра Янкель не устроилъ свиданія князю съ домной Локсандрой, сто золотыхъ лежали бы теперь у меня въ кошелькѣ,—ergo я ихъ проигралъ.

Всѣ засмѣялись и принялись за попойку. Услужливый Янкель добылъ откуда то карты. За картами поднялся споръ, и все это длилось до поздняго вечера, пока наконецъ подгулявшіе паны не улеглись спать.

ГЛАВА III.

ПЕРВОЕ ПРИЗНАНІЕ.

На другое утро, только что князь Дмитрій проснулся, онъ пошелъ разыскивать Янкеля. Корчмарь стоялъ на дворѣ и перебранивался съ Хайкою.

— Гдѣ ты была ночью, низкая душа? кричалъ онъ ей. Ребенка бросила; нянька я тебѣ, что ли, дался? Вотъ возьму тотчасъ палку и обломаю о твои бока, не будешь другой разъ бѣгать!

— Скажи, пожалуйста, какой страшный! огрызалась Хайка, стараясь впрочемъ держаться подальше отъ мужа. Эка важность. что понянчилъ ребенка!

— Это еще что? крикнулъ Янкель, увидѣлъ у Хайки на шеѣ пестрый шелковый платочекъ

— Тебѣ что за дѣло? не ты покупалъ! Отъ тебя я немного видѣла подарковъ.

Янкель хотѣлъ было схватить ненавистный платокъ и сдѣлалъ уже движеніе къ Хайкѣ, но, замѣтивъ подходившаго князя Дмитрія, послалъ Хайкѣ въ догонку угрожающій жестъ и съ низкими поклонами обратился къ своему постояльцу.

— Что угодно ясновельможному пану?

— Ты, Янкель, я вижу, расторопный малый. Устрой мнѣ еще одно дѣло.

— Что прикажетъ панъ?

— Скажи мнѣ прежде всего, пускаютъ ли молодую княжну одну гулять?

Янкель лукаво подмигнулъ. „Вотъ онъ куда гнетъ“, подумалъ онъ.

Въ устройствѣ любовныхъ дѣлъ ему не въ первый разъ приходилось дѣйствовать; онъ считался въ Яссахъ однимъ изъ самыхъ ловкихъ и за деньги могъ свести кого угодно. Вся ясская золотая молодежь, лакомая до тайныхъ похожденій, прекрасно знала его корчму; а при разбирательствѣ скандальныхъ дѣлъ онъ всегда умѣлъ увильнуть въ сторону и спастись отъ гнѣва князя Василія.

— Что же ты молчишь? нетерпѣливо спросилъ князь. Кажется, я толкомъ тебя спрашиваю: ходитъ ли домна Локсандра одна гулять?

— Ни, ни, Боже мой! какъ это можно, чтобы ея свѣтлость пускали одну; она и пѣшкомъ то не ходитъ.

— Дурацкій обычай! проворчалъ Вишневецкій. Это скверно, Янкель! прибавилъ онъ, обращаясь къ корчмарю.

Янкель опять лукаво подмигнулъ.

— Ясновельможный панъ желаетъ имѣть свиданіе съ домной?

— Свиданіе! нетерпѣливо крикнулъ князь. Какое тутъ свиданіе? Я бы хотѣлъ ее видѣть, говорить съ нею наединѣ.

— Ну, такъ это же и есть свиданіе—съ недоумѣніемъ проговорилъ Янкель. Когда молодой панъ желаетъ наединѣ видѣть молодую боярышню, что же это, какъ не свиданіе?

— Если бы и она меня тоже хотѣла видѣть, но она меня даже и не знаетъ и считаетъ за старика. Ну, да что съ тобою толковать! Устрой хоть свиданіе! Я вдвое заплачу противъ прежняго. Только скорѣе, сейчасъ; я сгораю нетерпѣніемъ ее видѣть.

Янкель самодовольно поглаживалъ свою жиденькую бородку: влюбленный князь, очевидно, былъ въ его рукахъ и передъ нимъ уже носилась мысль, сколько золотыхъ онъ можетъ изъ него высосать. Трудность и опасность предпріятія не особенно его смущали, такъ какъ у него были лазейки въ княжескомъ замкѣ; онъ тамъ не разъ устраивалъ дѣлишки княжеской прислуги и могъ разсчитывать на взаимную помощь съ ихъ стороны.

— Янкель готовъ служить ясновельможному пану —отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ: только панъ слишкомъ нетерпѣливъ. Первое—въ княжскомъ дворцѣ всѣ еще спятъ; второе—такія дѣла дѣлаются тайно, а третье—ясновельможный панъ пожалуетъ задатокъ.

Князь Дмитрій нетерпѣливо сунулъ руку за пазуху, вытащилъ изъ кошелька пригоршню золотыхъ монетъ и далъ ихъ еврею.

Янкель опустилъ монеты въ карманъ и, весело побрякивая ими, проговорилъ:

— Вотъ теперь мы подмажемъ, кого нужно. Только какъ панъ прикажетъ; желаетъ ли онъ оставаться старикомъ, или ему угодно помолодѣть для прекрасной княжны?

Князь Дмитрій на минуту задумался.

— Я ей говорилъ, что умѣю разсказывать сказки, пусть же она и видитъ во мнѣ пока старика сказочника.

— Хорошо! подтвердилъ Янкель. Клянусь прахомъ Авраама, хорошо! Онъ хлопнулъ себя по лбу и прибавилъ:

— Вотъ отличная мысль! Ясновельможный панъ прекрасно придумалъ. И поклонившись въ поясъ, онъ быстро зашагалъ въ городъ.

Вишневецкій вернулся въ корчму, гдѣ его товарищи уже сидѣли за холоднымъ завтракомъ, послѣ вчерашняго похмелья поправляя голову прекраснымъ котнарскимъ зеленымъ виномъ, гордостью и славою Молдавіи.

Въ княжескомъ замкѣ давно уже отобѣдали, и легкія зимнія сумерки наполнили таинственнымъ полумракомъ большіе залы съ высокими сводами и красивыми колоннами. Господарша прилегла отдохнуть, княжна невѣста разбирала свое приданное при помощи ближнихъ боярынь и боярышень, а молодая княжна тихо присѣла къ окошку въ сумрачномъ одинокомъ залѣ и смотрѣла вдаль на снѣжные холмы на однообразную снѣжную пелену, покрывавшую землю, на силуэты деревьевъ, казавшихся теперь въ полутьмѣ огромными великанами.

Вдругъ къ ней подкралась одна изъ ея прислужницъ, молоденькая цыганка и, тихо наклонившись къ ней, шепнула что-то на ухо.

Домна Локсандра, испуганная, быстро встала.

— Что, что ты говоришь? въ волненіи прошептала она. Кто меня хочетъ видѣть?

— Не кричите, ваша свѣтлость! проговорила цыганка, прикладывая палецъ къ губамъ. Еще неравно господарша услышитъ, такъ намъ обѣимъ достанется.

Она со страхомъ покосилась на дверь господаршиной опочивальни.

— Старый шляхтичъ,—продолжала она,—что былъ тутъ съ брилліантами, подослалъ сегодня сказать вашей свѣтлости, что онъ хочетъ разсказать вамъ сказки своей страны. Если вы пожелаете послушать, то споетъ вамъ и пѣсни.

Домна Локсандра оправилась и улыбнулась.

— Какой смѣшной старикъ! проговорила она. А гдѣ онъ?

— Онъ тутъ въ замкѣ,—проговорила цыганка, боязливо оглядываясь. Я сведу къ нему вашу свѣтлость.

Локсандра любила все таинственное. Прокрасться теперь въ полумракѣ, тайкомъ отъ взрослыхъ, и послушать чудныхъ разсказовъ стараго поляка, да это было такое удовольствіе, какого она и не чаяла. Она даже подпрыгнула, тихонько засмѣялась и, какъ быстроногая лань, едва касаясь пола, пустилась за цыганкою.

— Маріанка! а куда ты меня ведешь? прошептала она на пути, минуя длинные корридоры замка.

— Внизъ, въ подземелье! отвѣчала та, не оборачиваясь.

— Ой, страшно, Маріанка! Тамъ теперь, я думаю, стѣны обледенѣли.

— Зачѣмъ имъ леденѣть? оскаливъ свои бѣлые зубы, засмѣялась Маріанка.—Тамъ дѣдъ Иванко живетъ, у него тепло.

— Какой Иванко? спросила княжна.

Она никогда еще не спускалась въ подземелье, гдѣ, по ея представленію, жили души умершихъ узниковъ.

— А дѣдъ мой, что дрова колетъ—проговорила Маріанка. Мы его сегодня выгнали, а старый шляхтичъ тамъ и сидитъ.

— Кто же это вы?

— Ну, да мы—я и мамка. Отецъ въ лѣсъ уѣхалъ за дровами, тамъ и заночуетъ въ землянкѣ.

Обѣ дѣвушки замолчали. Княжна боязливо схватилась за руку цыганки, когда ощупью пришлось спускаться въ подземелье замка. Онѣ прошли нѣсколько шаговъ по обледенѣлому полу корридора. Маріанка ощупью нашла дверь и отворила ее.

— Ну вотъ тебѣ, дѣдушка, и княжна! весело сказала она, пропуская впередъ себя смущенную Локсандру. Разсказывай тутъ ей свои сказки, а я побѣгу къ мамкѣ.

Домна Локсандра съ любопытствомъ смотрѣла на низкія закоптѣлыя стѣны подвала, тускло освѣщенныя факеломъ, и не двигалась съ мѣста. Князь Дмитрій тоже чувствовалъ себя неловко передъ смущенною княжной; онъ не зналъ, какъ и съ чего начать, какъ выйти изъ нелѣпаго положенія, въ которое самъ себя поставилъ. Не играть же передъ нею роль старика и не для того онъ добивался этого свиданія.

— Княжна! проговорилъ онъ, и голосъ его немного дрогнулъ. Простите мнѣ мою дерзость!

Локсандра подняла на него глаза, улыбнулась и весело проговорила:

— Ничего! я очень люблю слушать сказки и рада, что панъ меня вспомнилъ. Наверху меня не скоро хватятся да и Маріанка тотчасъ прибѣжитъ, еслибъ хватились.

— Простите, княжна! проговорилъ Дмитрій: если вмѣсто сказокъ я вамъ разскажу свою собственную исторію.

Онъ быстро сорвалъ съ головы накладной парикъ, снялъ усы и приклеенныя брови и опустился на колѣни передъ княжной.

Локсандра съ удивленіемъ и испугомъ посмотрѣла на молодаго человѣка и быстро отступила назадъ. Она сразу тонкимъ женскимъ чутьемъ поняла, въ чемъ дѣло, въ ней сразу проснулась женщина, въ душѣ заговорила княжеская гордость, чувство стыда, сознаніе, что ее обманули.

— Какъ вы смѣли? сказала она, гордо поднявъ голову, и слезы выступили у нея на глазахъ.

Князь Дмитрій растерялся. Онъ ожидалъ, что княжна смутится, онъ воспользуется ея смущеніемъ и выскажется ей въ любви, и вдругъ—оказалось совершенно иное: онъ очутился въ положеніи школьника, просящаго прощенія за сдѣланную шалость.

— Бога ради, княжна! проговорилъ онъ: выслушайте меня!

— Зачѣмъ мнѣ васъ слушать? холодно проговорила она. Вы воспользовались моею довѣрчивостью, назвались чужимъ именемъ, прикинулись старикомъ... Это гадко, гадко! Я не знала, что есть такіе злые люди на свѣтѣ!

Княжна сердито топнула своею маленькою ножкою, и глаза ея заблестѣли.

— Княжна! молилъ Дмитрій: я не могу выносить вашего гнѣва, не смотрите на меня такъ, лучше наложите, какое угодно, наказаніе; я и самъ знаю, что поступилъ гадко.... Но мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ и сказать вамъ, что прекраснѣе васъ нѣтъ женщины въ мірѣ, что я готовъ умереть у ногъ вашихъ, если вы только этого потребуете...

Домна Локсандра вспыхнула. Она въ первый разъ услышала признаніе въ любви, и женскому самолюбію ея сильно польстила горячая рѣчь князя.

— Хорошо! сказала она: пожалуй, я васъ прощу; только сейчасъ вставайте и никогда не смѣйте говорить того, что сейчасъ сказали.

Князь Дмитрій повиновался.

Локсандра повернулась къ двери и хотѣла уйти.

— Подождите, княжна! удержалъ онъ ее. Зачѣмъ вамъ спѣшить? Удѣлите мнѣ еще хоть нѣсколько минутъ; позвольте хоть сколько нибудь оправдаться передъ вами!

Локсандра нерѣшительно остановилась.

— Повѣрьте мнѣ, сказалъ онъ, что искренно раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ. Я поступилъ по—дѣтски, и вы вправѣ на меня сердиться; но обѣщайте мнѣ, что вы забудете этотъ необдуманный поступокъ и, когда мы встрѣтимся на свадьбѣ князя Радзивилла, мы встрѣтимся не врагами.

Локсандра съ удивленіемъ взглянула на него.

— Почему вы думаете встрѣтить меня на свадьбѣ моей сестры? спросила она.

— Я принадлежу къ свитѣ князя, скромно отвѣтилъ онъ съ почтительнымъ поклономъ.

Локсандра улыбнулась, протянула ему руку и со словами:

— Хорошо, хотя вы этого не стоите! выпорхнула изъ комнаты.

Князь Дмитрій успѣлъ только коснуться этой маленькой руки. Затѣмъ поспѣшно надѣлъ свои накладные волосы и поторопился убраться изъ замка, недоумѣвая, радоваться ему или печалиться.

Торжественный въѣздъ Януша Радзивилла состоялся на другой день; а черезъ три дня назначена была и свадьба.

Невѣста совершенно освоилась со своимъ положеніемъ; она нашла все лучше, чѣмъ ожидала. Женихъ былъ красивъ, молодъ, статенъ, утонченно вѣжливъ, хотя немного холоденъ. Онъ привезъ ей множество драгоцѣнныхъ подарковъ, и весь дворъ былъ ослѣпленъ брилліантами, жемчугами и драгоцѣнными каменьями невѣсты. Молодыхъ повѣнчали днемъ до обѣда, и изъ церкви всѣ гости были приглашены на богатое пиршество.

Князь Янушъ, въ качествѣ родственника дома, подъ руку съ женою встрѣчалъ всѣхъ гостей. Князь Дмитрій еще въ церкви видѣлъ домну Локсандру, но только издали. Теперь ему предстояло быть ей представленнымъ, и онъ съ волненіемъ ожидалъ, когда до него дойдетъ очередь. Домна Локсандра тоже узнала его и лукаво посматривала на смущеннаго юношу. Наконецъ его

представили. Локсандра улыбнулась, слегка наклонивъ голову на почтительный поклонъ князя. Дмитрій земли подъ собою не слышалъ. За обѣдомъ его посадили далеко отъ Локсандры, подлѣ высокой жеманной боярышни, уже не первой молодости, и обѣдъ этотъ тянулся для него нескончаемо долго. Счастливецъ панъ Александръ сидѣлъ подлѣ молодой княжны, и князь Дмитрій отъ всей души завидовалъ ему. Наконецъ всѣ встали изъ за стола и прошли въ другую большую залу, предназначенную для танцевъ. Въ честь жениха танцы начались польскимъ, причемъ князю опять пришлось чинно выступать подлѣ своей скуку наводящей дамы, жеманно вертѣвшей глазами и коверкавшей польскую рѣчь. Но насталъ конецъ испытаніямъ влюбленнаго юноши: звуки скрипокъ и гудковъ, немилосердно рѣзавшіе уши, замолкли. Князь Дмитрій стремительно поклонился своей дамѣ и, повертѣвшись немного между молодежью, подошелъ къ домнѣ Локсандрѣ.

— Княжна! проговорилъ онъ: какъ я счастливъ, что вижу васъ. Не правда ли, вѣдь мы друзья?

Локсандра кокетливо улыбнулась.

— Чтобы быть друзьями, надо другъ друга знать—проговорила она. А я васъ почти не знаю и притомъ...—замялась она.

— Вы хотите сказать, что знаете меня только съ дурной стороны. Княжна, какъ вы злопамятны!

— Вамъ остается только заставить меня забыть дурное, проговорила она смѣясь.

— Скажите мнѣ, что я для этого долженъ сдѣлать? Я на все готовъ.

— Не знаю! отвѣчала она: вы должны сами видѣть, что должно сдѣлать.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ сегодня быть вашимъ кавалеромъ—любезно расшаркался Дмитрій: можетъ быть, мнѣ и удастся какимъ нибудь добрымъ дѣломъ изгладить первое дурное впечатлѣніе.

Домна Локсандра ничего не отвѣтила, а только лукаво улыбнулась, а князь Дмитрій принялъ молчаніе за знакъ согласія, и весь вечеръ не отходилъ отъ княжны.

(Продолженіе слѣдуетъ). **О. Рогова.**

Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ.

Распредѣленіе кургановъ, находящихся въ предѣлахъ территоріи русской государственной области, по видамъ и разновидностямъ составляетъ одну изъ первыхъ и существеннѣйшихъ задачъ нашей современной археологіи. Пока эта задача не будетъ выполнена, мы не въ состояніи будемъ оріентироваться въ массѣ накопившагося курганнаго матеріала, а слѣдовательно и не въ состояніи будемъ серьезно взяться за его дальнѣйшую научную разработку. Истина эта, взятая сама по себѣ, непосредственно очевидна и поэтому не нуждается въ доказательствахъ. Но вопросъ въ томъ, можетъ ли наша археологія, при современномъ ея состояніи, взяться за разрѣшеніе указанной задачи съ полной надеждой на ея успѣшное окончаніе? Вѣдь постановка въ наукѣ той или другой задачи и сознаніе необходимости ея разрѣшенія еще не значатъ, что эта наука располагаетъ и необходимыми для этого средствами Итакъ, имѣемъ ли мы право требовать отъ современной археологіи, чтобы она представила нашему вниманію схему строгонаучной классификаціи кургановъ по видамъ и разновидностямъ?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, необходимо навести нѣкоторыя справки.

Классификація научнаго матеріала составляетъ настолько существенную принадлежность каждой науки, что послѣдняя не можетъ обойтись безъ нея на самой первой ступени своего развитія. Вотъ почему и наша наука о курганахъ, несмотря на свое зачаточное состояніе, не могла обойтись безъ попытокъ клас-

сификаціи. У насъ прежде всего можно встрѣтиться съ дѣленіемъ кургановъ: 1) по характеру могильныхъ насыпей, 2) по географическому положенію могильниковъ и 3) на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ лѣтописей и вообще изъ историческихъ источниковъ.

Первые два способа дѣленія, какъ это для каждаго очевидно, имѣютъ совершенно случайный характеръ и въ будущемъ серьезнаго научнаго значенія они не будутъ имѣть: къ нимъ придется обращаться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ заходить рѣчь о второстепенныхъ разновидностяхъ.

Гораздо большее значеніе придается у насъ третьему способу дѣленія, въ основаніе котораго кладутся лѣтописныя указанія на географическое положеніе областей, заселенныхъ въ старину тѣми или другими народами. У насъ сплошь и рядомъ можно встрѣтиться съ такого рода фактами. Прежде чѣмъ приступать къ изслѣдованію того или другаго могильника, археологъ, сообразуясь съ лѣтописными указаніями, которыя часто истолковываются по личному усмотрѣнію, спѣшитъ приписать данный могильникъ той или другой народности и, установивши такимъ образомъ точку зрѣнія, освѣщаетъ подъ даннымъ угломъ весь археологическій матеріалъ, который потомъ ему удается добыть при изслѣдованіи могильника. Здѣсь лежитъ причина той развязности, съ какою нѣкоторые изъ нашихъ археологовъ открываютъ могильники, принадлежащіе, напр., половцамъ, чернымъ клобукамъ и т. д. Насколько такой методъ изслѣдованія несостоятеленъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Слѣдуя лѣтописнымъ указаніямъ, каждый въ правѣ былъ ожидать, что могильные курганы, разбросанные, напримѣръ, въ системѣ р. Роси, обнаружатъ признаки погребенія извѣстныхъ кочевниковъ торковъ. Что же показала дѣйствительность? Раскопки, произведенныя недавно въ системѣ этой рѣки профессоромъ В. Б. Антоновичемъ, обнаружили здѣсь тотъ же типъ погребенія, который встрѣчается и въ болѣе сѣверныхъ широтахъ и который по всей справедливости можетъ быть названъ древлянскимъ. До чего можетъ доводить злоупотребленіе историческими указаніями при рѣшеніи археологическихъ вопросовъ, можно видѣть

изъ факта, имѣвшаго мѣсто на ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ. Лица, присутствовавшія на этомъ съѣздѣ, надѣюсь, помнятъ, какъ одинъ почтенный археологъ, вооруженный богатой эрудиціей, на основаніи историческихъ соображеній, пытался въ извѣстномъ ананьинскомъ могильникѣ отыскать слѣды погребенія норманновъ и славяно-руссовъ. Этому почтенному ученому и въ голову не пришло, что, слѣдуя такому методу, славяно-русскіе курганы можно находить и на границахъ Китая, на томъ-де основаніи, что, по показанію нѣкоторыхъ арабскихъ писателей, наши древніе купцы доходили до границъ Сина. Фальшь этого метода заключается въ томъ, что центръ тяжести при обоснованіи положеній здѣсь изъ археологіи переносится въ область исторіи, вслѣдствіе чего археологія какъ бы лишается права на самостоятельное существованіе. Надѣюсь, для всякаго очевидно, что если археологія не въ состояніи выработать собственнаго критерія для классификаціи своего матеріала, то она не наука.

Изъ сказаннаго однакожъ нисколько не слѣдуетъ, что археологія въ разсматриваемомъ случаѣ должна совершенно игнорировать указанія исторіи. Всѣмъ извѣстно, какъ успѣшно наша археологія воспользовалась указаніями Геродота при рѣшеніи вопроса о погребальныхъ обычаяхъ у скиѳовъ, или какъ сопоставленіе показанія нашего лѣтописца съ данными, добытыми путемъ археологическихъ раскопокъ въ системѣ р. Десны, позволили установить типъ погребенія, практиковавшійся у нашихъ сѣверянъ. Сущность указанной ошибки заключается, значитъ, не въ пользованіи данными исторіи вообще, а въ злоупотребленіи ими.

Гораздо большею научностью отличается способъ классификаціи кургановъ, основанный на принципѣ дѣленія первобытной культуры на три вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный, съ ихъ подраздѣленіями. Но и этотъ способъ классификаціи могъ бы имѣть серьезное примѣненіе въ нашей археологіи лишь въ томъ случаѣ, если бы въ предѣлахъ русской государственной области искони жилъ только одинъ народъ, правильно переходившій въ своемъ культурномъ развитіи изъ одного состоянія въ другое. Въ дѣйствительности же было совершенно противное. Съ тѣхъ поръ какъ помнитъ исторія, въ предѣлахъ на-

шего отечества появлялось множество отдѣльныхъ народовъ, изъ которыхъ одни оставались здѣсь долго, другіе скоро исчезали, одни вели одинъ образъ жизни, другіе—другой, одни извѣстное культурное состояніе переживали за нѣсколько вѣковъ до Р. Христова, другіе—послѣ Р. Хр. Представьте же теперь, что наша археологія оставленные этими народами курганы задумала бы классифицировать на основаніи вышеуказаннаго критерія: тогда подъ одну и ту же категорію пришлось бы подвести и древняго скиѳа, и позднѣйшаго славянина, воинственнаго половца и мирнаго финна, способнаго къ высшему культурному развитію арійца и дикаго монгола и т. д. Словомъ, такая классификація была бы случайной группировкой предметовъ и явленій, отъ которой наука нисколько не подвинулась бы впередъ, такъ какъ тутъ многое сходное по существу на основаніи случайнаго признака было бы раздѣлено, и наоборотъ—многое существенно различное было бы соединено.

Изъ сказаннаго, надѣюсь, ясно, что современная археологія еще не знаетъ такого критерія, который можно было бы положить въ основаніе строго-научной классификаціи кургановъ, разсѣянныхъ на пространствѣ нашего отечества. Скажу больше: выработка такого критерія, при теперешнемъ состояніи нашей археологіи, еще долго будетъ невозможна, и вотъ почему. Классифицировать разнообразный научный матеріалъ—это значитъ путемъ всесторонняго изученія этого матеріала, выработать рядъ строго логическихъ понятій, опредѣляющихъ по существу тѣ группы предметовъ и явленій, которые должны быть подведены подъ эти понятія. Выработка же такихъ понятій возможна лишь подъ условіемъ широкаго примѣненія сравнительнаго метода, который въ свою очередь требуетъ громадной эрудиціи; но этой то эрудиціи прежде всего и не достаетъ нашимъ археологамъ. Наши археологи знаютъ или то, что они сами открыли, или то, что они вычитали изъ книгъ. А между тѣмъ большая часть нашего археологическаго матеріала состоитъ изъ частныхъ коллекцій, которыя не описывались, а каталоги и дневники которыхъ никогда не печатались. Немудрено поэтому, что наши археологи обречены на печальную необходимость оставаться узкими

спеціалистами, что такъ рельефно выступаетъ въ читаемыхъ на археологическихъ съѣздахъ рефератахъ и происходящихъ по поводу ихъ преніяхъ. Отсутствіемъ въ нашихъ археологическихъ работахъ сравнительнаго метода слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что на дневникахъ даже нашихъ заправскихъ археологовъ лежитъ печать случайности и отсутствія руководящей идеи. Читая такіе дневники, ясно видишь, что авторы ихъ записывали не то, что нужно для науки, а то, что попадалось на глаза. Здѣсь же лежитъ причина и того, почему ученыя работы нашихъ археологовъ часто, при узкости посылокъ, отличаются широкими обобщеніями: будучи не въ состояніи взяться за серьезную разработку попавшагося подъ руки матеріала, мы скорѣе переходимъ къ выводамъ, подкрѣпляя ихъ всевозможными гаданіями и предположеніями, и такимъ образомъ изобрѣтенія своей фантазіи выдаемъ за добытую путемъ научнаго изслѣдованія истину. Отсюда же, конечно, ведетъ свое происхожденіе распространившееся у насъ фальшивое убѣжденіе, что для того, чтобы сдѣлаться археологомъ не нужно серьезной научной подготовки: археологомъ можетъ-де быть всякій, кто располагаетъ средствами для производства раскопокъ и для пріобрѣтенія коллекцій...

Но если отсутствіе возможности широко воспользоваться сравнительнымъ методомъ не позволяетъ нашимъ археологамъ выработать такую строго-научную систему классификаціи, которая могла бы обнять весь накопившійся у насъ курганный матеріалъ, то что же должны дѣлать мы, чтобы хоть сколько нибудь подвинуть это дѣло впередъ? Отвѣтъ ясенъ: мы должны создать условія, при которыхъ выработка подобной системы сдѣлалась бы возможною въ будущемъ; а чтобы создать эти условія, мы должны предварительно произвесть рядъ частныхъ попытокъ строго-научнаго примѣненія сравнительнаго метода къ разработкѣ отдѣльныхъ группъ доступнаго намъ матеріала. Предоставляя людямъ нетерпѣливымъ преждевременно создавать широкія и всеобъемлющія гипотезы и теоріи, которыя впрочемъ въ свое время могутъ оказать свою услугу, пусть каждый истинный археологъ возьметъ на себя скромную задачу распредѣлить по типамъ ту часть курганнаго матеріала, которая ему болѣе всего

доступна. Чтобы не оказаться голословнымъ, чтобы показать, какъ именно должна производиться подобная работа и какихъ отъ нея можно ожидать результатовъ, я попрошу позволенія представить вниманію спеціалистовъ посильный опытъ такой работы, причемъ рядъ добытыхъ мною положеній я представлю въ той послѣдовательности, въ какой они появлялись въ моемъ сознаніи. Курганный матеріалъ, на основаніи котораго я хочу говорить, добытъ частію мною лично, частію Д. Я. Самоквасовымъ и В. Б. Антоновичемъ,—изъ кургановъ, расположенныхъ въ системѣ средняго Днѣпра.

При изслѣдованіи Черниковскаго могильника, расположеннаго на притокѣ Нѣмана—р. Усѣ, минской губерніи и уѣзда, встрѣтился слѣдующій фактъ. Каждый изъ раскопанныхъ первыхъ кургановъ представилъ особенность, которою онъ отличался отъ другихъ кургановъ того же могильника. Такъ, въ первомъ курганѣ, въ *насыпи* кургана, т. е. значительно выше уровня земли, найденъ былъ человѣческій костякъ, во второмъ, на той же приблизительно высотѣ, оказалось *кострище* отъ трупосожженія, въ третьемъ тоже оказался костякъ, но онъ лежалъ на почвенномъ слоѣ, наконецъ, въ четвертомъ костякъ найденъ былъ въ *ямѣ*, глубиною около аршина ниже почвеннаго слоя. Встрѣтившись съ такимъ явленіемъ, естественно было поставить вопросъ о породившей его причинѣ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сначала удалось констатировать лишь слѣдующій фактъ. Черниковскій могильникъ состоитъ изъ центральнаго ядра, въ которомъ сгруппирована плотная масса кургановъ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ кургановъ, разбросанныхъ по одному, по два, по три, по полю, въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ съ основнымъ ядромъ могильника. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что въ курганахъ, принадлежащихъ къ основному ядру, всѣ костяки лежатъ на почвенномъ слоѣ; отступленіе же отъ этой нормы замѣчается лишь въ тѣхъ курганахъ, которые разбросаны на периферіи могильника. Отмѣтивъ этотъ фактъ, я изслѣдовалъ еще два могильника, расположенные приблизительно на той же параллели: одинъ въ уроч. Кленики верхменьской волости игуменскаго уѣзда, другой возлѣ г. Борисова. Оба находятся въ об-

ласти системы р. Березины. Въ обоихъ этихъ могильникахъ костяки оказались лежащими на почвенномъ слоѣ. Послѣ этого сдѣлалось яснымъ, что по линіи, проходящей въ направленіи отъ верхняго Нѣмана къ Березинѣ приблизительно чрезъ Минскъ губернскій, господствовалъ обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ; отступленіе же отъ этой нормы составляло исключеніе, для объясненія котораго пока удалось добыть лишь тотъ фактъ, что лица, не хотѣвшія смѣшиваться съ остальными въ обрядѣ погребенія, не хотѣли смѣшиваться съ ними и въ мѣстѣ погребенія; а отъ чего это происходило, этотъ вопросъ на первыхъ порахъ остался не разрѣшеннымъ, хотя мысль не могла освободиться отъ нѣкоторыхъ догадокъ, одна изъ которыхъ потомъ оправдалась. Серьезныя данныя для рѣшенія этого вопроса мнѣ удалось добыть лишь въ послѣднюю археологическую экскурсію.

Минувшимъ лѣтомъ мнѣ удалось произвести изслѣдованіе въ 15 могильникахъ, расположенныхъ въ области средняго теченія р. Припети, въ мозырскомъ уѣздѣ минской губерніи; 7 изъ нихъ расположены на правомъ (южномъ) берегу Припети, 8— на лѣвомъ (сѣверномъ) берегу. По типу погребенія первые 7 распредѣляются такимъ образомъ: въ одномъ могильникѣ оказались *кострища*, безъ посуды, въ *насыпяхъ* кургановъ; остальные 6 по ровну дѣлятся на двѣ категоріи: въ трехъ могильникахъ костяки лежали въ *ямахъ* на подпочвенномъ слоѣ изъ красной глины; въ другихъ трехъ костяки оказались *лежащими* на *поверхности* земли. Но и здѣсь въ одномъ изъ могильниковъ, расположенномъ въ урочищѣ Перехрестье, вблизи мѣстечка Скриголова, повторился фактъ, съ которымъ мы раньше встрѣтились въ Черниковскомъ могильникѣ. Изъ 11 кургановъ этого могильника 9 расположены вмѣстѣ, а 2 удалены отъ центральнаго ядра на 270 арш. Въ первыхъ 9 костяки оказались лежащими въ *ямахъ*, въ остальныхъ двухъ они лежали на *почвенномъ* слоѣ.

При переходѣ на лѣвый берегъ Припети здѣсь пришлось встрѣтиться съ слѣдующимъ явленіемъ. Въ каждомъ изъ 8 изслѣдованныхъ могильниковъ основная масса кургановъ представляетъ типъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ; курганы же съ погребеніемъ въ *ямахъ* встрѣчаются какъ примѣсь къ первымъ.

Но и здѣсь опять таки курганы этого втораго типа въ нѣкоторыхъ могильникахъ нѣсколько изолированы отъ кургановъ перваго типа и сгруппированы вмѣстѣ. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ могильникъ, лежащій при дер. Ватожицахъ коморовичской волости. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильникѣ насчитывается свыше 80. Главная масса ихъ представляетъ типъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ; но въ одномъ углу могильника сгруппировано вмѣстѣ около 10 кургановъ, въ которыхъ покойники погребены были въ *ямахъ*. Мало того. Почти во всѣхъ курганахъ этого втораго типа найдены были горшки; между тѣмъ въ курганахъ перваго типа посуда совершенно отсутствовала.

Считаю нужнымъ отмѣтить еще слѣдующій фактъ. Многіе изъ могильниковъ пинетскаго полѣсья расположены въ мѣстахъ не только низменныхъ, но даже болотистыхъ, весною совершенно заливаемыхъ водою. При такихъ топографическихъ условіяхъ здѣсь во многихъ мѣстахъ достаточно взять нѣсколько штиховъ въ глубь, какъ изъ почвы начинаетъ показываться вода. При такихъ обстоятельствахъ слѣдовало бы ожидать, что та часть населенія этого края, которая хоронила своихъ покойниковъ въ ямахъ, обязательно будетъ избирать для своихъ кладбищъ возвышенныя мѣста, напротивъ, часть населенія, хоронившая своихъ покойниковъ на почвенномъ слоѣ, будетъ относиться къ этому вопросу безразлично. И дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оба эти типа выступаютъ въ своемъ чистомъ видѣ, безъ примѣси другаго типа, тамъ такъ и бываетъ. При смѣшеніи же этихъ типовъ въ могильникѣ встрѣчается слѣдующая несообразность. Часто жители извѣстнаго поселка, практикующіе обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ, по какимъ нибудь соображеніямъ, мѣстомъ для кладбища избираютъ низменный пунктъ. Но вотъ въ этомъ поселкѣ появляется нѣсколько семей, придерживающихся обычая погребенія въ ямахъ. Казалось бы, что, оказавшись въ новыхъ условіяхъ, они откажутся отъ прежняго своего обычая и станутъ хоронить своихъ покойниковъ на почвенномъ слоѣ. Изслѣдованіе показало противное: они упорно продолжаютъ держаться прежняго своего обычая и хоронятъ

своихъ покойниковъ въ глубокихъ ямахъ, несмотря на то, что имъ приходится опускать ихъ въ настоящую грязь. Ясно, что такое или иное положеніе покойника относительно поверхности земли въ данномъ случаѣ не является дѣломъ простой случайности; вопросъ этотъ, очевидно, былъ существеннымъ при выполненіи погребальнаго обряда и пренебрегать имъ въ старину считалось невозможнымъ. А если такъ, то и современный археологъ имѣетъ полное право эту особенность погребальнаго обряда положить основаніемъ для дѣленія кургановъ разсматриваемой мѣстности на два типа: 1) съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ и 2) съ погребеніемъ въ ямахъ. А что этотъ выводъ вѣренъ, это видно изъ того, что каждый изъ этихъ двухъ типовъ имѣетъ свою географическую область, гдѣ онъ является не только господствующимъ, но и исключительнымъ. Раскопки В. Б. Антоновича показали, что обычай погребенія въ ямахъ, начинаясь съ праваго берега Припети, распространялся далеко на югъ, вплоть до самой Роси. Мои же раскопки въ свою очередь показали, что обычай погребенія на почвенномъ слоѣ былъ господствующимъ на лѣвомъ берегу Припети и простирался на сѣверъ до системы Березины включительно. Припеть, очевидно, была пунктомъ, гдѣ оба эти типа сталкивались. Здѣсь они выступаютъ или въ чистомъ, или въ смѣшанномъ видѣ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ свою обособленность они обнаруживаютъ между прочимъ въ томъ, что, при погребеніи на общихъ кладбищахъ, своихъ покойниковъ они стараются не смѣшивать. Фактъ совершенно аналогичный съ тѣмъ, съ которымъ мы теперь встрѣчаемся въ юго-западной Руси на смѣшанныхъ православно-католическихъ кладбищахъ.

Изъ сказаннаго ясно, что тѣ изъ кургановъ Черниковскаго могильника, въ которыхъ покойники погребены были въ ямахъ, принадлежали пришельцамъ съ юга, которые могли попасть сюда или плѣнниками, или купцами, или путемъ искусственной колонизаціи, или, наконецъ, путемъ смѣшанныхъ браковъ. А если такъ, то естественно возникаетъ вопросъ: нельзя ли этотъ способъ объясненія примѣнить къ курганамъ и другихъ типовъ, встрѣтившихся въ томъ же Черниковскомъ могильникѣ? Нельзя

ли доказать, что и *трупосожженіе* и погребеніе въ *насыпи* кургановъ точно также представляютъ отдѣльные типы погребальнаго обряда, которымъ въ другихъ мѣстностяхъ принадлежитъ господствующее значеніе?

Имѣющіяся данныя позволяютъ и на этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно. Рядомъ археологическихъ раскопокъ въ системѣ р. Десны Д. Я. Самоквасовъ доказалъ, что господствующимъ обрядомъ погребенія въ этой области было *трупосожженіе*; причемъ онъ отмѣтилъ даже разновидности этого обряда; именно, онъ отдѣлилъ курганы съ урнами отъ кургановъ съ кострищами. А В. Б. Антоновичу въ области поселенія древнихъ древлянъ удалось отыскать и обрядъ погребенія въ *насыпи* кургановъ, хотя область распространенія этого типа еще недостаточно изслѣдована. Словомъ, сопоставленіе данныхъ, добытыхъ при раскопкѣ Черниковскаго могильника, съ результатами археологическихъ розысканій въ другихъ областяхъ дало возможность констатировать фактъ существованія въ системѣ средняго Днѣпра четырехъ отдѣльныхъ типовъ погребальнаго обряда, районъ распространенія которыхъ, при дальнѣйшихъ розысканіяхъ, можно будетъ опредѣлить съ математическою точностью. И что всего важнѣе въ данномъ случаѣ, результатъ этотъ достигнутъ на почвѣ чисто археологической, безъ всякихъ справокъ съ указаніями лѣтописей, хотя совпаденіе его съ лѣтописными показаніями для всякаго непосредственно очевидно. Извѣстно, напр., что, по показанію начальной лѣтописи, къ сѣверу отъ Припети жили дреговичи, а къ югу—древляне; извѣстно также, что въ системѣ Десны жили сѣверяне, практиковавшійся у которыхъ обрядъ трупосожженія констатированъ лѣтописью.

Но тутъ мнѣ можетъ быть сдѣлано слѣдующее возраженіе. Допустимъ, что обрядъ погребенія въ ямахъ, сравнительно съ другими только что разсмотрѣнными формами погребенія, можетъ быть разсматриваемъ какъ отдѣльный курганный типъ. Но вѣдь извѣстно, что въ предѣлахъ русской территоріи встрѣчается цѣлая масса кургановъ съ формой погребенія въ ямахъ; относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошо извѣстно, что они оставлены народами, составлявшими совершенно отдѣльный этно-

графическій типъ. Научно ли будетъ всѣхъ ихъ сводить въ одну группу потому только, что они, слѣдуя совершенно естественнымъ практическимъ соображеніямъ, зарывали своихъ покойниковъ въ землю? Конечно нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ только что указанныя формы погребенія представляютъ лишь разновидности одного общаго типа или вида. При опредѣленіи этихъ разновидностей и такой признакъ, какъ положеніе костяка относительно поверхности земли, окажется имѣющимъ свое значеніе. Другое дѣло, когда потребуется опредѣлить отношеніе этого общаго типа къ другому такому же самостоятельному типу; тогда, по общеизвѣстнымъ правиламъ научной классификаціи, признаки, которыми характеризуются разновидности, должны быть отодвинуты на второй планъ, а на мѣсто ихъ должны быть выдвинуты такіе признаки, которыми характеризуются специфическія особенности даннаго родоваго типа и которыми послѣдній отличается отъ другихъ самостоятельныхъ типовъ. Положимъ, напр., что требуется отыскать признаки, которыми такъ называемые скиѳскіе курганы отличаются отъ славянскихъ кургановъ. Если бы при выполненіи этой задачи можно было ограничиться лишь царскими скиѳскими могилами, которыя и въ устройствѣ погребальныхъ камеръ, и въ характерѣ находимыхъ въ нихъ предметовъ имѣютъ много характерныхъ особенностей, тогда выполнить эту задачу было бы легко. Но извѣстно, что между скиѳскими курганами встрѣчается масса такихъ, въ которыхъ часто, кромѣ костяка въ могилѣ, ничего нельзя встрѣтить. Какимъ же образомъ такого рода скиѳскіе курганы отличить отъ славянскихъ? Извѣстно, что въ тѣхъ изъ славянскихъ кургановъ, въ которыхъ практиковался обрядъ зарыванія въ землю покойниковъ, послѣдніе всегда лежатъ въ направленіи съ востока на западъ; напротивъ, въ курганахъ скиѳскаго типа покойники клались въ направленіи съ сѣвера на югъ. Особенность, повидимому, неважная; а между тѣмъ при классификаціи кургановъ она имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ ею характеризуется погребальный обрядъ, съ которымъ всегда соединялось извѣстное религіозное представленіе и который, поэтому не легко поддавался измѣненіямъ. Такой ничтожный на первый взглядъ признакъ,

взятый изъ погребальнаго обряда, въ дѣлѣ классификаціи можетъ иногда имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ цѣлая коллекція роскошныхъ предметовъ, найденныхъ въ курганѣ. Находимые въ курганахъ предметы, будучи продуктомъ извѣстной культуры, принадлежатъ обыкновенно историческимъ эпохамъ и географическимъ районамъ и поэтому при характеристикѣ этнографическихъ типовъ ими необходимо пользоваться съ большою осторожностью. Положимъ, на основаніи предметовъ, сопровождающихъ погребальный обрядъ, курганъ воинственнаго степнаго кочевника не трудно отличить отъ кургана мирнаго пахаря; но можно ли такимъ же путемъ отличить курганъ славянина отъ кургана финна? Конечно нѣтъ; произведенные въ этомъ родѣ опыты, какъ извѣстно, окончились неудачею. И это совершенно естественно. Интересы торговли очень рано сблизили эти два народа; а торговое сближеніе неизбѣжно сопровождалось обмѣномъ произведеній мѣстныхъ культуръ. Немудрено поэтому, что предметы одного и того же типа встрѣчаются и въ финскихъ и въ славянскихъ курганахъ. Но изъ этого однакожъ нисколько не слѣдуетъ, что наукѣ никогда не удастся установить различія между этими двумя видами кургановъ. Профессоръ Самоквасовъ, напр., сравнивая сѣверянскіе курганы съ трупосожженіемъ съ такими же курганами, раскопанными покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ въ землѣ мерянъ, констатировалъ слѣдующее между ними различіе въ погребальномъ обрядѣ: и въ сѣверянскихъ, и въ мерянскихъ могильникахъ встрѣчаются курганы съ сосудами, наполненными жженными костями; но въ то время какъ въ первыхъ эти сосуды находятся въ насыпи кургановъ, во вторыхъ они помѣщаются въ могилахъ; въ первыхъ, слѣдовательно, они находятся выше почвеннаго слоя, во вторыхъ—ниже.

Но въ мою задачу не входитъ указаніе всѣхъ признаковъ, которыми различные виды нашихъ кургановъ отличаются другъ отъ друга. Я хочу указать лишь тотъ путь, которымъ можетъ быть достигнуто раздѣленіе кургановъ по видамъ и разновидностямъ. Путь этотъ состоитъ въ строго-научномъ и всестороннемъ примѣненіи къ изученію курганнаго матеріала сравнительнаго ме-

тода. Прежде чѣмъ произносить сужденіе о данномъ могильникѣ, археологъ все характерное въ немъ долженъ сопоставить и сравнить съ аналогичными ему явленіями въ другихъ могильникахъ; причемъ сравненіе должно касаться не только находимыхъ въ курганахъ предметовъ, но и самыхъ ничтожныхъ, на первый взглядъ, мелочей погребальнаго обряда. Примѣненіе сравнительнаго метода дастъ возможность распредѣлить курганный матеріалъ по типамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получится возможность установить критерій для классификаціи самыхъ кургановъ по видамъ и разновидностямъ. Само собою разумѣется, что сравнительнымъ методомъ можетъ воспользоваться только тотъ, кто располагаетъ необходимыми для этого знаніями: нельзя сравнивать того, чего не знаешь. Мало того. При сравненіи необходимо знакомство съ такими науками, какъ исторія искусства, этнографія, краніологія и др. Изъ сравненія, напр., двухъ орнаментовъ серьезно-научнаго вывода не можетъ сдѣлать тотъ, кто совершенно незнакомъ съ исторіей искусства и т. д. Самый процессъ сравненія требуетъ тонкой наблюдательности, умѣнья подмѣтить существенное и не смѣшать его съ случайнымъ, вообще требуетъ той дрессировки мысли, которая вырабатывается только серьезными научными занятіями. Безъ такой научной подготовки археологъ будетъ тщательно пересчитывать количество снятыхъ штиховъ земли, будетъ аккуратно, съ математическою точностью, измѣрять разстояніе между найденными въ насыпи угольками или черепками отъ сосуда и въ то же время можетъ легко выпустить изъ виду многое такое, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Словомъ, сравнительный методъ труденъ и для многихъ лицъ, записавшихъ себя въ археологи, совершенно недоступенъ. Но безъ серьезнаго примѣненія его къ нашей наукѣ послѣдняя никогда не освободится отъ того произвола, который въ ней въ настоящее время господствуетъ.

В. З. Завитневичъ.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

ГЛАВА II.

Крестьяне Кіевщины и Брацлавщины, какъ главные дѣятели коліевщины.

Движеніе 1768 года, представляя собою послѣднюю яркую вспышку такъ называемыхъ гайдамацкихъ волненій, заполняющихъ собою въ исторіи правобережной Украины весь XVIII в., отмѣчено польскими мемуаристами, какъ движеніе крайняго ожесточенія южно-русскаго поспольства и какъ рѣзкое проявленіе его необыкновенной дикости и грубости. Такая характеристика коліивщины представляется на первый взглядъ тѣмъ болѣе основательной, что вообще ужасны бываютъ народныя возстанія, вызванныя рядомъ тяжелыхъ утѣсненій со стороны тѣхъ, у кого власть и сила. Думается, не могла бы быть поэтому неужасной и коліивщина, разъ польскій гнетъ во вновь обрѣтенной правобережной Украинѣ, и въ религіозномъ, и въ экономическомъ отношеніи, былъ съ откровеннымъ нахальствомъ и неукоснительною послѣдовательностью возстановляемъ въ теченіе всего XVIII вѣка. При иныхъ ожиданіяхъ хлынувшаго въ этотъ край населенія и, главное, при иныхъ обѣщаніяхъ заманившаго его сюда шляхетства—времена Хмельницкаго со всею

---

[1]) „Кіевская Старина", 1890 г., № 4.

своею безпощадною суровостью должны были вернуться для народныхъ ненавистниковъ, для польской шляхты и жидовъ, ничему не научившихся изъ опыта прошлаго и ничего не забывшихъ, и времена эти дѣйствительно какъ будто бы вернулись во многихъ мѣстахъ и случаяхъ. Уманская рѣзня, убійства шляхты Швачкой въ Фастовѣ—все это страшныя проявленія разнузданныхъ страстей у мстителей за свою вѣру и свободу. Но если частями коліивщина и является повтореніемъ хмельнищины, если въ тѣхъ или другихъ случаяхъ народное ожесточеніе въ 1768 году бывало крайнимъ, то все же это движеніе не можетъ сравниться, по проявленіямъ народной ненависти къ угнетателямъ, съ хмельнищиной и съ другими народными крестьянскими движеніями въ Европѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ вся совокупность данныхъ относительно коліивщины. Особенно же хорошо можетъ быть выяснено сказанное на характеристикѣ самыхъ участниковъ движенія 1768 г. Поэтому, если мы теперь, въ добавокъ къ охарактеризованнымъ уже нами ватажкамъ этого движенія, выведемъ, пользуясь все тѣми-же данными Кодненской книги, еще и простыхъ гайдамакъ въ большихъ ватагахъ и загонахъ и крестьянъ—пособниковъ тѣхъ и другихъ,—то мы не сомнѣваемся, что люди эти ни въ чьихъ глазахъ не явятся фанатическими борцами за одушевляющее ихъ дѣло, и что большинство ихъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ борцами хмельнищины.

Ясна причина—отчего могла произойти такая разница въ настроеніи боровшихся народныхъ массъ въ двѣ взятыя нами эпохи. Во времена хмельнищины боровшимся не было иного удовлетворительнаго выхода изъ тяжелаго положенія, созданнаго для нихъ Рѣчью Посполитой, какъ побѣда надъ поляками. Избавляться отъ гнета удаленіемъ за Днѣпръ въ дикія мѣста будущей слободской Украины было нелегко; немыслимо было семейнымъ людямъ уходить и въ Запорожье. Въ XVIII же вѣкѣ отъ тяжелаго польскаго гнета можно было переселяться если не въ гетманщину, гдѣ становилось людно, то въ значительно уже устроившуюся слободскую Украину; да наконецъ и вольности войска запорожскаго стали привлекательны даже семей-

нымъ людямъ, такъ какъ, чѣмъ дальше, запорожское государство переставало быть военной общиной, и въ немъ все больше и больше обрѣтали силу земледѣльческія и семейныя начала. Не въ одной побѣдѣ надъ поляками могъ, поэтому, теперь заключаться выходъ изъ тяжелаго положенія, созданнаго послѣ недавней руины Рѣчью Посполитой для южно-русскаго правобережнаго православнаго населенія, успѣвшаго за какіе нибудь полвѣка вновь культивировать недавнюю пустыню. А разъ, кромѣ исхода, опредѣляемаго побѣдой надъ врагомъ, существуютъ и другіе,—ожесточеніе, фанатизмъ борцовъ—явленія не необходимыя и скорѣй даже исключительныя.

Не малое вліяніе на настроеніе боровшихся должно было имѣть и другое обстоятельство — это участіе въ возстаніи не всего южно-русскаго населенія, какъ при Хмельницкомъ, а только населенія недавней руины, т. е. почти всей Кіевщины и Брацлавщины, составлявшей двѣ трети нынѣшней подольской губерніи. Что возстаніе вспыхнуло именно въ этой части, а не въ болѣе западныхъ и заселенныхъ частяхъ южной Руси—можетъ казаться какъ будто необъяснимымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если опредѣлить силу гнета, который испытывали тогда русскіе крестьяне отъ поляковъ [1]), то окажется, что наиболѣе ужасна была жизнь крестьянства на Волыни, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ бывшей руинѣ, въ Полѣсіи и сѣверной части Кіевщины, тягости крѣпостническихъ отношеній становились легче, и наконецъ—въ предѣлахъ остальной Кіевщины и Брацлавщины, гдѣ собственно и была руина, объявленныя помѣщиками льготы въ началѣ заселенія дѣлали до поры до времени жизнь явившихся сюда вновь крестьянъ и вовсе сносною. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, нерѣдко случалось, что волынскіе крестьяне, уходя отъ своихъ грозныхъ помѣщиковъ, селились въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ, какъ въ мѣстностяхъ съ удобными условіями жизни. Конечно, подобная разность въ условіяхъ крестьянскаго быта въ одномъ государствѣ обусловливалась тѣмъ, что въ

[1]) Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. II. Изслѣдованіе о крестьянахъ (предисловіе къ актамъ), стр. 44—55.

мѣстностяхъ густо заселенныхъ, далекихъ отъ степныхъ границъ, польскіе помѣщики пользовались своими крѣпостническими правами въ самой широкой степени, въ мѣстностяхъ же, гдѣ въ рабочихъ былъ большой недочетъ, гдѣ крестьянствомъ надо было дорожить и куда его надо было еще зазывать, сами помѣщики сознавали необходимость представленія ему всевозможныхъ льготъ, по крайней мѣрѣ до поры до времени. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, впрочемъ, въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ въ большинствѣ случаевъ льготные годы уже прошли, но все же опасеніе, чтобы вновь земля не опустѣла, заставляло помѣщиковъ не особенно рѣзко проявлять свои права. И вотъ, при такихъ то условіяхъ вспыхиваетъ возстаніе не на Волыни, не въ Полѣсіи, не въ Подоліи, а именно въ менѣе стѣсненной Кіевщинѣ. Необъяснимое съ перваго взгляда явленіе это однако имѣетъ свой вполнѣ опредѣленный смыслъ. Прежде всего, конечно, важно то, что южно-русское населеніе Волыни, западной Подоліи и Полѣсья несло ярмо давнее, нѣкоторымъ образомъ привычное, и потому до поры до времени оно его опротестовывало только пассивнымъ образомъ—побѣгами. Не то—сравнительно недавніе слобожане Кіевщины: они явились въ край въ надеждѣ на лучшее и, отвыкнувъ за долгіе годы слободъ (слободы давались на 15—30 лѣтъ) отъ мысли о крѣпостной зависимости, выражали прямой активный протестъ злымъ замысламъ шляхетства нарушить ихъ льготное житье. А такъ какъ къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія всѣмъ почти слободамъ сроки истекли, то и число крестьянъ, готовыхъ силою отбиваться отъ насовывавшагося на нихъ ярма крѣпостничества, становилось все больше и больше. Когда же одновременно съ тѣмъ въ Кіевщинѣ, въ предѣлахъ переяславской епархіи, поднялось, какъ это было уже нами отмѣчено, сильное гоненіе на православіе, которое должно было быть замѣнено широко пропагандируемой уніей, то для начала возстанія нуженъ былъ только небольшой толчекъ. Толчкомъ такимъ, какъ извѣстно, была барская конфедерація.

Конечно, если бы возстаніе въ Кіевщинѣ, никѣмъ не защищенной, не встрѣтило на своемъ пути силъ чужого государства, то расширилось бы оно и по всему Подолію, и по Волыни, и

по Полѣсью, хотя тамъ и была кой-какая оборона,—и быть можетъ исторія знала бы вторую хмельнищину. Но этого не случилось. Районъ возстанія остался ограниченнымъ, [и данное обстоятельство, какъ мы уже сказали, было второй причиной, отъ которой зависѣло настроеніе боровшихся съ поляками въ 1768 году. Сила, интензивность движенія непремѣнно обусловливается обиліемъ участниковъ, одинаковостью въ воззрѣніяхъ большой массы людей: вѣра въ успѣхъ своего дѣла тогда растетъ, и притомъ не отъ одного сознанія своей матеріальной силы, но и вслѣдствіе сокровенныхъ мотивовъ. Тогда намѣченная цѣль освящается въ глазахъ участниковъ дѣла въ такой мѣрѣ, что ею начинаютъ они легко оправдывать всякія средства къ ея осуществленію, включая и самыя возмутительныя. Такъ было въ хмельнищину, когда вся южная Русь была въ возстаніи, но не такъ было въ коліивщину, когда только часть южно-русскаго народа поднялась за свои права и вѣру. Фанатическое настроеніе отдѣльныхъ коліевъ не слѣдуетъ принимать за настроеніе цѣлаго народа.

Изъ 440 гайдамакъ, свѣдѣнія о которыхъ мы извлекли изъ Кодненской книги, о трехстахъ мы знаемъ, откуда они родомъ и гдѣ жили въ періодъ коліивщины. Изъ этихъ трехсотъ двѣсти шестьдесятъ четыре человѣка оказываются принадлежащими правому берегу Днѣпра. Обращаясь теперь къ обѣщанной выше характеристикѣ отдѣльныхъ гайдамакъ, мы именно прежде всего примемъ въ разсчетъ правобережцевъ района недавней руины. При этомъ мы увидимъ, что въ этой, даже наиболѣе существенной, группѣ возставшихъ не было завзятости борцовъ хмельнищины: передъ нами все больше будутъ проходить люди, какъ будто не твердо вѣрящіе въ успѣхъ возстанія и потому не считающіе его дѣломъ всей своей жизни; исключенія, конечно, окажутся, но ихъ не будетъ много. Нельзя будетъ намъ пройти молчаніемъ и вполнѣ отрицательные элементы среди борцовъ за правое дѣло: эти элементы были—и ихъ не скроешь.

Однимъ изъ заслуживающихъ вниманія гайдамакъ означенной выше мѣстности былъ встрѣчавшійся намъ уже при харак-

теристикѣ Швачки Олекса Якименко [1]). Это былъ молодой человѣкъ 25 лѣтъ, родомъ изъ села Яцокъ бѣлоцерковскихъ. Въ Яцкахъ же онъ и жилъ и былъ, значитъ, человѣкомъ вполнѣ осѣдлымъ. При появленіи въ Бѣлоцерковщинѣ Швачки и его ватаги, Якименко тотчасъ же присталъ къ нему и участвовалъ во многихъ его дѣяніяхъ. Такъ, въ с. Гребеникахъ онъ убилъ пятерыхъ шляхтичей, изъ которыхъ по имени зналъ только двухъ—пана Симашка и пана Кондрацкаго, а потомъ, когда пришелъ съ Швачкой въ Фастовъ, онъ и счетъ потерялъ убитымъ имъ панамъ. Былъ онъ, наконецъ, и въ дѣлѣ подъ Блощинцами, гдѣ, какъ извѣстно, Швачка понесъ пораженіе отъ русскаго полковника Протасьева. Якименко при этомъ оказался въ числѣ 500 другихъ гайдамакъ, взятыхъ въ плѣнъ и отведенныхъ въ Кіевъ, гдѣ и его, какъ другихъ, продержали съ годъ, прежде чѣмъ рѣшили—кого изъ нихъ сослать, кого отпустить. Якименко былъ въ числѣ отпущенныхъ во свояси. Онъ пришелъ къ отцу въ Яцки, но былъ тутъ арестованъ паномъ Кондрацкимъ, сына котораго онъ убилъ. Попавши затѣмъ въ руки военно-судной кодненской коммиссіи, Якименко не подъ пыткой, а добровольно показалъ все вышеприведенное, очевидно, считая себя нравственно правымъ. Ожидавшая его смертная казнь не смутила его, какъ человѣка, не сомнѣвавшагося въ необходимости того дѣла, въ которомъ онъ принималъ участіе и за которое теперь карали его.

Другой гайдамака правобережной Украины, *Михайло Казанг* [2]) тоже присталъ къ гайдамачеству не изъ-за личной наживы. Изъ показаній его на судѣ узнаемъ, что родомъ онъ былъ изъ с. Дацокъ смѣлянскихъ, взросъ же въ с. Орловцѣ при отцѣ, рано потерявъ мать. Вскорѣ его женили на дивчинѣ изъ с. Будокъ смѣлянскихъ. Матеріальные недостатки заставили Михайла поступить въ число надворныхъ козаковъ въ Корсунѣ. Изъ Корсуня онъ однако часто навѣдывался къ своимъ въ с. Орловецъ. Здѣсь, въ Орловцѣ, онъ засталъ однажды Ивана Чернаго, „атамана отъ ватаги Желѣзняка“. Этотъ Иванъ Черный,

[1]) Кодн. кн., стр. 49, 5.

[2]) Кодн. кн., стр. 12, 51.

очевидно, основательно уяснилъ и Михайлу Казану, и многимъ другимъ изъ орловецкой громады всю тягость, испытываемую ими отъ пановъ и уніатовъ, и всю серьезность цѣлей Желѣзняка. И вотъ Михайло Казанъ и другіе жители Орловца охотно вступили въ ватагу Ивана Чернаго и двинулись съ нимъ къ Корсуню, не производя однако нигдѣ рѣзни: тогда еще только начиналось возстаніе, и сами гайдамаки не пріучены были къ рѣзнѣ. Въ ватагѣ Желѣзняка однако Михайло Казанъ оставался недолго, тѣмъ не менѣе послѣ разгрома, постигшаго всю ватагу Желѣзняка и Гонты, его арестовали, не имѣя противъ него никакихъ уликъ. Отъ бѣды его избавилъ заступившійся за него панъ Дунинъ, товарищъ хоругви панцырной. Дунинъ взялъ его къ себѣ на службу, но Михайло Казанъ бѣжалъ отъ него. Его словили и засадили въ корсунскую кордегардію. Оттуда онъ съ нѣсколькими другими бѣжалъ и на этотъ разъ—къ донцамъ, у которыхъ былъ въ теченіе двухъ недѣль. Его вновь схватили, когда онъ однажды ѣхалъ въ Орловецъ къ роднымъ. Отданный вновь суду кодненской коммиссіи, онъ былъ обезглавленъ. Ни грабежей, ни грубаго личнаго разсчета за Казаномъ не было. Онъ, какъ видимъ, человѣкъ семьи,—ея онъ не забываетъ среди всѣхъ треволненій тяжелой политической поры. Сознаніе общественныхъ обязанностей ведетъ его сперва къ Желѣзняку, а потомъ къ донцамъ, которыхъ онъ, конечно, считалъ присланными на защиту интересовъ, близкихъ и ему. Юность—Казану было не больше 21 года—оправдываетъ его въ послѣдней ошибкѣ.

Пониманіе текущихъ политическихъ условій встрѣчаемъ мы, между прочимъ, еще и въ лицѣ нѣсколькихъ сегединскихъ крестьянъ—братьевъ Ризниченковъ, Михайла и Тимоша, Ивана Поповича и Ивана Ботвиненка [1]). Послѣдній былъ, правда, въ краѣ сравнительно недавній житель: пришелъ онъ въ село Сегединцы только въ 1765 г., но сдѣлался здѣсь вполнѣ осѣдлымъ человѣкомъ и, очевидно, не намѣренъ былъ вновь уходить на свою родину—въ село Христиновцы, на лѣвомъ берегу Днѣпра въ лубенскомъ полку. Чувствуя всю моральную тягость

[1]) Кодн. кн. стр. 11, 49.

условій своего житья, названные сегединскіе крестьяне и Ботвиненко сами на свой страхъ и рискъ однако ничего не затѣвали враждебнаго шляхетству; только когда пришелъ въ ихъ село Неживый и истолковалъ имъ положеніе дѣлъ да въ добавокъ прочелъ мнимую на самомъ дѣлѣ, но дѣйствительную для него самого золотую грамоту русской императрицы, они послѣ серьезнаго раздумыванія рѣшились пристать къ ватагѣ Неживого и порвать съ своимъ легальнымъ положеніемъ. Что такъ поступили они именно послѣ того, какъ взвѣсили и все ими претерпѣваемое, и всякія надежды на успѣхъ, о которомъ могъ говорить Неживый—это мы заключаемъ изъ интересныхъ показаній Ботвиненка на судѣ. По словамъ его, Неживый сразу не обрѣлъ адептовъ между сегединцами; это только послѣ ухода его крестьяне Ризниченки и Поповичъ, сойдясь, рѣшили догнать ушедшаго ватажка и пристать къ нему, причемъ убѣдили въ необходимости такъ поступить и Ботвиненка. Впослѣдствіи Ризниченки и Поповичъ перешли, съ согласія Неживого, въ ватагу Желѣзняка, а Ботвиненко остался съ Неживымъ и, очевидно, былъ съ нимъ до послѣдней возможности, потомъ же бѣжалъ къ сербамъ въ черный гусарскій полкъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ только онъ снова вернулся въ Сегединцы, разсчитывая за давностью избѣгнуть кары за гайдамачество, но его схватили, и кодненская коммиссія приговорила его къ обезглавленію. О судьбѣ же Ризниченокъ и Поповича свѣдѣній нѣтъ.

Вникая въ сущность приведенныхъ гайдамацкихъ біографій, не трудно видѣть по нѣкоторымъ изъ нихъ, что въ ватаги шли больше люди молодые, и что они, являясь убѣжденными, идейными, были такими, между прочимъ, благодаря окружающей ихъ средѣ и въ частности, быть можетъ, благодаря ихъ собственнымъ семьямъ. И Михайло Казанъ, и Олекса Якименко—люди хорошихъ семей, съ которыми связь у нихъ не обрывается до конца ихъ жизни. Тоже заключеніе, надо думать, невольно должно явиться у всякаго и при пересмотрѣ массы другихъ гайдамацкихъ біографій. Наиболѣе однако яркой иллюстраціей связи ватажной молодежи съ убѣжденными стариками своихъ селъ можетъ служить дѣло двухъ Дубенныхъ—отца и сына, относитель-

но котораго мы имѣемъ въ Кодненской книгѣ interrogatoria et responsoria gromady litwinowskiey [1]).

Дубенный—сынъ, а не отецъ, только и былъ собственно гайдамакой въ одномъ изъ загоновъ. О немъ однако мы знаемъ только, что онъ присталъ къ коліямъ, поѣхавшимъ на Литвиновку, и затѣмъ участвовалъ въ убійствѣ четырехъ шляхтичей, подвернувшихся этому загону. Что до грабежа, то ватага, о которой рѣчь, позволяла себѣ грабить только панское добро, какъ это, напримѣръ, случилось во время пребыванія ея въ Литвиновкѣ.

Гораздо интереснѣе Дубеннаго—сына Дубенный—отецъ, такъ какъ, очевидно, благодаря ему и сынъ сталъ гайдамакой. При самомъ началѣ движенія, этотъ человѣкъ полагалъ, что только гайдамаки вызволятъ угнетенное поспольство изъ бѣды. Поэтому онъ необычайно обрадовался приходу гайдамацкой ватаги въ Литвиновку, зазвалъ всю ватагу въ свой дворъ—и она долго тамъ прохлаждалась, добывая себѣ медъ, пиво и горилку изъ панскихъ погребовъ. А раньше еще, когда тѣ-же гайдамаки подошли къ селу Житники, онъ далъ имъ подробныя указанія относительно того, какъ удобнѣе захватить нужный имъ скотъ во владѣніяхъ пана, и тогда же пересказалъ имъ о той несправедливости, какую онъ самъ понесъ отъ пана. Панъ, по его словамъ, несправедливо отнялъ у него „десятину“ (?). Ободряемый надеждой на успѣхъ поднявшагося возстанія, старикъ Дубенный, не стѣсняясь, нападалъ на польскіе порядки и усердно вооружалъ противъ нихъ своихъ односельчанъ и сосѣдей въ с. Житники. Прійдя въ это послѣднее, онъ сталъ настаивать, чтобы житниковцы отказались отъ панщины, говоря: „якъ далеко земли до неба—такъ ляхамъ до насъ, бо вже ихъ чорты забралы; а якъ що робытымете на ихъ панщыну, якъ робылы, то знову впреться у село яка-небудь чортяка“. Когда же прошелъ слухъ, что въ пятигорскомъ лѣсу появился польскій отрядъ для преслѣдованія гайдамакъ, съ которыми житниковцы и литвиновцы братались, то Дубенный сталъ настаивать

[1]) Кодн. кн. 575—580.

на необходимости для нихъ заранѣе вооружиться для встрѣчи отряда. „Стійте на варти коло села, говорилъ онъ, бо чувъ я видъ козакивъ, що йе въ пьятыгоровскому лиси поляки. Щобъ воны не почалы напротывно васъ помсты, визьмить косы, спысы, ципы, хто що мае. Та дывиться, не давайтесь имъ!“ Дубенный открыто сталъ выражать также свое нерасположеніе къ католичеству и уніи. Многимъ полякамъ онъ говорилъ „żeby się odrzekali wiary swiętey y abżędkow“. А по показаніямъ нѣкоей Терезы Ольшевской онъ даже „blaznił przeciwko wierze swiętey“. Прійдя къ ней однажды, онъ повелъ такую рѣчь; „прыставайте до виры православной, тилько же не до такои, якъ теперъ завелась у насъ. Ни,—такои намъ не треба. Прыставайте, кажу, до такои, яка була въ насъ до цього часу. И колы вже прыстаете до насъ, то треба буде видректыся одъ виры польськои и наплювать на неи, та отця святого, що жыве у Рыми—бо то антихристъ, що людей обманюе. Треба буде вамъ тоди залышать и тихъ писень, що доси по косціолахъ та церквахъ „выквинтовувалы“. Уніатамъ, говорятъ, также доставалось отъ Дубенного. Однажды онъ вышелъ на встрѣчу шедшимъ изъ церкви съ уніатскаго богослуженія и прямо сказалъ имъ: „проклятый той, хто одправлявъ службу, и той, що слуха уніативъ“.

Такъ держалъ себя Василій Дубенный, пока движеніе гайдамацкое все ширилось и надежды возставшихъ на одолѣніе врага были основательны хоть сколько-нибудь. Послѣ же ряда пораженій, понесенныхъ гайдамаками, Василій Дубенный сталъ склоняться къ мысли, что все спасеніе въ русскихъ. Характерно выражено все это въ показаніяхъ его брата, Михаила Дубенного, которыя мы тутъ и приводимъ.

„Прыйшовшы до мене,—говорилъ онъ,—братъ мій Васыль почавъ мене лякать Кодней, почавъ вговорювать мене, щобъ я йихавъ за граныцю шукать протекціи въ москаливъ. Я зрикався та казавъ ёму: „схаменысь ты, Васылю, и зробы такъ, якъ я тоби молодшый наражу“. А винъ мени на те: „схаменысь ты самъ! Ты не хочешъ иты зо мною—то хыба хочешъ встрянуть у Кодню?“ А я ёму: „не попаду я у Кодню, бо ни въ чому я не выноватый“. Тоди винъ зновъ: „И чого тоби жалко?—Одного

вола? Мени жъ бильшъ ничого не жалко: доволи вже буть въ пидданстви панамъ польськимъ". И писля цёго я все жъ сказавъ: „не пойду", тилько жъ винъ почавъ пидбуджувать мене то прыйшлось пойихать. Оце уже мы йидемо и прыйизжаемо до Торговыци, до титки нашои, дали и за Торговыцю зайихалы, прямуючы до граныци. Саме передъ граныцей зустричаймо якогось чоловика, Васыль и пыта его: „видкиля ты, чоловиче? Той одвича: „зъ загранычи". „Що жъ тамъ чувать"? „Чувать— чуму!" Почувшы таке, я й кажу братови, „вернемось, брате, до Литвиновкы". Завернулы. Йидемо до Гранова, де тоди стоявъ сербьскый майоръ. Васыль и пишовъ до того майора прохать протекціи. Прыходыть назадъ, каже: „цей ничого не вдіе". Йидемо тоди шукать другого и знаходымо въ Псяровци. Псяровськый майоръ пыта насъ: „чого вамъ треба?" Васыль и каже, що не хочемо буть пидъ польськымы панами, а тилько пидъ москалямы. „Я, додавъ винъ, заразъ сына мого альбо племенька запышу до войска чы панщыну сгожусь робыть—треба мени тилько, щобъ було въ мене степу доволи, лису и воды. Якъ що цього буде досыть, то й слободы осажу". Майоръ одповивъ Васылеви: „идите до старшого майора, а я тоби напышу лыстъ— то винъ дасть тоби протекцію и знайде мисце, заразомъ и запыше васъ въ канцеляріи". Я, змирковавши дило, выйшовъ заразъ зъ хаты, а Васыль забавывся ще зъ майоромъ. Майоръ заразъ послявъ по порученію. Поручникъ прыйшовъ и заразъ пойихавъ зъ намы на ничъ на квартыру. Въ вечери пытаю Васыля: „брате, щось зле буде зъ того, що роспочавъ; до решты самъ себе знищышъ и мене переведешъ ни на вищо, бо однымешъ въ мене остатню сорочку". Одповивъ мени Васылъ: „мовчы, бо розибью тоби кіемъ голову. Робы, що до тебе надлежыть—гляды тилько коней та санкы". Тоди я, доставшы зъ санокъ горилкы, напывся разивъ два и лигъ въ санкахъ спаты. Колы зновъ прыходыть Васыль и каже; „брате, ты ни у вищо не втручайся, дывысь тилько за киньмы; майоръ казавъ, що зъ намы у Лытвиновку пошле поручныка и гусаривъ на залогу (гарнизонъ), и щобъ мы соби вильно жылы въ Лытвиновци черезъ зыму до весны и хлибъ вымолочувалы, бо хочъ бы заразъ

перетяглысь заграницю, то все одно не було-бъ чымъ худобу до кинця зимы додержать".

Неизвѣстно, осуществилась ли обѣщанная протекція и могла ли даже она осуществиться, но для Литвиновки пребываніе тамъ сербского поручика съ небольшимъ отрядомъ во всякомъ случаѣ осталось памятнымъ: одни изъ сербовъ кинулись захватывать подводы, нагруженныя панскимъ хлѣбомъ для отправки на Волынь, другіе начали бить войта и только тогда отпустили его, когда онъ отказался отъ войтовства и проч. Въ виду такого результата отъ сербской протекціи, разсчеты на нихъ, сербовъ, Васыля Дубенного, были по меньшей мѣрѣ несвоевременны. Въ этомъ отношеніи съ нимъ не сходились, очевидно, другіе селяне, которымъ не чужды были общественные интересы. Характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ Васыля Дубенного по дорогѣ въ Литвиновку, когда онъ уже велъ сербовъ. Заночевали они тогда на пути въ Бузовкѣ у Васылёваго кума—мельника бузовецкаго. Мельникъ и мельничиха приняли Васыля съ его мнимыми защитниками радушно, но когда на другой день утромъ они вырядили уже своихъ гостей, то мельничиха возлѣ воротъ отозвала Васыля въ сторону и сказала: „схаменысь, куме,—що ты робышъ?" На это однако Васыль только отвѣтилъ: „побачышъ, кумо, що я тамъ зроблю".

Для передачи съ полной обстоятельностью всего склада понятій старика Дубенного, мы не ограничились пересказомъ содержанія нашего документа въ той его части, которая относится къ 1768 году, но приняли въ разсчетъ и другую, относящуюся къ 1770 и 1771 годамъ. Благодаря этому, мы видимъ, что Дубенный въ разное время искалъ разныхъ средствъ для достиженія своей цѣли; сперва онъ ждалъ облегченія отъ гайдамакъ, потомъ отъ русскихъ. Принявъ же во вниманіе все это, невольно приходишь къ заключенію, что въ лицѣ Васыля Дубенного мы имѣемъ одного изъ тѣхъ изстрадавшихся стариковъ, по внушенію которыхъ шли въ гайдамацкія ватаги и ихъ дѣти, и многіе, находившіеся подъ ихъ вліяніемъ.

Интересны въ ватагахъ и такіе люди, какъ Кондратъ Микишенко, человѣкъ среднихъ лѣтъ, состоявшій эсауломъ богу-

славскихъ козаковъ. Несмотря на свое личное сравнительно выгодное положеніе, онъ его мѣняетъ на опасное, невѣрное положеніе гайдамаки, пристаетъ къ страшному Швачкѣ и остается съ нимъ до самого его пораженія. Сознаніе общественной неправды, очевидно, завело его такъ далеко. Схваченный впослѣдствіи поляками, онъ былъ присужденъ къ смерти (родъ казни въ документѣ не обозначенъ) [1]).

Кромѣ открыто шедшихъ въ гайдамачество и приставшихъ къ тѣмъ или другимъ ватагамъ, очень многіе изъ кіевскаго и брацлавскаго крестьянства дѣйствовали противъ поляковъ порознь, не соединяясь въ ватаги. Убить въ это время поляка или жида считалось доблестью—и мы наталкиваемся поэтому въ Кодненской книгѣ на массу дѣлъ объ убійствѣ шляхтичей и жидовъ. Не позорно было также несбереженіе панскаго добра и даже полное его присвоеніе отдѣльными лицами—и объ этомъ опять таки читаемъ мы въ документахъ Кодненской книги.

Пересмотримъ сперва рядъ дѣлъ объ убійствахъ, совершенныхъ людьми, стоявшими внѣ ватагъ.

Тутъ передъ нами выступаетъ рѣзко опять должностное лицо—отъ села Шпичаницъ паволоцкихъ (село сквир. у. близъ границы бердичевскаго, къ з. отъ м. Паволочи), Мартынъ Лобода [2]). И онъ, подобно многимъ другимъ, не дорожилъ своимъ сравнительно виднымъ положеніемъ въ селѣ и только воспользовался имъ для того, чтобы хоть въ теченіе короткаго времени съ большимъ успѣхомъ гнать ненавистныхъ ему поляковъ и уніатовъ. Онъ то и дѣло разыскивалъ прятавшихся пановъ и жидовъ и отдавалъ ихъ на убійство; не щадилъ при этомъ и женщинъ, причемъ съ особенною яростью преслѣдовалъ жену гуменного, который былъ мазуръ родомъ. Дѣйствовалъ, впрочемъ, Мартынъ Лобода не совсѣмъ въ одиночку; у него были между крестьянами сознательные пособники. Однимъ изъ такихъ пособниковъ состоялъ между прочимъ нѣкій Яковъ

---

[1]) Кодн. кн. 448.

[2]) Кодн. кн. стр. 62, 63.

Руденко, человѣкъ лѣтъ 35, родомъ изъ села Жалобного, что за Звягелемъ, пришедшій всего года за четыре до возстанія въ Шпичаницы паволоцкія на слободы. Здѣсь ему не жилось хорошо, такъ какъ подстароста чинилъ ему всякія несправедливости—отнималъ у него скотъ и проч. Вслѣдствіе этого, руководимый Мартыномъ Лободой, Яковъ Руденко сталъ безжалостно убивать попадавшихся ему шляхтичей и жидовъ, а потомъ даже присталъ къ донцамъ въ надеждѣ, что, принадлежа къ нимъ, онъ будетъ имѣть возможность съ большей безопасностью совершить свои преслѣдованія. Не удивительно поэтому, что когда онъ былъ схваченъ поляками и отданъ на судъ кодненской коммиссіи, то эта послѣдняя присудила его къ обезглавленію. Та-же кара еще раньше постигла его руководителя—Мартына Лободу.

Слѣдя за убійствами порознь, обратимъ вниманіе на то, что сильнымъ негодованіемъ противъ поляковъ проникались нерѣдко тѣ изъ надворныхъ козаковъ, которымъ паны, приставшіе къ барской конфедераціи, велѣли идти за ними отстаивать дѣло конфедератовъ. Многіе изъ такихъ невольныхъ конфедератовъ при первой возможности дезертировали, не желая сражаться за дѣло неправое, и послѣ дезертирства становились людьми, годными на многое. Въ Кодненской книгѣ мы имѣемъ, между прочимъ, дѣло нѣкоего Тимка. Этотъ Тимко, вмѣстѣ съ другими 13-ю козаками, бѣжалъ, изъ конфедерацкихъ рядовъ, попалъ затѣмъ въ тюрьму, потомъ же очутился въ Цыбуновѣ и здѣсь косой зарѣзалъ шляхтянку. Въ это время онъ уже былъ въ связи съ гайдамаками. Кодненская коммиссія присудила его къ смерти.

Общераспространеннымъ въ это время нерасположеніемъ къ полякамъ объясняется, очевидно, и другой случай подобнаго убійства: въ селѣ Черепинѣ косой убилъ шляхтянку крестьянинъ Игнатъ Гудимъ [1]).

Убивали при этомъ не только шляхтичей, такъ или иначе насолившихъ убивавшимъ, но и незнакомыхъ. Такъ, крестьянинъ Лихогруденко [2]) изъ Рокитной, вмѣстѣ съ какимъ-то Ро-

[1]) Кодн. кн., стр. 445.

[2]) Кодн. кн., стр. 493.

говскимъ, убилъ шляхтича, встрѣченнаго на дорогѣ. Кодненская коммиссія Лихогруденка приговорила къ обезглавленію, а Роговскаго къ четвертованію. Судя по наказанію, надо думать, что Роговскій былъ польскій ренегатъ. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить проявленной по отношенію къ нему жесткости со стороны кодненской коммиссіи.

Къ смертной казни по дѣлу такого рода, какъ только что пересказанное, присуждены были также Хведько Киресса, Петро Микитенко и Андрушка, Гайдаевъ сынъ [1]). Они убили кіями какого-то шляхтича. На судѣ первые два отказывались сознаться въ убійствѣ, третій же Андрушко, Гайдаевъ сынъ, сознался и донесъ на сотоварищей. Грабежа при убійствѣ не было.

Крайняя жестокость иногда только проявлялась при совершеніи этихъ убійствъ. Такъ, уроженецъ села Кочериницъ уманскихъ Васыль Паламаренко [2]), былъ однажды въ селѣ Ромахъ и въ присутствіи многихъ прислужницъ пани Чаплинской сталъ ее, Чаплинскую, бить, и, когда она уже упала въ безсознательномъ состояніи, Паламаренко разбилъ ей голову, вынулъ мозгъ и отдалъ его собакамъ. Чаплинская была тещей регимептаря Стемпковскаго, предсѣдателя кодненской коммиссіи. Къ сожалѣнію, въ судебной отмѣткѣ нѣтъ указанія на время совершенія означеннаго преступленія. Если оно совершено уже во время существованія кодненскаго суда, то легко могло быть вызвано ненавистью къ Стемпковскому, которою, быть можетъ, объясняется и самая лютость Паламаренка.

Грозой былъ для поляковъ и Васыль Бабачекъ, крестьянинъ родомъ изъ Соколовки уманской [3]). Много убійствъ совершилъ онъ среди шляхты въ селѣ Волощиновкѣ уманской. Застрѣлилъ, между прочимъ, паню Пшемійскую и прикончилъ ударомъ копья уже пораненнаго другими пана Пшемійскаго. При этомъ Бабачекъ сказалъ сыну убитаго, Антонію Пшемійскому: „a wiesz ty o tym, przeklęty lachu, że was wszystkich lachow suka na morzu w kę-

---

[1]) Кодн. кн. стр. 461.

[2]) Кодн. кн. стр. 475.

[3]) Кодн. кн. стр. 475.

pie rodzi y wy stąd pochodzicie wszyscy y początek swoy od tego rodzaju maice". Конечно, Бабачекъ казненъ.

Ужасна также была расправа крестьянъ съ панами въ селѣ Волнянкѣ. Въ ближайшемъ къ Волнянкѣ лѣсу спряталось 18 человѣкъ шляхты [1]). Крестьяне Волнянки, узнавъ объ этомъ, тотчасъ пустились на поиски ихъ и, отыскавъ, цѣлою громадою участвовали въ ихъ убійствѣ. Не были пощажены при этомъ и дѣти. Большинство участниковъ этого избіенія были потомъ согнаны поляками въ Бѣлую Церковь и здѣсь безъ суда и расправы казнены. На долю кодненской коммиссіи изъ числа волнянцевъ только немногіе остались для рѣшенія ихъ участи. Однимъ изъ такихъ былъ Мыкола Лавренчукъ. Кодненская коммиссія приговорила его къ смертной казни, хотя о немъ только извѣстно было, что онъ находился въ Волнянкѣ въ моментъ избіенія шляхты, но никакихъ не было указаній на то, чтобы онъ самъ принималъ участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ.

Въ селѣ Конельскомъ полякамъ также довелось жизнью заплатить за тотъ гнетъ, какой отъ нихъ терпѣло поспольство [2]). Войтомъ въ этомъ селѣ былъ Хведоръ Дворакъ, родомъ изъ Чорнополя. Онъ во всемъ готовъ былъ слѣдовать указаніямъ людей, враждебныхъ панамъ, и нисколько не заботился о соблюденіи установленнаго въ селѣ порядка. Благодаря этому, бывшій въ с. Конельскомъ Якимъ Зарудный, числившійся козацкимъ сотникомъ, былъ организаторомъ поимки 22 шляхтичей, и затѣмъ по его же распоряженію всѣ они были убиты, убитъ былъ и губернаторъ конельскій вмѣстѣ съ писаремъ. Въ судебной отмѣткѣ по этому дѣлу сказано, что Зарудный тогда же убилъ отца своего, зятя и дѣтей послѣдняго. Чѣмъ объяснить эти послѣднія убійства? Не то ли было ихъ причиной, что отецъ и зять Заруднаго не были на сторонѣ возставшихъ и не мѣшали ли они Якиму совершать его расправу съ панами?

Видную роль въ это время съигралъ въ Конельскомъ и эсаулъ козацкій Иванъ Гучала изъ Чорнополя [3]). Онъ передъ

---

[1]) Кодн. кн. стр. 491.

[2]) Кодн. кн. стр. 495.

[3]) Ibidem.

тѣмъ, какъ раздраженіе въ с. Конельскомъ противъ поляковъ дошло до крайнихъ предѣловъ, согласился спрятать у себя въ хлѣву ксендза францисканскаго ордена. Ксендзъ и пришелъ къ нему, не подозрѣвая, конечно, что самъ Гучала—одинъ изъ наиболѣе ярыхъ ненавистниковъ поляковъ и уніи. Узнать это однако ему довелось, какъ только Зарудный приступилъ къ расправѣ съ шляхтой. Гучала тогда выдалъ ксендза Зарудному и другому земляку своему Романюку — и францисканецъ былъ убитъ на глазахъ конельскихъ крестьянъ.

Интересенъ еще небольшой эпизодъ, которымъ сопровождалась вся эта конельская исторія. Когда были добыты шляхтичи, предназначенные къ убійству, и между ними оказались люди, собиравшіеся идти въ конфедерацію, то тотчасъ Зарудный и др. предположили, что при нихъ должны быть деньги на покупку лошадей. Предположеніе оказалось основательнымъ. Деньги были добыты и распаеваны между добывшими. Завѣдывалъ этимъ Грыцько Швець, получившій также свою долю. Смущеннымъ панамъ онъ при этомъ заявилъ: „досыть вамъ вже тутъ панувaты“.

Накопившаяся у крестьянъ противъ поляковъ ненависть, какъ извѣстно, не уступала въ силѣ ненависти ихъ къ жидамъ. Убійства жидовъ людьми внѣ ватагъ были поэтому въ періодъ движенія 1768 года чуть ли не чаще убійствъ шляхты. Фактовъ въ этомъ родѣ въ книгѣ нашей масса. Мы приведемъ только нѣкоторые изъ нихъ.

Такъ, мы знаемъ, что невдалекѣ отъ Животова[1]) крестьяне Илько Хабло, Степанъ, сынъ Марка Дышлового, Максимъ Тихоходовъ, Климъ Маковонюкъ и Андрей Конопельчукъ, имѣя въ виду убить нѣсколькихъ жидовъ, призвали къ себѣ изъ Животова для этой цѣли гайдамакъ. Тѣ явились, убили двухъ жидовъ и одну жидовку, а нѣсколькихъ жидовокъ, оставленныхъ въ живыхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми забрали съ собой въ Животовъ и тамъ окрестили ихъ. Названные выше крестьяне за столь явное содѣйствіе убійству жидовъ всѣ были приговорены кодненскою коммиссіею къ смертной казни.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 464.

Другой случай проявленія ненависти къ жидамъ встрѣчаемъ въ слободѣ Антоновкѣ [1]). Тамъ служилъ у пана Подгурского дьякъ Кондратъ Горбенко. И вотъ этотъ то Горбенко, какъ только гайдамачина стала заявлять себя, измѣнилъ своему пану и убилъ жида. Наказанъ онъ повѣшеніемъ.

Особенно легко рѣшались люди на убійство жидовъ подвыпивши. Такъ, въ хуторѣ Москвитиновкѣ [2]) тамошняго арендаря-жида зарѣзалъ крестьянинъ Уласъ Даничисилъ, родомъ изъ с. Саяновки. Даничисилъ вмѣстѣ съ четырьмя паробками сталъ гулять и пить въ своемъ селѣ, такъ что въ Москвитиновку всѣ они пришли уже пьяные, и тутъ то въ шинкѣ Даничисилъ напалъ съ ножемъ на арендаря-жида и убилъ его. Кодненская коммиссія приговорила Даничисила къ смертной казни.

Жиды не знали, куда и укрываться. Изъ крестьянъ никто не желалъ ограждать ихъ отъ грозившихъ имъ бѣдъ. Такъ, въ Умани во время рѣзни плотникомъ у какой то жидовки, строившей себѣ домъ, былъ крестьянинъ с. Бузовки, Никита Москаленко [3]). Въ рѣзнѣ онъ не принималъ участія, но когда гайдамаки напали на жидовку, у которой онъ работалъ, и когда она, убѣгая отъ нихъ, въ ужасѣ кинулась къ нему на шею, прося защитить ее, то онъ тотчасъ сбросилъ ее съ себя и хладнокровно смотрѣлъ затѣмъ, какъ ее убивали. На другой день этотъ самый плотникъ, встрѣтивъ фельдшера—выкреста и принявъ его за жида, съ силой ударилъ его въ грудь, намѣреваясь убить его, если же не совершилъ этого убійства, то только потому, что на выручку фельдшеру подоспѣли другіе гайдамаки, знавшіе, что фельдшеръ выкрестился. Конечно, кодненская коммиссія приговорила Москаленка къ смертной казни.

Арендарямъ-жидамъ особенно трудно было разсчитывать въ это время на спасеніе. Выше мы уже привели одинъ случай убійства арендаря крестьяниномъ, а вотъ и другой изъ массы подобныхъ. Въ селѣ Ризановкѣ лисянской [4]) убилъ арендаря

---

[1]) Кодн. кн. стр. 486.

[2]) Кодн. кн. стр. 490.

[3]) Кодн. кн. стр. 487.

[4]) Кодн. кн. стр. 493.

жида крестьянинъ Иванъ Панасенко. Приговоренъ и онъ за это къ смертной казни.

Убивать жидовъ было какъ бы обязательно. Такъ, когда Илько Семеновичъ, крестьянинъ с. Снятовки [1]), пріѣхалъ однажды во время ярмарки въ Сквиру и, встрѣтясь тамъ съ знакомымъ, разговорился о томъ, что онъ дѣлалъ въ Умани, то на вопросъ—сколькихъ онъ убилъ тамъ жидовъ, онъ отвѣчалъ: „а столько, сколько Богъ далъ". Разговоръ этотъ былъ подслушанъ сквирскимъ писаремъ, и по его доносу Илько былъ схваченъ и отданъ на судъ кодненской коммиссіи, которая приговорила его къ смертной казни.

Жидамъ не помогало часто и желаніе выкреститься ради сохраненія жизни. Такъ, пожелалъ принять крещеніе жидъ въ с. Насташки [2]), но тамошній попъ, Петръ Куцековичъ, вѣроятно признавая неискреннимъ обращеніе жида къ православію въ опасную минуту, отказался окрестить его. Жидъ былъ убитъ, попъ же Петръ Куцековичъ за свой отказъ окрестить его былъ отданъ въ Кодню, и если не былъ тамъ казненъ, то только потому, что до суда умеръ въ кодненской ямѣ.

Отнимая легко у шляхты и жидовъ жизнь, крестьяне бывшей руины еще легче относились къ панскому и жидовскому имуществу. Особенно часто добро ненавистныхъ людей захватывали крестьяне послѣ того, какъ имъ доводилось столкнуться съ гайдамацкими отрядами. Такъ, послѣ того, какъ въ Каменномъ Бродѣ [3]) побывалъ Желѣзнякъ и разграбилъ все, что хотѣлъ, изъ имущества пана Пясецкаго, спасшагося изъ Каменнаго Брода бѣгствомъ въ Бѣлую Церковь, крестьяне каменно-бродскіе, какъ это уже было нами разсказано, тотчасъ же стали захватывать въ свою пользу и всякія панскія „заушнички", и бекеши зеленыя съ бѣлымъ мѣхомъ, и хлѣбъ изъ панскихъ амбаровъ, причемъ одни брали по мѣшку по мѣрѣ надобности, другіе же и для продажи. Оставленный же Пясецкимъ для охраны добра

---

[1]) Кодн. кн. стр. 490.

[2]) Кодн. кн. стр. 525, 535 и раньше.

[3]) Кодн. кн. стр. 95.

крестьянинъ Процько Замковый, не имѣя возможности противодѣйствовать громадянамъ своимъ, а быть можеть и лично увлекшись легкостью наживы, поневолѣ послѣ ослабленія движенія долженъ былъ бѣжать изъ Каменнаго Брода. Бѣжалъ онъ въ Бердичевъ и тамъ года четыре спустя, какъ уже поминали мы, былъ на ярмаркѣ узнанъ Пясецкимъ и отданъ подъ судъ. Кара его не постигла, потому что до рѣшенія дѣла онъ умеръ въ кодненской ямѣ.

Многіе изъ крестьянъ, нанявшихся въ рабочіе къ панамъ, прослышавъ о надвигающихся въ ихъ село гайдамакахъ, начинали считать себя свободными отъ всякихъ данныхъ обязательствъ и въ добавокъ завладѣвали изъ панскаго добра—чѣмъ могли. Такъ, въ с. Жаботинѣ рабочимъ на селитрянномъ заводѣ нанялся крестьянинъ Иванъ Вереміенко [1]). Прежде всего онъ долженъ былъ отслужить пару воловъ, что получилъ отъ мѣстнаго жида-арендаря, а далѣе могъ разсчитывать на извѣстную плату деньгами по мѣрѣ отслуживанія. Между тѣмъ другіе крестьяне вырѣзали въ селѣ жидовъ и грозили смертію самому пану, такъ что послѣдній не выходилъ со двора; вмѣстѣ съ нимъ въ домѣ, оставивъ свой шинокъ, сидѣли въ страхѣ мѣстные арендарь съ арендаркой. Вереміенко въ это время какъ разъ пасъ своихъ двухъ воловъ, полученныхъ въ счетъ отработка, и 9 панскихъ. Получивъ вѣсть отъ козацкаго атамана о томъ, что дѣлается въ селѣ, онъ, не долго думая, погналъ весь скотъ за границу—и тамъ остался, обзаведясь полнымъ хозяйствомъ. Кодненская коммиссія получила въ свои руки данное дѣло только потому, что ужъ долго спустя Иванъ Вереміенко пришелъ на польскую сторону къ родичамъ и тутъ-то попался въ руки властямъ. Дѣло кончилось безъ смертнаго приговора удовлетвореніемъ истца-пана гражданскимъ порядкомъ.

Жидовское добро присваивали себѣ не только тогда, когда жиды были въ селахъ, но и на дорогахъ во время ихъ бѣгства изъ опасныхъ мѣстъ. Бѣжало жидовъ довольно много между прочимъ изъ-подъ Фастова и даже изъ-подъ Бѣлой Церкви. Одинъ

[1]) Кодн. кн. стр. 36.

изъ такихъ укрывавшихся отъ грозящей бѣды жидъ Лейба Пергель, арендарь бѣлоцерковскій [1]) раньше, чѣмъ самъ бѣжалъ, выпроводилъ изъ Бѣлой Церкви свою жену, усадивъ ее на возъ, наполненный перинами и всякимъ добромъ. На бѣду жидовки вблизи села Червоного у воза ея загорѣлась ось, и она, не зная что дѣлать, бросила среди поля возъ съ конемъ и все имущество, а сама поспѣшила спрятаться въ высокомъ хлѣбѣ въ сторонѣ отъ дороги. Черезъ нѣсколько времени къ возу подъѣхали какіе то крестьяне, опорожнили его, часть пуху изъ перинъ пустили по вѣтру, забрали буланого коня и уѣхали. Мужъ потерпѣвшей послѣ прекращенія возстанія предъявилъ искъ въ 487 червоныхъ злотыхъ къ крестьянину села Червоного Хведору Осадчему, состоявшему въ этомъ селѣ на слободѣ послѣ переселенія съ мѣста родины въ Полѣсіи. Основаніемъ для обвиненія былъ буланый конь, которымъ одно время Осадчій владѣлъ и который былъ будто бы именно конь Пергеля. Основаніе нѣсколько шаткое, но во всякомъ случаѣ могло быть, что Осадчій и овладѣлъ Пергелевыми вещами, ибо вообще грабежи жидовъ, спасавшихся бѣгствомъ, были въ большомъ ходу: это видно и изъ показаній Осадчаго, отрицавшаго свое личное участіе въ грабежѣ Пергелева воза и коня.

Какъ видимъ, всякія средства пускались въ ходъ людьми бывшей руины противъ поляковъ и жидовъ. Изъ числа считавшихъ возстаніе дѣломъ необходимости, какъ знаемъ, наиболѣе безстрашные и полные силъ шли сами въ ватаги, менѣе же рѣшительные, не желавшіе вполнѣ разстаться съ осѣдлою жизнью въ устроенныхъ мѣстахъ, дѣйствовали въ одиночку, каждый отдѣльно, истребляя шляхту и жидовъ и присваивая себѣ ихъ неправдой нажитое добро. Надежда не сдѣлаться жертвами польскаго и жидовскаго мщенія, при невступленіи въ ватаги и при соблюденіи тайны, также могла быть однимъ изъ мотивовъ, руководившихъ этой второй группой людей. Но, кромѣ ихъ, были между мѣстными людьми и такіе, которые, вполнѣ сочувствуя

---

[1]) Кодн. кн. стр. 413.

затѣянному вызволенію края изъ польскихъ рукъ, стремились рисковать собой еще меньше, оказывая только посильное пособничество, гайдамакамъ. И много же бывало случаевъ, когда для успѣха движенія существованіе въ селахъ людей, готовыхъ только на пособничество, являлось рѣшающимъ въ дѣлѣ.

Возьмемъ въ разсчетъ прежде всего готовность крестьянъ къ пристанодержательству. Укрыть въ то время кого нибудь враждебнаго полякамъ не считалось особенно опаснымъ; большинство неосновательно думало, что смертная казнь не можетъ грозить за это. Предположеніе же это сослужило дѣлу возстанія не малую службу. Во-время спрятанная кучка гайдамакъ не могла не быть цѣнной въ общемъ счетѣ силъ, и кто знаетъ, какое количество поляковъ бывало ею истреблено при благопріятныхъ обстоятельствахъ послѣ того, какъ укрыватель спасъ ихъ отъ какого нибудь численнаго польскаго отряда. Такими укрывателями, или пристанодержателями въ интересующее насъ время очень часто бывали пасѣчники. Заниматься этимъ дѣломъ имъ было удобнѣе, чѣмъ кому бы то ни было изъ селянъ, такъ какъ пасѣки обыкновенно бывали при садкахъ и чаще на окраинахъ селъ. При томъ же для пасѣчниковъ, людей обыкновенно уже старыхъ, но нерѣдко привыкшихъ къ жизни политической въ прежніе годы, единственнымъ способомъ содѣйствовать дорогому для нихъ дѣлу—было укрывать нуждающихся въ убѣжищѣ собратій, непосредственно участвовавшихъ въ возстаніи.

Въ Кодненской книгѣ мы встрѣтили нѣсколько случаевъ пристанодержательства пасѣчниками. Такъ, въ селѣ Волосовѣ близъ Хмѣльника [1]) былъ пасѣчникъ Хведоръ. И вотъ у него въ пасѣкѣ нашли пріютъ двое гайдамакъ, которые во-время успѣли уйти изъ пасѣки отъ преслѣдованій, причемъ не успѣли только захватить съ собой оружія. Въ Цыбуловѣ же пасѣчникъ пани Павловской Зинько [2]) передержалъ у себя довольно много гайдамакъ, испуганныхъ польскимъ подъѣздомъ, остановившимся въ

[1]) Кодн. кн. стр. 445.

[2]) Кодн. кн. стр. 461.

Монастырищѣ. Укрывательство это не могло не сдѣлаться извѣстнымъ, поэтому Зинько, по уходѣ гайдамакъ, заявилъ о томъ, что они у него были, „двору“ своему, но уже тогда, когда гайдамаки были въ Цыбуловѣ и потому находились внѣ опасности. Свой поступокъ Зинько объяснялъ на судѣ тѣмъ, что онъ, Зинько, будто былъ связанъ гайдамаками и будто связаннымъ они его держали до самаго своего ухода. Нѣсколько сложнѣй услугу оказалъ гайдамакамъ пасѣчникъ попа въ Ризаной Крыницѣ Самуилъ Шиманскій [1]). Онъ не только далъ у себя пріютъ гайдамакамъ, случайно наткнувшимся на польскій „подъяздъ“, но и отправился въ сторону, гдѣ подъяздъ остановился, чтобы узнать, изъ какого числа людей состоялъ онъ. Этимъ свѣдѣніемъ должно опредѣлиться—какъ быть спрятавшимся: уходить ли, или оставаться въ спряту.

Попадались пристанодержатели и помимо пасѣчниковъ. Такъ, въ селѣ Майдановкѣ принялъ къ себѣ въ гости 12 гайдамакъ крестьянинъ Василій Мовончукъ [2]). У него они пили и гуляли.

Интересно, что всѣ эти пристанодержатели, призванные на кодненскій судъ, отдѣлались сравнительно дешево. Три пасѣчника поплатились только долгимъ сидѣніемъ въ кодненской ямѣ до суда, потомъ же были выпущены, и одинъ только Мовончукъ почему-то былъ наказанъ 50 ударами розогъ.

Пособничество гайдамакамъ со стороны крестьянъ выражалось и въ другихъ формахъ. Такъ, очень часто крестьяне, можетъ быть изъ страха большой отвѣтственности, не убивали сами пановъ, которые были въ ихъ рукахъ, а доставляли ихъ гайдамакамъ. Изъ приведенной выше характеристики Швачки мы знаемъ уже, что крестьяне села Скреловки Олекса Кочубай, Василій Юценко и Кузьма Ткаченко [3]) приложили не мало старанія на изловленіе супруговъ Ольшевскихъ и зятя ихъ Русецкаго съ женой и дѣтьми и затѣмъ на доставку ихъ въ Фастовъ. Олекса Кочубай при этомъ былъ поставленъ громадой своего

[1]) Кодн кн. стр. 462.

[2]) Кодн. кн. стр. 484.

[3]) Кодн. кн. стр. 538, 539.

села сторожемъ на дорогѣ, по которой должны бѣжать паны. Скреловская громада сочла все это своимъ дѣломъ и за трудъ доставки пановъ уплатила обоимъ подводчикамъ по 7 коп. Если крестьяне при этомъ пособничествѣ разсчитывали избѣгнуть большой отвѣтственности, то въ этомъ они глубоко ошиблись: на судѣ кодненской коммиссіи всѣ три названные крестьянина были приговорены къ обезглавленію.

Отдавалъ гайдамакамъ на убійство шляхтичей и крестьянинъ Петръ Петрицкій изъ Григоровки родомъ [1]). Онъ ревностно розыскивалъ спрятавшихся шляхтичей по лѣсамъ и затѣмъ тоже отправлялъ ихъ на убійство въ Фастовъ. Въ помощь для отысканія шляхты въ лѣсахъ бралъ онъ себѣ дѣтей. Такимъ путемъ онъ сбылъ Швачкѣ 8 шляхтичей. Кодненская коммиссія приговорила Петрицкаго къ обезглавленію.

Въ селѣ Черепанѣ [2]) крестьянинъ Климъ также отдалъ на убійство какимъ то гайдомакамъ шляхтича Лаховскаго. И Климъ этотъ, конечно, былъ приговоренъ въ Коднѣ къ обезглавленію.

Затѣмъ въ поминавшейся выше Скреловкѣ крестьянинъ Васыль Сарана [3]) долго розыскивалъ скрывавшагося пана Гутовскаго. Найдя же его, онъ привелъ его въ село на цѣпи, обхвативъ его панское горло. Изъ Скреловки Сарана отвезъ пана Гутовскаго въ Фастовъ къ Швачкѣ. За преступленіе это въ Коднѣ былъ обезглавленъ не только Сарана, но и его односельчанинъ Иванъ Крытыча, бывшій только при отправкѣ пана Гутовскаго.

Далѣе, близъ Зотова, въ слободкѣ Ставокъ крестьянинъ Герасимъ Гладенко [4]), завлекши къ себѣ пановъ обѣщаніемъ за извѣстную плату скрыть ихъ и получивши уже эту плату, неожиданно поотвозилъ ихъ гайдамакамъ на убійство. Къ Гладенку въ Коднѣ отнеслись поэтому особенно сурово: его четвертовали живымъ.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 446.
[2]) Кодн. кн. стр. 445.
[3]) Кодн. кн. стр. 481—482.
[4]) Кодн. кн. стр. 482.

Всякое пособничество къ убійству шляхты, очевидно, приравнивали въ Коднѣ къ убійству. Въ одномъ случаѣ въ селѣ Баранье Поле богуславскаго ключа крестьянинъ Якимъ Сыкуненко[1]) выказалъ свою готовность служить гайдамакамъ только тѣмъ, что впустилъ къ себѣ двухъ изъ нихъ—брата своего Паиаса Сыкуненка и еще какого-то, и не помѣшалъ имъ у себя въ хатѣ убить шляхтича, котораго они привезли съ собой. И вотъ и въ данномъ случаѣ кодненская коммиссія приговорила пособника гайдамакъ къ смертной казни.

Въ Шпичаницахъ, наконецъ, крестьянинъ Пилипъ Радникъ[2]), при содѣйствіи извѣстнаго уже намъ войта Мартына Лободы, повезъ было на убійство къ гайдамакамъ шляхтянку Маріану Бальневичъ, но на дорогѣ былъ встрѣченъ попомъ, который отобралъ у него обезумѣвшую отъ страха шляхтянку и спасъ ее. Пойманный впослѣдствіи Пилипъ Радникъ, конечно, былъ обезглавленъ.

Не такъ строго относилась кодненская коммиссія къ крестьянамъ, оказывавшимся виновными въ третьяго рода пособничествѣ гайдамакамъ—въ сообщеніи имъ, гдѣ спрятаны панскія вещи. Между тѣмъ этого рода пособничество повторялось въ 1768 г. постоянно и приносило, конечно, гайдамакамъ существенную выгоду, доставляя имъ необходимыя на поддержаніе движенія средства. Особенно интересный примѣръ готовности крестьянъ доставить гайдамакамъ панское добро мы уже встрѣчали въ селѣ Малинкахъ[3]). Мы знаемъ уже, что малинковская громада прежде всего не дозволила пану Грабовскому спрятать вещи въ православной церкви, несмотря на то, что попъ Пилиповичъ даже уже принялъ вещи въ церковь. Затѣмъ, когда Грабовскій закопалъ вещи въ лѣсу, малинковскіе крестьяне, зная, гдѣ именно онѣ были закопаны, при приходѣ въ село загона Никиты Москаля, по первому требованію послѣдняго, не только указали мѣсто спрята, но и поѣхали сами за вещами. Такъ поступили сторожъ въ Малинкахъ Антонъ Скработунъ и

[1]) Кодн. кн. стр. 484.
[2]) Кодн. кн. стр. 485.
[3]) Кодн. кн. стр. 428—429.

еще три другіе крестьянина—Гаврило Повхимчукъ, Петро Тимченко и Левко Черный.

Вполнѣ обязательнымъ считалось также указывать гайдамакамъ, гдѣ спрятаны и вещи жидовскія. Такъ, въ селѣ Ситнянкѣ смѣлянской крестьянинъ Васыль Лобуренко [1]), родомъ изъ Шарогрода, содѣйствовалъ тому, чтобы войтъ ситнянскій, державшій шинкъ вмѣсто спасшагося бѣгствомъ жида, указалъ гайдамакамъ — гдѣ спрятаны вещи бывшаго арендаря. Кодненская коммиссія приговорила Лобуренка къ наказанію розгами.

Пособничество гайдамакамъ выражалось далѣе доставленіемъ имъ то оружія, то пороху, то лошадей, то водки. Такъ, крестьянинъ Иванъ Коваль, родомъ изъ села Антоновки подъ Володаркой [2]), живя въ с. Пруссахъ смѣлянскихъ и занимаясь вмѣстѣ съ дядей своимъ слѣсарствомъ, доставлялъ гайдамакамъ „списы“ (копья). На судѣ онъ отрицалъ это, опровергая сдѣланный на него доносъ и всячески стараясь избѣгнуть кары; дѣло дѣйствительно затянулось, но фактъ доставки ковалемъ копій гайдамакамъ все же остается фактомъ. Иначе держалъ себя на судѣ другой крестьянинъ Хведоръ Семеры (въ какомъ селѣ— не сказано [3]), приготовлявшій порохъ и доставлявшій его тоже гайдамакамъ. Онъ открыто признался въ своемъ пособничествѣ. Смертная казнь была за то его удѣломъ. Въ данномъ случаѣ суровость наказанія вызвана, конечно, тѣмъ, что пособничество выразилось въ доставленіи пороха.

Легче относилась кодненская коммиссія къ поставщикамъ лошадей для гайдамацкихъ ватагъ. Такъ, Яцко Панасенко [4]), посодѣйствовавшій гайдамакамъ, якобы по ихъ настоянію, овладѣть въ Цыбуловѣ парой коней панскихъ, отдѣлался только предварительнымъ сидѣніемъ въ кодненской ямѣ. Впрочемъ, еще до ареста онъ былъ вынужденъ вознаградить свою экономію отдачей ей пары своихъ воловъ и шести рублей. Не слишкомъ рисковалъ собою и кравецъ (портной) Иванъ Хмаренко изъ села

---

[1]) Кодн. кн. стр. 246.
[2]) Кодн. кн. стр. 10,78.
[3]) Кодн. кн. стр. 447.
[4]) Кодн. кн. стр. 78.

Пшеничниковъ[1]), по приглашенію ватажка Шелеста, еще въ самомъ началѣ возстанія шившій для его „заграничной“ ватаги необходимую одежу. Хмаренко былъ признанъ въ Коднѣ заслуживающимъ не смертной казни, а только розогъ. Остался не казненнымъ вовсе винникъ Каленникъ Вдовиченко[2]), выказавшій свою готовность быть пригоднымъ для гайдамакъ доставленіемъ имъ „спуста“ (spust) горилки. Гайдамаки отблагодарили его за водку какимъ-то кафтаномъ, захваченнымъ на грабежѣ.

Пособничество гайдамакамъ со стороны крестьянъ выражалось часто и готовностью ихъ быть провожатыми. Въ указаніи дорогъ часто нуждались тѣ гайдамацкія ватаги, которыя составлялись изъ людей „заграничныхъ“ или же хотя и правобережныхъ, но все-же незнакомыхъ съ тѣми или другими мѣстами Кіевщины. Иногда цѣлая громада заботилась о томъ, чтобы та или другая ватага получила вѣрныя указанія относительно пути. Въ такихъ случаяхъ давался провожатый отъ цѣлой громады. Подобный примѣръ мы имѣемъ въ Новоселицѣ[3]), гдѣ громада вырядила въ провожатые гайдамакамъ своего односельчанина Грыцька Литвина. Впослѣдствіи новоселецкая громада не отказалась даже отъ своего распоряженія, когда о немъ дознавалась кодненская коммиссія; громада только не брала на себя отвѣтственности въ томъ, что ея провожатый отдалъ на убійство гайдамакамъ какого-то мазура. Какъ кажется, Грыцько Литвинъ былъ приговоренъ къ смертной казни собственно за эту выдачу мазура. Не за провожаніе, надо думать, постигла смертная казнь и другаго провожатаго, Яцка Роботенбута[4]) родомъ изъ Бугачевки. Проводивъ гайдамакъ въ Козацкую долину, онъ самъ поживился тамъ котлами, которые захвачены были гайдамаками. За эти то котлы его и осудили на смерть. Обвиненный же въ простомъ проводничествѣ Максимъ Дрыжаковъ[5]), кажется мельникъ по профессіи, наказанъ всего только 300 ударами розогъ.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 481.
[2]) Кодн. кн. стр. 448.
[3]) Кодн. кн. стр. 440.
[4]) Кодн. кн. стр. 447.
[5]) Кодн. кн. стр. 476.

Привелъ онъ гайдамакъ на хуторъ Задеренка, который и былъ ограбленъ. Всѣхъ гайдамакъ было при этомъ 8 душъ, и ватажкомъ ихъ былъ Черный. Наконецъ проводникъ гайдамацкій Степанъ Илицкій [1]) родомъ изъ с. Острiекъ, въ Блощинцахъ, взявшійся проводить гайдамакъ въ слободы окрестныхъ пановъ, наказанъ смертію, но это, очевидно, въ виду того, что, благодаря его указаніямъ, паны лишились очень многаго.

Къ удивленію, сильно виноватыми въ глазахъ кодненской коммиссіи являлись пособники—музыканты, хотя вся ихъ вина состояла въ услажденіи гайдамакъ игрой на бандурѣ или скрипкѣ въ дни ихъ стоянокъ и кутежей. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ въ Кодненской книгѣ только указанія относительно четырехъ такихъ музыкантовъ, да и то указанія, слишкомъ краткія. Такъ, о бандуристѣ Васылѣ Ворченкѣ [2]), родомъ изъ с. Винногородки, мы знаемъ только, что, явясь въ с. Козацкую долину, засталъ онъ тамъ ватажка Ремезу съ его небольшимъ загономъ, что затѣмъ онъ присталъ къ этому загону и вмѣстѣ съ нимъ побывалъ въ селахъ Водзянкѣ, Кобылячкѣ, Папужинцахъ. О другомъ музыкантѣ, скрипачѣ Мусіи Шенчекѣ [3]), мы знаемъ еще меньше. Въ судебной отмѣткѣ о немъ значится, что гайдамаки гдѣ-то въ корчмѣ договорили его играть имъ на скрипкѣ, и что тотъ на это согласился, но что въ качествѣ такого нанятаго гайдамацкаго музыканта онъ оставался одни только сутки, такъ какъ былъ арестованъ польскими властями. Бандуристъ же Михайло [4]), зять Сокового, родомъ изъ Чорного Поля (ключа конельскаго) былъ обвиненъ не только въ томъ, что игралъ гайдамакамъ, къ которымъ присталъ, но и въ томъ, что вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ грабежахъ и даже въ убійствѣ двухъ жидовъ. Михайло бандуристъ по поводу обвиненій этихъ могъ только утверждать, что онъ занимался во время самыхъ грабежей своимъ дѣломъ—игрой на бандурѣ. Какъ доказательство его участія въ грабежѣ, обвинители считали найденную у него панскую жилетку (kami-

[1]) Кодн. кн. стр. 490.
[2]) Кодн. кн. стр. 449.
[3]) Кодн. кн. стр. 483.
[4]) Кодн. кн. стр. 491.

zelku) и шляхетскую юбку, но вещи эти Михайло обрѣлъ не самъ, а ему ихъ дали гайдамаки за игру. Наконецъ о четвертомъ музыкантѣ, бандуристѣ Прокопѣ Скрягѣ [1]) судебная отмѣтка не говоритъ даже, что онъ былъ при гайдамакахъ въ качествѣ музыканта; его вина состояла яко-бы въ томъ, что онъ навелъ донцовъ на пана Спендовскаго и при этомъ грабилъ и билъ.

Изъ всѣхъ четырехъ музыкантовъ только Шенчекъ былъ оставленъ кодненской коммиссіей ad resolutionem, остальные же три казнены смертію.

Прослѣдивъ, въ какія формы отливался протестъ взбунтовавшагося противъ порядковъ Рѣчи Посполитой населенія недавней руины, мы до сихъ поръ изъ числа участвовавшихъ въ движеніи имѣли въ виду людей, на себѣ испытавшихъ неудобство опротестовываемаго порядка и притомъ людей идейныхъ, убѣжденныхъ въ правотѣ своего образа дѣйствій. Но не они одни вели дѣло возстанія. Формы тогдашняго протеста были привлекательны и для людей, хотя бы и мѣстныхъ, но руководившихся не любовью къ родинѣ, а только стремленіемъ къ личной наживѣ. Поэтому то мы и встрѣчаемъ среди коліевъ массу людей нравственно потерянныхъ, которымъ какая-либо идейность была недоступна. Отъ ихъ содѣйствія отказываться идейнымъ руководителямъ движенія было невозможно, въ виду численной ничтожности собравшихся ватагъ, но все же ихъ участіе въ гайдамацкихъ рядахъ не могло во многихъ случаяхъ не накладывать на движеніе разбойничьей окраски. А такая окраска движенія охотно была подчеркнута врагами возставшихъ, умышленно умалчивавшими о его другой сторонѣ—высокой, идейной. Крайняя фальшь подобныхъ взглядовъ очевидна. Но даже и при такой фальшивой постановкѣ дѣла всякими усмирителями движенія и польскими мемуаристами, повѣдавшими о коліивщинѣ потомству, правыми все же не оказались поляки, противъ которыхъ гайдамаки шли. Слишкомъ ясно, что самая возможность существованія

---

[1]) Кодн. кн. стр. 497.

въ краѣ обильнаго числа людей потерянныхъ, готовыхъ на разбой, есть серьезный показатель крайней непригодности порядковъ въ краѣ, гдѣ люди такіе появляются.

Переходя къ непосредственной характеристикѣ отмѣченной несимпатичной группы гайдамакъ, мы наталкиваемся въ Коднен-ской книгѣ на цѣлые загоны, преслѣдующіе чисто разбойничьи цѣли, не говоря уже объ отдѣльныхъ грабителяхъ.

Обратимъ сперва вниманіе на нѣсколько грабительныхъ загоновъ, вродѣ отмѣченныхъ нами въ концѣ первой главы.

Изъ дѣла, въ которомъ упоминается объ одномъ изъ такихъ загоновъ, мы узнаемъ, что бѣлоцерковской магдебургіи былъ доставленъ, по прекращеніи усиленнаго движенія, крестьянинъ Олекса Бугаенко, родомъ изъ с. Соловинки[1]). Магдебургія сняла съ него немедленно допросъ и затѣмъ для суда препроводила въ Кодню, гдѣ подсудимый повторилъ только свои начальныя показанія. Изъ показаній же этихъ оказалось, что онъ, Олекса Бугаенко, вмѣстѣ съ одиннадцатью другими—то односельчанами, то ближайшими сосѣдями—принадлежалъ къ гайдамацкому загону, который занимался исключительно грабежами. Въ селѣ Пинчукахъ ограбили люди эти жида, добывъ отъ него 55 рублей, потомъ въ селѣ Саламанкахъ у другого жида—арендаря отняли они коней и сколько-то денегъ. Прослышавъ затѣмъ какъ-то, что въ Пинчукахъ ночуетъ панъ Милецкій, намѣстникъ села Грабинокъ, они забрали у него коней и платье. Наконецъ, еще у какого-то жида отняли деньги и полотно. Послѣ грабежа начался между участниками ватаги дѣлежъ добычи. На брата вышло по 15 рублей деньгами да еще рубля на четыре вещей на каждаго. И на этомъ похожденія кончаются: почти всѣ люди ватаги уходятъ въ Кіевъ или Васильковъ. Только одинъ какой-то скоро умеръ, а Бугаенко попался въ руки поляковъ. Въ Коднѣ его приговорили къ обезглавленію.

Во всемъ этомъ дѣлѣ, очевидно, единственною цѣлью гайдамакъ является грабежъ, и въ показаніяхъ Бугаенка это отмѣчено очень ясно. Онъ пересчитываетъ, и что было взято, и

[1]) Кодн. кн. стр. 64.

какъ подѣлено, и посколько пришлось на брата. Послѣ же того, какъ пожива была добыта, соединившіеся въ ватагу люди не придумали для себя ничего лучшаго, какъ бѣжать заграницу и проживать тамъ мирно и тихо.

Не лучше, судя по нѣкоторымъ участникамъ, и ватага уманскихъ крестьянскихъ паробковъ и ремесленниковъ, о которой мы имѣемъ свѣдѣнія, благодаря показаніямъ Ивана Макосійчука, сперва обвиненнаго только въ намѣреніи ограбить православную церковь, а потомъ и въ гайдамачествѣ [1]). Родомъ Макосійчукъ былъ изъ Умани. До 19 лѣтъ онъ жилъ при отцѣ и матери; когда же они умерли незадолго до начавшейся „ризанины", онъ, Иванъ, пошелъ будто бы въ Немировъ къ брату своему, но дорогой въ с. Пятигорахъ присталъ къ нищимъ, „до тыхъ, що возкамы по селахъ йиздять", и съ ними попалъ въ Животовъ. Пришли де они туда въ субботу, а на другой день въ воскресеніе Макосійчукъ спозаранку выпилъ изрядно и затѣмъ отправился въ церковь къ обѣднѣ. Во время службы онъ замѣтилъ, что титоръ, обходя молящихся съ ящикомъ для пожертвованій на церковь, высыпалъ оттуда при размѣнѣ денегъ на цѣлый рубль мелочи. Макосійчукомъ при видѣ рубля, по его собственнымъ словамъ, овладѣло непреодолимое желаніе воспользоваться и этимъ рублемъ, и остальными деньгами. Онъ осмотрѣлся кругомъ и, хотя былъ пьянъ, однако замѣтилъ, что южная входная дверь не заперта на замокъ, а только заложена засовомъ. Макосійчукъ подошелъ къ двери, тихонько отсунулъ засовъ и сталъ ждать конца службы. Дождавшись его, онъ вмѣстѣ съ другими, бывшими въ церкви, вышелъ западными дверьми въ церковный дворъ и дальше на улицу. Титоръ между тѣмъ, когда церковь опустѣла, успѣлъ запереть западныя двери на замокъ и уйти домой. Макосійчукъ же, котораго все не покидало зародившееся въ немъ желаніе овладѣть церковными деньгами, пройдя немного по улицѣ, снова вернулся въ церковный дворъ и никѣмъ незамѣченный проникъ южными дверями въ церковь. Дверь онъ тотчасъ же приперъ засовомъ и прежде, чѣмъ приняться за деньги, палъ

[1]) Кодн. кн. стр. 69.

на колѣни предъ иконой Божьей Матери и помолился ей. Чтобы завладѣть ящикомъ съ деньгами, ему надо было обломать желѣзный ободокъ, и онъ началъ это производить случившимся тутъ въ церкви какимъ то старымъ ножемъ. Но ножъ сломался, съ шумомъ упалъ на земь, равно какъ и выломанный ящикъ съ деньгами. Шумъ этотъ услышали дѣти титора, игравшіе на дворѣ близъ церкви. Побѣжали они къ отцу и сказали, что „въ церкви щось стука“. Пришелъ титоръ, отперъ западныя двери и сразу замѣтилъ, что нѣтъ ящика съ деньгами, но грабителя нигдѣ въ церкви уже не было. Какъ только онъ услышалъ, что отпираютъ западныя двери, такъ тотчасъ же полудневыми дверьми вышелъ во дворъ и спрятался тамъ въ высокомъ бурьянѣ. Титоръ замѣтилъ отпертую дверь, тоже вышелъ во дворъ, со всѣхъ сторонъ огороженный. Такъ какъ все это было имъ продѣлано очень быстро, то онъ могъ видѣть, что въ единственныя ворота изъ двора никто не выходилъ, и потому началъ искать грабителя въ бурьянѣ. Найдя, отвелъ его къ попу. Черезъ два дня отправили его въ Трояновъ, недалеко отъ Кодни.

Военно-судной коммиссіи личность Макосійчука показалась подозрительной. Стали его допрашивать—не былъ ли онъ въ Умани во время рѣзни и не участвовалъ ли въ ней. Макосійчукъ отвѣтилъ, что въ Умани во время рѣзни былъ, но самъ никого не рѣзалъ и не грабилъ. Это вызвало въ слѣдователяхъ сомнѣніе, и одинъ изъ нихъ сказалъ: „какъ это ты никого не рѣзалъ и не убивалъ, когда тамъ всѣ убивали—копьями, ножами цѣпами, заступами; развѣ у кого рукъ не было, то тотъ только и не убивалъ. Убито вѣдь 18000 (?). Убійцы подговаривали даже дѣтей убивать“. Но Макосійчукъ стоялъ на своемъ. Послѣ этого къ прежнимъ своимъ показаніямъ онъ прибавилъ, что послѣ уманской рѣзни, когда и о немъ, и о его братѣ Савкѣ люди стали утверждать, будто оба они гайдамаки, они оба ушли оттуда, и онъ, Иванъ Макосійчукъ, попалъ въ Животовъ, гдѣ вознамѣрился и впрямь пристать къ гайдамакамъ; около 20 другихъ уманскихъ парубковъ оказалось тутъ же. Гайдамаки, которые ихъ приняли, прельщая добычей, напустили ихъ на животовскихъ жидовъ. И тутъ то пошла страшная

рѣзня. Въ одномъ домѣ убили 12 жидовъ разнаго пола и возраста, а въ погребѣ нашли еще четырехъ, которые также легли трупомъ, потомъ и въ другихъ домахъ всюду искали жидовъ по погребамъ, даже въ печахъ, и одни изъ нападавшихъ убивали ихъ, другіе бросали трупы убитыхъ въ колодцы, въ пруды. Повсюду въ домахъ при этомъ убійцы не забывали захватывать всякія пожитки убитыхъ и деньги. Однако все награбленное пришедшими изъ Умани молодцами они должны были отдавать принявшимъ ихъ гайдамакамъ, вѣроятно, для равнаго дѣлежа. Макосійчукъ же умудрился, впрочемъ, тайкомъ уберечь рублей 40, что однако не помѣшало ему въ томъ же Животовѣ польститься на церковный ящикъ. Само собой, прежній разсказъ его о приходѣ въ Животовъ съ „старцями“, несмотря на всю свою правдоподобность, былъ вымышленъ. Товарищи его послѣ дѣлежа добычи старались укрыться, гдѣ кто могъ, и въ этомъ успѣли; Макосійчукъ же, не укрывшійся, былъ военно-судною коммиссіей приговоренъ къ обезглавленію. Слишкомъ очевидно, что и въ данномъ случаѣ не любовь къ родинѣ руководила всякими Макосійчуками, а простая жадность къ деньгамъ и наживѣ. Иначе не ставили бы они себѣ цѣлью грабежъ нѣсколькихъ жидовъ, и страхъ не принудилъ бы ихъ разойтись изъ ватаги безъ намѣренія такъ или иначе дѣйствовать противъ враговъ края.

Грабежъ ставили себѣ цѣлью и тѣ гайдамаки, о которыхъ мы узнаемъ изъ дѣла крестьянина Матвія Горбачука, ихъ соучастника [1]). Матвій Горбачукъ родился въ селѣ Солодковцахъ на Подолѣ каменецкомъ, выросъ же въ с. Сильницѣ за р. Богомъ въ одной милѣ отъ Тульчина. Въ Сильницѣ Горбачукъ жилъ при отцѣ Данилѣ и матери Катеринѣ Горбатыхъ, помогая имъ въ ихъ крестьянской работѣ. Въ 1768 г. семья Горбатыхъ попала въ тяжелое положеніе· случившійся тогда набѣгъ татаръ стоилъ имъ много, такъ какъ Сильница, какъ многія другія села, подверглась ихъ разграбленію. Старикъ Данило Горбатый отправился на заработки въ Баръ, а сынъ его, Мат-

[1]) К. кн. стр. 118 и слѣд.

вій Горбачукъ, пока остался вмѣстѣ съ братомъ при семьѣ тетки своей, потомъ же ушелъ отъ нея искать заработка на сторонѣ. Прошелъ онъ будто бы Тульчинъ, с. Крыщиницы, г. Лодыжинъ, с. Грановъ, с. Липовецъ, с. Казанки, с. Дзюнково и наконецъ попалъ въ с. Балабановку, гдѣ нашелъ себѣ мѣсто будтобы у попа годовымъ парубкомъ, нанявшись за пять рублей въ годъ, за двѣ рубахи, одни штаны и двѣ пары чобитъ. Прослужилъ онъ уже будто бы тамъ съ недѣлю, какъ къ хозяину его пришелъ родной братъ его, чернецъ изъ монастыря Волошскаго за Днѣстромъ. Объ этомъ гостѣ узналъ-де балабановскій коммиссаръ, позвалъ его къ себѣ, распросилъ и, признавши въ немъ бродягу, арестовалъ. Балабановскому попу не мало труда стоило выволить брата. Въ это же будто время обратилъ коммиссаръ свое вниманіе и на Горбачука и тоже сталъ его распрашивать—и кто онъ, и откуда онъ, и хотя Горбачукъ пересказалъ ему все только что изложенное, однако коммиссаръ ни въ чемъ ему не повѣрилъ въ виду его безпаспортности. Чтобы вынудить у Горбачука признаніе во всемъ, онъ велѣлъ его высѣчь, но, не добившись никакого сознанія и послѣ сѣченія, отправилъ его въ Кодню. Тамъ новое сѣченіе дало иные результаты: Горбачукъ отказался отъ первыхъ показаній и разсказалъ, что послѣ татарскаго набѣга, какъ только и въ ихъ далекомъ селѣ пронеслась вѣсть про гайдамаковъ, онъ, Горбачукъ, вмѣстѣ съ Степаномъ Перебейносенкомъ и Иваномъ Ѳеодоровичемъ отправился въ Умань. Прійдя туда, они всѣ трое поступили въ ватагу Гонты и оставались съ ней до тѣхъ поръ, пока Кречетниковъ не захватилъ всѣхъ. Но тутъ ему, Горбачуку, и его товарищамъ посчастливилось: имъ удалось бѣжать изъ-подъ ареста. Въ время же своего пребыванія въ рядахъ Гонты они всѣ три дѣлали то же, что и другіе гайдамаки: убивали жидовъ, студентовъ коллегіума, и только будто бы шляхтичи не попадались имъ подъ руку. Грабили при этомъ исправно, и Горбачукъ съ точностію показалъ, сколько добылъ онъ рублей и всякаго добра. Тутъ были и „сукни небеснія“ отъ студентовъ, и „пасы червоные“, и „кунтуши гранатовые“, и наконецъ—кони. Довольные добытымъ, названные три молодца

вернулись въ Сильницу, и двое изъ нихъ разсчитывали не уходить оттуда, а Горбачукъ двинулся къ чужимъ людямъ на заработки. Работникомъ однако ему быть не довелось: его опять завлекли къ себѣ гайдамаки. Шелъ онъ однажды утромъ рано по направленію къ Животову черезъ лѣсъ или вѣрнѣе „чагарныкъ“ и вдругъ видитъ вышедшаго оттуда гайдамака, манящаго его къ себѣ. Какъ было не подойти!—и Горбачукъ подошелъ. Гайдамака провелъ его къ своимъ, которыхъ было всего четверо. Тутъ его почастовали горилкой и накормили рыбой, добытой при грабежѣ, показали и деньги свои, пообѣщавъ дать ихъ и ему, если онъ къ нимъ пристанетъ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ—и Горбачукъ остался въ ватагѣ, являясь въ ней шестымъ; трое гайдамакъ были заграничные, а двое правобережные. Чтобы испытать новаго товарища, гайдамаки вырядили его на шпіонство въ Балабановку, давъ ему на дорогу шесть копѣекъ, хлѣба и рыбы. Въ Балабановкѣ Горбачукъ зашелъ къ попу, считая это безопаснымъ, но тамъ его тотчасъ признали за гайдамаку и отдали въ руки коммиссара. Затѣмъ послѣдовала отправка въ Кодню, гдѣ приговорили его къ обезглавленію.

Какъ видимъ, не въ убѣжденіяхъ была причина гайдамачества Горбачука и его товарищей: жажда наживы, корысть только и руководили этими людьми.

Еще больше, чѣмъ мелкихъ грабительскихъ шаекъ изъ среди мѣстныхъ людей, было въ интересующее насъ время отдѣльныхъ лицъ съ грабительскими инстинктами, размѣщавшихся по ватагамъ, и идейнымъ, и безъидейнымъ, или дѣйствовавшихъ въ одиночку. Нельзя, напримѣръ, причислить къ идейнымъ людямъ одного изъ упоминавшихся у насъ гайдамакъ изъ загона Ремезы Грыцка Безносенка [1]). Привлеченный въ гайдамачество увѣреніями Ремезы, что отъ польскаго суда легко будетъ укрыться переходомъ въ гетманщину и зачисленіемъ тамъ себя въ пикинеры, онъ не счелъ неблаговиднымъ принять участіе въ разграбленіи села Вербовца, въ которомъ самъ жилъ долго на

[1]) Кодн. кн. стр. 41.

слободахъ. Затѣмъ, уже послѣ того, какъ ватага Ремезы была разбита, и онъ, Безносенко, въ числѣ многихъ своихъ сотоварищей, спасся уходомъ въ гетманщину, уже послѣ всего этого онъ занимался, по заявленію вербовчанъ скотокрадствомъ и вообще всякимъ воровствомъ, и между прочимъ опять же въ Вербовцѣ. Конечно, кодненская коммиссія и такихъ присуждала къ обезглавленію.

Очень тяжелое впечатлѣніе производитъ и личность Васыля Кучерины [1]), родомъ изъ с. Гунчи, что неподалеку Гранова. Кучерына этотъ, вмѣстѣ съ другими гайдамаками, въ с. Раштовкѣ грабилъ крестьянъ, забирая у нихъ полотна, намитки, ружья, деньги; деньгами старался онъ брать хоть по рублю съ человѣка. Не постѣснялся онъ и изъ церкви взять 15 рублей. Въ Коднѣ его тоже приговорили къ смертной казни.

Ужасенъ и извѣстный уже намъ гайдамака ватаги Бондаренка—Корній [2]), этотъ „hultaj z calego swiata rodem", какъ его назвали въ кодненской коммиссіи. Человѣкъ вполнѣ безпріютный, онъ, какъ мы знаемъ, работалъ на поташныхъ заводахъ въ Полѣсіи, шатаясь изъ одного въ другой и воруя при случаѣ крестьянскія свитки, полушубки и проч. Завлеченный Бондаренкомъ въ ватагу, онъ былъ ему полезенъ, какъ грубая физическая сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря ему и подобнымъ ему удальцамъ, на бондаренковой ватагѣ лежитъ упрекъ въ крайней жестокости: тутъ, какъ мы видѣли, было и изнасилованіе женщинъ, и убиваніе жидовъ безъ разбора пола и возраста, и подговариваніе жиденка за пощаду отъ смерти убить собственную мать и т. д. и т. д. И на всемъ этомъ, судя по документу, лежитъ печать безсердечной злобы потерянаго человѣка, какимъ и былъ Корній, которому въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ всѣ только что перечисленныя дѣянія.

И такихъ, какъ Корній, было, разумѣется, не мало среди рабочихъ на поташныхъ заводахъ; быть можетъ, конечно, не всѣ были такъ ожесточены своею бездомностью, какъ Корній,

---

[1]) К. кн. стр. 455.

[2]) К. кн. стр. 533.

но во всякомъ случаѣ большинству изъ нихъ терять было нечего, и они становились гайдамаками просто изъ-за желанія хоть временно пожить лучше, чѣмъ жилось на заводахъ. Не краше была жизнь и такъ называемыхъ винниковъ, т. е. рабочихъ на винокурняхъ—и мы ихъ также цѣлыми массами встрѣчаемъ въ рядахъ гайдамакъ. Нуждаясь въ численной силѣ, идейные гайдамаки часто являлись на винницы для вербовки этихъ людей. Такъ, мы знаемъ, что крестьянинъ изъ с. Балановки, Нечиталенко [1]), пріѣхавъ на Пасху на ярмарку въ Марковню, присоглашалъ между прочимъ въ гайдамачество винника Луцка Количенка и др. бывшихъ на ярмаркѣ. Кодненская же коммиссія, когда однажды довелось ей за случайное присвоеніе панскихъ коней судить одного винника, кинувъ ему подозрѣніе въ гайдамачествѣ, такъ опредѣлила роль винниковъ во время коліивщины [2]): „pod czas rzizaniny nic nie robili winniky, tylko lachow y żydow rzneli y rabowali“; далѣе выводилось наѣздническое заключеніе „to y ty musiales to czynic“.

Приставали подчасъ къ движенію и просто какіе-то потѣшники, къ которымъ вполнѣ пристала кличка гультаевъ, почему-то слишкомъ усердно раздаваемая тогда поляками направо и налѣво. Изъ такихъ потѣшниковъ особенно трудно объяснимы охотники вступать въ законный бракъ съ паннами, причемъ паннъ этихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ перекрещивали въ православіе, какъ это устроилъ, напримѣръ, ватажокъ Никита Москаль, самъ женившійся на паннѣ Грабовской [3]), а въ нѣкоторыхъ оставляли ихъ католичками. Кромѣ поминанія о женитьбѣ Никиты Москаля, встрѣчаемъ мы въ Кодненской книгѣ еще поминаніе о женитьбѣ Луцка Полищенка [4]) изъ села Обозовки уманской; его женили гайдамаки на паннѣ Лажовской, и бракъ совершалъ православный попъ. Затѣмъ есть еще помѣтка о томъ, что крестьянинъ Васыль Котляренко упросилъ гайдамакъ помочь ему

---

[1]) К. кн. стр. 346.

[2]) К. кн. стр. 58.

[3]) К. кн. стр. 482, 429 и др.

[4]) К. кн. стр. 493.

жениться на паннѣ Студзинской [1]). Гайдамаки, чтобы исполнить его просьбу, должны были прибѣгнуть къ насилію. Такимъ только образомъ бракъ этотъ состоялся. За то и Васыль Котляренко потомъ усердствовалъ: онъ и дворъ панскій въ Юровкѣ грабилъ вмѣстѣ съ гайдамаками, и даже совершилъ святотатство, похитивъ 54 рубля изъ церковныхъ денегъ. Кодненская коммиссія обоихъ названныхъ гультаевъ приговорила къ обезглавленію.

Оглядываясь назадъ и мысленно переживая весь рядъ убійствъ, грабежей, насилій, тутъ перечисленныхъ, нельзя, конечно, не содрогаться и считать людьми мягкими даже лучшихъ изъ коліевъ, а затѣмъ нельзя также не видѣть, что коліивщина дала таки не мало жертвъ.

При такомъ признаніи однако жестокости коліевъ, стоитъ затѣмъ только припомнить Кодню со всѣми пересказанными ужасами ея—и приведенное у насъ въ началѣ главы заключеніе польскихъ мемуаристовъ о крайней лютости народнаго малорусскаго характера перестаетъ идти въ счетъ, какъ заключеніе, продиктованное національной ненавистью, заставляющей забывать, что во всякой борьбѣ, а особенно въ борьбѣ народныхъ недисциплинированныхъ силъ, звѣрство неизбѣжно гораздо болѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если борцами или карателями являются государства. Въ виду этого послѣдняго этическаго факта смѣлыя рѣшенія вопросовъ народной этики польскими мемуаристами обратились бы прямо во вредъ имъ и ихъ народа, если бы столь сложныя заключенія, какъ заключенія о присущей народамъ лютости и мягкости, могли быть дѣлаемы послѣ наблюденій, сравнительно незначительныхъ.

Далѣе, что до другой половины нашего признанія—о громадности жертвъ, закланныхъ въ 1768 году, то оно никоимъ образомъ не должно устранять отъ вниманія того обстоятельства, что коліивщина не хмельнищина, и что, какъ ни краснорѣчивы описанія уманской рѣзни у польскихъ мемуаристовъ, и какъ ни ужасны многія сцены, нами приведенныя, все же исторія хмель-

---

[1]) К. кн. стр. 538.

нищины всегда дастъ рядъ болѣе ужасныхъ картинъ, и притомъ завзятые козаки Хмельницкаго всегда будутъ затмевать, и качественно, и количественно, сравнительно вялыхъ и неувѣренныхъ въ своемъ дѣлѣ коліевъ. Быть можетъ, повтореніе этой несомнѣнной истины излишне именно въ виду ходячихъ представленій, будто коліивщина—одно изъ самыхъ ужасныхъ и значительныхъ возстаній южно-русскаго народа.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИЛЛІОНЕРЪ.

КАРТИНКА ИЗЪ ГАЛИЦКОЙ ЖИЗНИ.

Яць (Яковъ) Зеленуга былъ мужикъ изъ рукъ вонъ плохой. Кому приходилось лѣтъ 30 тому назадъ проходить черезъ Бориславль, тотъ навѣрно могъ услышать въ кабакѣ или возлѣ кабака пьяный, охрипшій голосъ, выводящій одну и ту же меланхолическую пѣсню:

Ой не жалуй, моя мыла,
Що я пью,
Тогды будешъ жалуваты,
Якъ я вмру.

Любопытный могъ всегда увидѣть и самого пѣвца, или сидящимъ съ опущенною головою въ кабакѣ за столомъ и ударяющимъ кулакомъ по столу въ тактъ своей пѣсни, или идущимъ невѣрными шагами по улицѣ, нерѣдко прерывая свою пѣсню короткими монологами, въ родѣ слѣдующаго:

— Проклятые пархи, жиды! знаю я, знаю, чего вамъ хочется! Але го, го! Не дождетесь! Яць Зеленуга — не мягкій хлѣбъ, чтобы лѣпить изъ него кониковъ!.

Остановится на минуту, и широко разставивши ноги, чтобы удержать равновѣсіе, снова затянетъ охрипшимъ голосомъ: „Ой не жалуй моя мыла“... но тутъ же оборветъ.

— Эге, не жалуй! То то и есть, что некому уже и жаловать. Пошла моя милая къ пану Богу, а мнѣ теперь все одно. Немного тамъ осталось достатку, такъ на бѣса онъ мнѣ. Кому оставлю свои заработки? Своего роду нѣтъ, а женинъ

родъ—ге, ге! не дождетесь, богачи, попользоваться моимъ скарбомъ. Лучше пропущу черезъ горло все—и скотъ, и хозяйство, и землю! Пускай пропадаетъ, пускай не будетъ вашимъ! *Ой, бо то вы намъ залылы сала за шкуру, богачи—клапачи!*

Снова оборветъ и затянетъ пѣсенку, размахивая кулаками:

Еденъ богачъ у другого
Тай пытаеся,
За що тая голотонька
Напиваеся?
Ой най тоби, богачыку,
Въ очахъ не стае,
Що голота гирько робыть,
Та солодко пье!.

Плохой былъ мужикъ Яць Зелепуга! Правда, пока жива была его жена, онъ велъ себя примѣрно. Хоть у него было всего шесть морговъ (ок. 2½ десятинъ), но хлѣба онъ ни у кого не занималъ. Было ихъ двое,—что заработаютъ, то и есть. Жили они бережливо, спокойно, работали на своей землѣ и сосѣди ихъ уважали. Дѣтей у нихъ было много, но всѣ умерли; послѣдняя дочь умерла восемнадцати лѣтъ. Смерть этой дочери была первымъ ударомъ, обрушившимся на счастливую до сихъ поръ жизнь Зелепуги. Жена его была изъ богатаго дома въ Бориславлѣ; у нея было три брата—богатые хозяева. Своему мужу она принесла въ приданое другіе шесть морговъ, граничившихъ съ его землей. Но по смерти послѣдней дочери Зелепуги, шурины—богачи начали требовать назадъ свою „родовую“ землю.

— Зачѣмъ вамъ? — говорили они ласково,—вы оба уже стары, дѣтей у васъ нѣтъ, доживете свой вѣкъ и на тѣхъ шести моргахъ, что вамъ останутся, а у насъ у каждаго много дѣтей.

Послушалась Евка, подписала несчастную дарственную запись. Братья, получивши „батьковщину“, немедленно продали ее евреямъ для разработки нефти. Такой поступокъ глубоко оскорбилъ обоихъ Зелепугъ.

— Какъ же, панове-швагрове,—говорилъ имъ Яць, встрѣтивши ихъ въ кабакѣ.—Развѣ по божески и по людски можно

дѣлать такъ, какъ вы сдѣлали съ нами? Развѣ мы на то отдали вамъ часть своей батьковщины, чтобы на ней жиды ямы копали, а вамъ чтобы было на что пьянствовать?

— Иди, старый дурню!—огрызнулся одинъ изъ нихъ.— Вы намъ уступили при людяхъ, а для чего уступили—о томъ не было и рѣчи. А разъ вы уступили—поле наше, а разъ оно наше—мы вольны дѣлать съ нимъ, что хотимъ.

— Неправда!—отрѣзалъ Яць.—Мы только для того вамъ уступили, чтобы вашимъ дѣтямъ было гдѣ поселиться. Продать жидамъ—не велика штука, это каждый съумѣетъ.

— Видно, что не каждый,—сказалъ, смѣясь, другой шуринъ,— если вы не съумѣли, а только мы.

— Смѣйтесь себѣ, смѣйтесь, а я даромъ этого не пропущу.

— А что же ты сдѣлаешь?

— Я уже знаю, что сдѣлать; только не знаю, сладко ли вамъ это будетъ?

— Иди, старый, иди *не робы зъ себе дурня*,—сказалъ третій шуринъ, фамильярно ударивъ его по плечу.—Лучше сядь съ нами да выпей *по пивкватырци*, а *що зъ воза упало, то пропало*.

— Сѣсть то я сяду,—гнѣвно отвѣтилъ Яць,—и выпить—выпью, а отъ правды не отступлю. Созову людей, *свидковъ*, пускай они разсудятъ, справедливо ли ваше дѣло.

— Ну что жъ, зови, пускай судятъ!—сказалъ старшій.— Только заранѣе тебѣ говоримъ, что намъ наплевать на этотъ судъ. Ну что намъ сдѣлаютъ? Или, можетъ быть, они сами сложатся и выкупятъ у жидовъ землю?

Правду сказать, Яць Зелепуга о землѣ и не думалъ. Его оскорбляла только „неправда“ и хитрость шуриновъ. Онъ хотѣлъ только показать неправду передъ людьми и свидѣтелями, но выйдетъ ли изъ того какой прокъ—онъ не заботился. Поэтому слова шурина поразили его, какъ ударъ грома. Онъ пошатнулся и окинулъ всѣхъ трехъ подозрительнымъ взглядомъ.

— А, вотъ оно какъ! плюете на людей, на громаду! *А Юды якись! А плювавъ бы на васъ свитъ увесь!* Батьковскую землю жидамъ продали и смѣются! *А щобъ васъ та земленька свята по смерти зъ гробивъ повыкидала!*

Слово за слово, и между Яцемъ и шуринами дѣло дошло до драки, въ которой тѣ такъ избили стараго Зелепугу, что дѣйствительно пришлось звать свидѣтелей и бабъ-шептухъ. Съ плачемъ и проклятьями жена Яця бросилась къ золовкамъ, чтобы взбунтовать ихъ противъ мужей. Тѣ приняли ея сторону, такъ какъ несчастная земля была причиной, почему ихъ мужья не выходили изъ кабака. Началась настоящая семейная война со всѣми извѣстными послѣдствіями: бранью, проклятіями и постоянными драками. Нечего и говорить, что женамъ въ этомъ случаѣ доставалось больше. Досталось и мужьямъ. Одна изъ женъ въ припадкѣ злости ошпарила своему мужу ноги кипяткомъ и онъ два мѣсяца не могъ встать съ постели. Это было къ лучшему, потому что ей удалось спасти хоть часть денегъ за проданную евреямъ землю. Другой посчастливилось на половину: когда мужъ былъ трезвъ, то билъ жену, если же онъ былъ пьянъ, то жена властвовала надъ нимъ, и на потѣху жидамъ таскала его за волосы изъ кабака домой, приговаривая при этомъ назидательныя рѣчи, сопровождаемыя для большей убѣдительности ударами кулака въ спину и въ голову. У третьяго шурина дѣло было хуже всѣхъ; тамъ былъ чистый адъ: жена съ мужемъ такъ разодрались, что она бѣжала отъ него на службу, а дѣтей раздала сосѣдямъ. Мужъ же въ два года пропилъ все хозяйство, скотъ, землю и нанялся копать ямы у того самаго жида, которому продалъ землю Яця. Что происходило между братомъ и сестрой страшно вспомнить. Выйдетъ бывало братъ рано на работу, уже подпившій, въ грязной *полотнянкѣ*, съ лицемъ чернымъ, какъ земля, сгорбленный и приниженный, а сестра выглянетъ изъ окна, выбѣжитъ на дворъ, да какъ начнетъ плакать и проклинать — Господи Боже! И брата ей жаль, хоть и дурно обошелся онъ съ нею, и батьковщины жаль,—сама не знаетъ на кого плакаться, на кого призывать Божье проклятіе.

— А волила бъ я, братчику мій, бачыты, щобъ тебе самого въ сю землю закопувалы, нижъ маешъ ты ей ту рыты, та копаты для нехристивъ! Ну копли, враже, копли, може тамъ доколешься кисточокъ небижчыкивъ тата да дида. Прыдывысь

имъ добре, бо певно, обидва на другій бикъ въ гроби попереверталисъ, чуючы якъ вы ихъ памъять, ихъ землю кривавy шануете. А не забудь тамъ сказаты небижчыкамъ, въ якихъ ты теперъ гонорахъ у пана жыда пробуваешъ, якъ спышъ пидъ жыдивскою лавою, исы разомъ зъ жыдивськимы собакамы, и якъ жыдивськи бахури коло коршми на тоби, якъ на кони, издять для забавы! Скажы имъ се, скажы!

А потомъ заломитъ руки надъ головой, да какъ заплачетъ, будто по покойникѣ.

— Братику мій, соколыку сызый! Чы я тебе не любыла, чы я жъ коло тебе непрыладала, ще якъ ты маленькый бувъ, якъ мы, мовъ овесъ дрибны, безъ мамы осталыся? Чы жъ я мало ночей не спала, тебе доглядаючы, якъ ты занедужавъ? Чы думала жъ я, нещаслыва, що намы така лыха доля кыне, що буду на тебе кары Божои просыты? Не дай Боже легко сконаты тымъ, що тебе на таку дорогу навелы, що тебе оттакъ на дывовыще, на публику людську пустилы!

Проклятія братъ слушалъ молча, согнувшись, будто волъ, покорно принимающій удары, сыплющіеся на его спину. Но воспоминанія о дѣтскихъ годахъ терзали его душу, сжимали его сердце, жгли его хуже огня. Однажды, выпивши болѣе обыкновеннаго, онъ не выдержалъ и съ крикомъ „а не будешъ ты тыхо, видьмо?“ кинулъ въ сестру *каминцемъ*. Самъ онъ потомъ доказывалъ, что этотъ камень былъ не больше кулака, но видно онъ былъ побольше, такъ какъ сестра не только замолчала, но съ глухимъ стономъ упала на землю. На этотъ стонъ выбѣжалъ изъ дома Яць и поднялъ жену. Одинъ глазъ былъ выбитъ, а на лбу зіяла рана, отъ лѣвой брови до самыхъ волосъ. Евка больше не кричала, не стонала, а только постоянно теряла сознаніе. Полумертвой повезли ее въ Дрогобичъ. Оказалось, что не только лѣвый глазъ выбитъ, но и лобная кость проломлена. Промучившись нѣсколько дней, Евка умерла, а брата взяли подъ судъ. Тамъ онъ и умеръ, не дождавшись окончанія слѣдствія.

Съ тѣхъ поръ Яць Зелепуга началъ пить до самозабвенія. Опротивѣла ему изба, хозяйство, опротивѣли люди. На совѣтъ

женщинъ жениться еще разъ онъ только махалъ рукой, какъ бы желая навсегда отогнать отъ себя эту мысль. Мало по малу дошло до того, что осьмушка стала единственнымъ на свѣтѣ предметомъ, имѣющимъ для него интересъ.

Два года минуло послѣ смерти жены Яця. Зелепуга сталъ неузнаваемъ. Хозяйство было заброшено, скотъ забралъ жидъ за водку, хлѣбъ давно былъ проданъ, плетни обломаны, и большая часть посуды перешла также въ кабакъ. Только на ночь Яць приходилъ домой, а цѣлый день просиживалъ въ кабакѣ. Хотя онъ пилъ мало, но для его ослабленнаго организма достаточно было двухъ-трехъ рюмокъ, чтобы свалить его съ ногъ. Ѣлъ онъ очень мало. И только ненависть къ богачамъ постоянно росла въ его душѣ; хоть, правду сказать, эти богачи съ каждымъ днемъ теряли землю, уступая ее евреямъ, которые толпами нахлынули въ Бориславль, прельщенные быстрымъ обогащеніемъ на нефтяныхъ копяхъ.

Иногда, въ минуту трезвости, Яць Зелепуга ясно видѣлъ, къ чему все это ведетъ. Набросивши гуню, въ барашковой шапкѣ на головѣ, съ засунутой за пазуху рукой, шелъ онъ медленнымъ шагомъ по бориславской улицѣ, бросая кругомъ неспокойные взгляды и сплевывая отъ времени до времени, какъ бы отъ мучившей его жажды.

— Боже мой, что тутъ дѣлается!—шепталъ онъ.—Праведная кара Божія на наше село! Ну глядите, глядите, сколько тутъ той погани налѣзло, какъ мурашекъ! У Пилипа Буняка пять ямъ копаютъ, у Матія—четыре, у моего премудраго шурина уже полъ-грунта купили, передъ самыми его окнами цѣлую гору глины накидали! И тамъ, и тамъ, и тамъ! Всюду копаютъ, роютъ, черпаютъ ту проклятую *кипячку, щобъ имъ ще горломъ лылася.*

На землѣ, которую его жена уступила братьямъ и которую тѣ перепродали жидамъ, было уже десять нефтяныхъ ямъ: нѣкоторыя 5—6 саженей глубины, другія по 20 и 25. Еврей, купившій эту землю за безцѣнокъ, былъ уже богачемъ—пайщикомъ первой бориславской дистиллярни и обладателемъ еще двадцати новыхъ ямъ. Это вѣрно, что на землѣ покойной жены Яця ему

наиболѣе посчастливилось. Въ другихъ мѣстахъ, также купленныхъ за безцѣнокъ, ямы были глубиной 15—20 саженъ, а *роты* еще не показывалось. Двѣ ямы въ 25 саженъ надо было совсѣмъ забросить, такъ какъ наверхъ вышла масса воды. Земля Яця была золотымъ руномъ для Мендля Шехтера, а потому неудивительно, что Мендель давно острилъ зубы и на прилежащій грунтъ Яця. Не разъ уже зондировалъ онъ Яця, не продастъ ли тотъ своей земли, но Яць и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Да и некогда было. Яць цѣлый день пилъ и опохмѣлялся, а пока было на что пить, не имѣлъ надобности продавать землю.

Но теперь дѣла измѣнились. Яць все пропилъ и бралъ у жида въ долгъ. По соображеніямъ Мендля какъ разъ было время начать *гешефтъ*, тѣмъ болѣе, что Яць рѣже сталъ появляться въ кабакѣ, больше ѣлъ и ходилъ по селу задумчивый и печальный.

— Добрый день вамъ, пане Яцентій!—сказалъ однажды Мендель, приближаясь къ Яцю, стоявшему посреди двора въ раздумьи, съ палкой въ рукѣ.

— А, добрый день!—отвѣчалъ Яць, не глядя на еврея.

— Ну, что дѣлаете?—спрашивалъ жидъ.

— А что-жъ? Дышу.

— Ну всѣ мы, слава Богу, дышемъ; это еще не работа,— возразилъ, усмѣхаясь, жидъ.—Я спрашиваю, что вы думаете съ грунтомъ дѣлать?

— Съ грунтомъ? А чтоже мнѣ съ нимъ дѣлать? Пускай лежитъ. Грунтъ ѣсть не проситъ.

— Правда то правда, что грунтъ ѣсть не проситъ, но вамъ, пане Яцентій, ѣсть и пить нужно.

Яць вытаращилъ глаза на жида и нехотя сказалъ.

— Это уже мое дѣло! Къ вамъ просить не пойду.

— Ну, пане Яцентій,—кротко отвѣтилъ жидъ.—Развѣ я про то говорю. Я говорю, что зачѣмъ грунту лежать, чего вы съ нимъ дождетесь? Дѣла по горло, а хлѣба такъ и не будетъ. Я вамъ заплачу по людски, станетъ на вашъ старый вѣкъ.

— Гм... А сколько же вы дадите?

— А сколько у васъ всей земли?

— Безъ того, что подъ хатою и подворьемъ шесть морговъ.

— Ну, то я вамъ дамъ за все триста римскихъ [1]).

— А это почемъ же за моргъ?

— По пятидесяти. Развѣ это мало? Людская цѣна, *бигме*, людская цѣна.

— А сколько бы вы, Мендлю, хотѣли за тѣ два морга, что купили у моихъ шуриновъ, здѣсь вотъ сейчасъ, о межу съ моею?

— Гм...—усмѣхнулся Мендель,—я того поля не продаю.

— А, конечно, потому что вы на немъ кладъ выкопали. Хоть и смердитъ, а все таки золото. Ну, а кто же мнѣ поручится, что и у меня его нѣтъ?

— Ну, Яцю, что вы за человѣкъ!—сказалъ Мендель.—Вы думаете, что я покупалъ бы вашъ грунтъ, если бы зналъ, что въ немъ ничего нѣтъ? Или вы думаете, что мнѣ ничего лучшаго не остается дѣлать, какъ сѣять овесъ на вашихъ пустыряхъ?

— Богъ заплатитъ вамъ за *щыристь*, пане Мендель,—отвѣтилъ на это Яць. А коли Богъ и вправду и въ мою землю вложилъ, то какой же я былъ бы дурень, если бы его такъ даромъ изъ рукъ выпустилъ?

— Какъ это даромъ? А пятьдесятъ римскихъ развѣ не гроши?

— Нѣтъ, Мендлю, то собачіе гроши.

— Го, го, kück ihm un, *якій мени панъ*!—вскрикнулъ обиженный Мендель.—Идите и найдите ихъ на дорогѣ, коли это собачіе гроши!

— Ну, на дорогѣ не буду искать, сами ко мнѣ придутъ,—сказалъ Яць и направился къ своей хатѣ.

— Пане Яцентій! — звалъ его Мендель, — пане Яцентій, подождите!

— А что тамъ такое?—спросилъ Яць, останавливаясь.

— Знаете, что я вамъ скажу?—говорилъ Мендель, снова приближаясь къ нему.—Я вамъ дамъ по 80 римскихъ за моргъ.

— Э, *пусте ваше балаканне*,—отвѣтилъ Яць и махнулъ рукой. — Зачѣмъ я буду отдавать вамъ за 80, коли другіе и по 100 даютъ?

---

[1]) Рейнскій, гульденъ.

— По сто римскихъ за моргъ!—вскрикнулъ Мендель.— Бойтесь Бога, Яцю, кто вамъ дастъ по сто римскихъ?

— То уже мое дѣло, кто дастъ. Только вы себѣ не думайте, что старый Яць потерялъ разумъ, и не знаетъ, что дѣлать. Дурень то, я дурень, признаюсь, да кое что знаю и *зъ кашею зъисты ся не дамъ*!

— Ну, пане Яцентій, что вы обо мнѣ думаете, чтобъ я васъ хотѣлъ *зъ кашею исты*! Я только спрашиваю, кто вамъ дастъ по сту римскихъ за моргъ грунту?

Яць долго смотрѣлъ Мендлю въ глаза, потомъ отвернулся, плюнулъ и, не говоря ни слова, пошелъ домой.

— A dummer Goj!—бурчалъ Мендель послѣ его ухода.— Думаетъ, что меня *на полову злóвыть*! Сто римскихъ! Подождешь ты еще, пока я дамъ тебѣ сто римскихъ за моргъ.

Но долго ждать Яцю не пришлось. Нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора одна изъ ямъ Мендля была залита водой, а другую засыпало землей вмѣстѣ съ тремя рабочими. Мендель понесъ большіе убытки, а къ тому же еще долженъ былъ заплатить коммиссіи, чтобы она признала, что смерть рабочихъ была слѣдствіемъ ихъ собственной неосторожности. Потери были значительныя; менѣе богатый потерпѣлъ бы полное разореніе. Единственною надеждою Мендля были нефтяные источники въ усадьбѣ Яця. Пріобрѣтеніе земли у Яця было еще желательнѣе Мендлю потому, что большой наплывъ купцовъ поднялъ цѣну на землю и 100 римскихъ за моргъ не было рѣдкостью. Не прошло и недѣли, какъ Мендель, захвативши бутылку крѣпкой водки, направился къ жилищу Яця Зелепуги. Хозяинъ былъ дома и починялъ деревянный ушатъ.

— Дай Боже добрый день!—сказалъ Мендель, приподнимая шляпу.

— Дай Господи!—отвѣтилъ Яць.

— Щасты Бигъ при роботи!—добавилъ Мендель.

— Дай Боже! Дякую за слово добре.

Мендель сѣлъ на скамью и осмотрѣлся.

Въ хатѣ было пусто и мрачно. Голыя стѣны, пустыя полки, печь давно не топлена, а въ ней валяются черепки. Страшная пустота.

— Не хорошо у васъ тутъ, пане Яцентій,—сказалъ жидъ, съ минуту помолчавши,—погано такъ на старости жить.

— Можетъ, Богъ дастъ, что когда нибудь и у насъ лучше будетъ,—отвѣтилъ Яць, сердито стуча обухомъ по обручамъ ушата.

— Дай Боже! Дай Боже! А что это вы дѣлаете?

— А вотъ цебречишко испортился, такъ поправляю.

— Зачѣмъ вамъ тотъ цеберъ? Вы же свиней не держите?

— А можетъ и буду держать. Все лучше, коли цеберъ будетъ исправный. Денегъ стоитъ.

Жидъ снова замолчалъ, пряча бутылку подъ полой халата и не имѣя какъ то храбрости прямо приступить къ дѣлу.

— Что это значитъ, пане Яцентій,—сказалъ онъ, минуту спустя,—Мошко изъ корчмы жаловался мнѣ, что вы уже съ недѣлю не бываете у него.

— А зачѣмъ мнѣ бывать? Пить не хочется, а денегъ, что я ему долженъ, еще нѣтъ.

— А борони Боже—вскрикнулъ съ притворнымъ удивленіемъ Мендель.—Развѣ онъ у васъ домогается денегъ! Не деньги хочетъ онъ видѣть, а васъ.

— Богъ заплатитъ ему за его доброту,—сказалъ Яць,—а я далъ зарокъ, что безъ денегъ больше къ нему не пойду. Хоть онъ и не вспоминаетъ, да, сами знаете, *довгъ довгій, а видай короткій.*

— Фи, пане Яцентій, что то за долгъ? Пятнадцать римскихъ! Стоитъ о томъ говорить! Ну, а знаете что? Что мы будемъ такъ на сухо болтать? На то Богъ человѣку горло далъ, чтобъ его почаще промачивать. Поищите тамъ какой стклянки или рюмки! И съ послѣдними словами Мендель вынулъ бутылку и поставилъ на столѣ. Глаза Яця засвѣтились огонькомъ при видѣ водки, и даже топоръ выпалъ у него изъ рукъ. Онъ уже приготовился встать и искать стаканчикъ, но какая то сила остановила его. Тяжело ему было побороть страсть къ драгоцѣнному напитку; голова у него кружилась и руки начали дрожать. Но все таки онъ не всталъ съ мѣста.

— Богъ заплатитъ вамъ, пане Мендлю, за вашу добрую волю,—благодарилъ Яць надтреснутымъ голосомъ,—но я не знаю,

зачѣмъ мы будемъ могорычъ пить. А такъ, *на кота въ мишку* не годится пить.

— У, у, что вы за человѣкъ, что и не приступай къ вамъ!—вскричалъ Мендель.—Ну, а коли безъ всякаго интереса, а такъ только къ доброму сосѣду съ *почеснымъ* прихожу?

— Ну это вы кому другому разсказывайте, а не мнѣ,—сказалъ Яць.—Жидъ безъ интересу ни шагу не сдѣлаетъ.

— Что за интересъ,—сказалъ Мендель.—У меня одинъ интересъ, знаете какой? Сторгуемся за землю?

— Трудно будетъ! коротко отрѣзалъ Яць.

— А сохрани Боже! Зачѣмъ же трудно? При Божьей помощи все можетъ быть легко.

— Почемъ даете за моргъ?

— Ну? Что вы спрашиваете? Вы знаете мое слово: 80 папирковъ [1]).

— Э, коли такъ, то нечего и разговаривать. И за сто не отдамъ!

— Охъ, какъ вы скоро въ гору ростете? Кто бы подумалъ, что у васъ въ скрынѣ Богъ знаетъ какіе *маетки-статки*, что такъ дорожитесь.

— Въ скрынѣ, не въ скрынѣ,—отвѣтилъ Яць,—а въ той самой землѣ навѣрно *статки-маетки*. Что жъ мнѣ ихъ вамъ за даромъ отдать?

— А конечно,—съ насмѣшкой процѣдилъ жидъ,—на что отдавать такія богатства? Лучше пойти и самому забрать.

— А вы думали какъ? Копаете же вы, отчего бы и мнѣ не копать?

Жида взорвало при этихъ словахъ и онъ съ удивленіемъ вытаращилъ глаза на изнуреннаго, несчастнаго мужика.

— Что? Что вы говорите?

Яць спокойно посмотрѣлъ на жида и добавилъ, усмѣхаясь:

— Васъ вѣрно что то укололо, пане Мендель, что вы такъ вскочили? А то, что я говорю—глупая болтовня, правда?

— Конечно, что глупая болтовня, — убѣжденно сказалъ Мендель.— Вы думаете, что это такъ легко: пить и брать изъ

[1]) *Папирокъ*—гульденъ.

земли даръ Божій? Ага! Не знаете вы, чего это стоитъ! За копанье плати, а еще найдется ли въ землѣ что нибудь или нѣтъ? Вотъ у меня уже три закопа вода залила, а знаете, что каждый закопъ стоилъ мнѣ не меньше ста римскихъ? Ну, а откуда вы столько денегъ добудете? А хоть и добудете, не по вашей головѣ такое дѣло, *бигме*, не по вашей головѣ!

— А то уже какъ Богъ дастъ, увидимъ,—сказалъ Яць.— И вы не всѣ же разумы съѣли, можетъ тамъ что нибудь и для насъ осталось. Попробуемъ.

Мендель все съ большимъ безпокойствомъ посматривалъ на Яця.

— Что, неужели вы это вправду, пане Яцентій, не шутите?

— Развѣ я знаю?—отвѣтилъ печально мужикъ.— Можетъ и шучу.

— Ну, а какъ же будетъ съ грунтомъ? Продаете?

— Коли сойдемся въ цѣнѣ, то и продамъ.

— А какая ваша цѣна?

— А, видите ли, [illegible]ъ. У меня шесть морговъ. Два здѣсь, возлѣ хаты, а четыре тамъ дальше, *на Волянци*. Эти четыре я готовъ вамъ продать по 150 римскихъ за моргъ.

— Тѣ четыре! А на какого бѣса мнѣ тѣ четыре? Вѣдь *на Волянци* никто не копаетъ?

— А кто знаетъ, можетъ и тамъ кладъ лежитъ?

— Э, я на „кто знаетъ“ не покупаю. Ну, а тѣ два почемъ?

— Тѣхъ двухъ не продаю. Тѣ два для себя удержу.

— Какъ? Для себя? А вамъ они на что?

— Это уже мое дѣло.

— Да ну, пане Яцентій, не шутите. Что хотите за эти два морга?

— Нѣтъ, сторгуемся за тѣ четыре.

— Зачѣмъ мнѣ тѣ четыре? *Пустопашь, бодячье*, что я съ ними сдѣлаю? За тѣ два дамъ по сто римскихъ.

— За тѣ четыре возьму, только съ васъ, по 140,—сказалъ Яць съ истинно мужицкимъ упорствомъ,—а о тѣхъ двухъ и говорить *шкода*.

— Ну, жди же, дурню, чорта лысаго, что тебѣ за тѣ дастъ по 140!—крикнулъ, остервенясь, Мендель, схватилъ свою

водку и выбѣжалъ на дворъ. Мужикъ спокойно продолжалъ набивать обручи. Но черезъ минуту Мендель, успокоившись, снова вернулся.

— Ну, пане Яцентій, съ вами говорить, то нужно сперва гороху наѣсться. Говорите правду: почемъ хотите за тѣ два морга?

— За тѣ четыре по 140, а тѣхъ двухъ теперь еще и не продамъ.

— А когда же продадите?

— Этого я еще и самъ не знаю. Когда дойдутъ до свой цѣны.

— А когда же они дойдутъ до своей цѣны?

— Развѣ я знаю? Увидимъ.

— Это послѣднее ваше слово?

— Послѣднее.

Мендель удалился, проклиная въ душѣ несговорчиваго мужика. А Зелепуга не на шутку задумалъ помѣряться съ жидами. Въ его старой, непривычной къ мышленію головѣ зародился неясный планъ. Какъ сдѣлать эт[illegible]—онъ не зналъ, но рѣшеніе было принято. „Ну чтожь, буду копать одинъ, и конецъ“—думалъ онъ сначала, но скоро убѣдился, что одному копать невозможно. При одной шахтѣ необходимо не менѣе трехъ человѣкъ. Довольно нанять двухъ. Да гдѣ взять денегъ? У него нѣтъ ни денегъ, ни хлѣба, ни скота, нечего было и продать, кромѣ земли. А внутренній голосъ постоянно шепталъ ему: „Берись за работу! Богъ вложилъ тебѣ кладъ въ землю, грѣхъ имъ препебречь!“ А зачѣмъ ему, старому, дряхлому, такое богатство—онъ не думалъ. По временамъ въ его воображеніи рисовались заманчивыя картины, въ родѣ: „церковь выстрою, хорошую, каменную, каплицу поставлю надъ жинкою, дамъ *на Боже*, пускай Богъ будетъ милостивъ къ моей душѣ“—дальше этихъ набожныхъ мечтаній мысль его не шла.

Визитъ Менделя показалъ ему, что дѣло съ этимъ богатствомъ вѣрное и натолкнулъ его мысли на практическій путь. Нѣсколько часовъ просидѣлъ онъ дома за починкой ведра, все размышляя, съ чего начать? Потомъ всталъ и пошелъ въ село. Пока что будетъ, а онъ рѣшилъ примириться съ оставшимися двумя шуринами. Когда онъ вошелъ въ хату одного изъ нихъ, гдѣ онъ не былъ уже пять лѣтъ, его поразила мысль:

— Что, я одурѣлъ или совсѣмъ ослѣпъ, что могъ считать его богачемъ?

Правда, хата была просторна и хорошо построена, но совсѣмъ запущена. Подъ навѣсомъ нѣтъ хозяйственныхъ принадлежностей, въ обширныхъ сѣняхъ нѣтъ закромовъ съ хлѣбомъ, комора отворена настежь, въ ней нѣтъ ни сундуковъ, наполненныхъ всякимъ добромъ, ни кожуховъ на жерди, ни подушекъ на постели, ничего нѣтъ. Вдобавокъ Зелепуга засталъ въ избѣ цѣлый содомъ: жена шурина плакала, дѣти пищали.

— Что у васъ такое, кумо?—спросилъ онъ послѣ перваго привѣтствія, садясь на грязной скамьѣ. Невѣстка взглянула на него заплаканными глазами и, отворачиваясь, отвѣтила:

— А вамъ что до этого? Какое васъ лихо принесло?

— Богъ съ вами, кумо — швагрова, — сказалъ Яць. — Не лихо меня сюда принесло. Вѣдь мы же свои. Грѣхъ намъ *цуратысь* однимъ другихъ. Я пришелъ васъ провѣдать, посовѣтоваться...

— Ага, можетъ опять хотите моему какой кусокъ земли уступить. Пускай васъ Господь тяжко покараетъ за это благодѣяніе, что вы ему сдѣлали.

И бѣдная женщина заломила руки и залилась горькими слезами. Дѣти тоже заплакали.

— Бойтесь Бога, кумо! развѣ я виноватъ въ томъ, что вашъ мужъ обманулъ мою покойницу, выманилъ у нея батьковщину, а потомъ продалъ жидамъ?

— Пускай васъ всѣхъ, всѣхъ Богъ тяжко покараетъ за мои слезы, за мою нужду, за мое горькое житье! Въ чемъ виновата передъ вами я, въ чемъ виноваты бѣдные дѣти, что должны погибать изъ-за того проклятаго пьяницы?

— Что же такое случилось? Что онъ сдѣлалъ?—допрашивалъ Яць, мало обиженный ея проклятіями, въ которыхъ видѣлъ только слѣдствіе раздраженія.

— Продалъ, чортъ, продалъ уже и остатокъ грунту жидамъ. Продалъ и не знаю за сколько. Уже другую недѣлю пьянствуетъ гдѣ то въ Дрогобычи, чтобъ ему тамъ и голову сложить! Ой, доля жъ моя несчастная! Сама, бѣдная, не знаю,

что съ собою дѣлать. Уже жидъ съ войтомъ и присяжнымъ забрали грунтъ, начали копать ямы, а его нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Вотъ такъ!—подумалъ Яць,—вотъ такъ на богача наскочилъ! Тутъ, видно, еще большая бѣда, чѣмъ у меня.

И, обращаясь къ плачущей женщинѣ, онъ сталъ утѣшать ее, какъ могъ.

— Не плачьте, кумо, успокойтесь, какъ нибудь обойдется. *Може Богъ ще къ добру оберне.*

— Скорше васъ усихъ до горы ногами оберне, що дай Боже, аминь!—снова вскрикнула несчастная мать и, обращаясь къ плачущимъ дѣтямъ, стала причитывать по нимъ, какъ по умершимъ:

— Сиротки мои, дѣточки малые! Далъ вамъ Богъ отца поганина, что о васъ не думаетъ, запродалъ чорту душу, а жидамъ землицу. Гдѣ же вы теперь дѣнетесь? Кто васъ выкормитъ и въ люди выведетъ?

— Ну, тутъ я ничего не подѣлаю: ни совѣты мои, ни утѣшенья тутъ не у мѣста, подумалъ Яць и незамѣтно вышелъ.

— Что имъ изъ моихъ утѣшеній,—думалъ онъ дорогой,—тутъ нужна помощь, а не утѣшенія. Вотъ если бы мнѣ докопаться *кипячки* на моемъ полѣ, ну тогда бы всѣхъ ихъ можно было бы пріютить. Правда, шуринъ съ нами худо обошелся, но его жена и дѣти нисколько не виноваты. Нѣтъ, надо думать, надо искать помощи, можетъ быть Господь милосердый смилуется надъ нами.

Въ грязной, запущенной хатѣ невѣстки Яць неожиданно для себя нашелъ цѣль своихъ надеждъ и стремленій. Природное богатство, скрытое въ его землѣ, увеличилось въ нѣсколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ Яць созналъ, что оно не столько необходимо для постройки церквей и покупки церковныхъ принадлежностей, какъ для спасенія бѣдной погибающей семьи.

Все это крѣпкимъ узломъ связалось въ его доброй душѣ. Съ тѣхъ поръ какъ выяснилась для него цѣль жизни, онъ окрѣпъ духомъ, и какъ будто помолодѣвши на десять лѣтъ, направился къ жилищу другого шурина, котораго въ селѣ прозвали Недоваренымъ послѣ исторіи съ женой. Жилъ онъ на другомъ концѣ

Бориславля у подошвы Карпатъ, гдѣ нефтяной почвы не было, и считался зажиточнымъ хозяиномъ. Но съ тѣхъ поръ какъ жена его ошпарила, онъ ходилъ на костыляхъ и чувствовалъ иногда ужасную боль отъ незажившихъ еще ранъ. Въ дурную погоду боль чувствовалась еще сильнѣе и въ такія минуты онъ былъ золъ, точно раненый волкъ. Яць попалъ какъ разъ въ такую пору.

— А шуринокъ милый, ссс... — зашипѣлъ Недоваренный, замѣтивъ издалека Зелепугу. — А какое лихо занесло тебя ко мнѣ? А? Нищій!

Яць только головой покачалъ. Такое привѣтствіе сразу напомнило ему дѣйствительность.

— Э, шуринъ,—сказалъ онъ, приближаясь и приподнимая шапку.—Много ли я у тебя пороговъ обилъ за нищенскимъ хлѣбомъ, что такъ меня встрѣчаешь? Фе, стыдись, что такъ загордился своимъ богатствомъ!

— Смотрите, какой учитель, ссс...! А я голову свою даю на закладъ, что ты пришелъ таки за какою то подачкою. Чѣмъ больше у нищаго нужда, тѣмъ больше *фумы* на языкѣ. А ну, скажи, зачѣмъ ты приплелся?

— Привели меня сюда два дѣла, — сказалъ спокойно Яць, садясь на бревнѣ.—Одно дѣло не мое, а шурина Чапли.

— Того жидовскаго захребетника и пьяницы? Знаю, знаю, пропилъ послѣднюю каплю разума, продалъ жидамъ остатокъ грунту, а теперь пропиваетъ деньги въ Дрогобичѣ. Такъ ему, дураку, и надо!

— Чтожь, я про него ничего и не говорю! пусть его Богъ судитъ! А вотъ его жена, ваша и моей покойницы сестра, и дѣти малые въ чемъ они виноваты? Всѣ они остались безъ хлѣба, безъ батьковщины. Что съ ними будетъ?

— А мнѣ что за дѣло? Развѣ я имъ отецъ? Или я обязанъ о нихъ заботиться, ссс...?

— Да бойтесь Бога, пане швагре! — вскрикнулъ Яць.—Не дадимъ же мы нашимъ кровнымъ напрасно погибнуть? Вотъ только что я былъ тамъ: Содомъ, говорю вамъ. Старая плачетъ, дѣти плачутъ.

— А пускай себѣ плачутъ,—злобно замѣтилъ тотъ,—поплачетъ и перестанетъ. Моя хата съ краю, я ничего не знаю, не мое просо,—не мои воробьи ссс...!

Говоря это, онъ постоянно шипѣлъ, такъ что можно было подумать, что чужая бѣда доставляла ему особенное удовольствіе.

— Ну, это одно дѣло, а какое другое? — спросилъ Недоваренный.

— Богъ съ вами, — отвѣтилъ Яць, — вижу, что со своими дѣлами не на ту улицу попалъ: лучше оставимъ нашъ разговоръ.

— Видишь, уже разсердился, ссс...! Чисто нищенская натура. Откажи ему—сейчасъ постный видъ сдѣлаетъ и мямлитъ: Богъ заплатитъ и за это! А въ душѣ думаетъ: чтобъ тебя черти взяли! Ну, ну, говори, какое другое дѣло. Мнѣ хочется знать, ссс....

— Чтобы вы не думали, что я разсердился, то и скажу вамъ: купите мой грунтъ *на Волянци*, четыре морга въ одномъ кускѣ. Дешево вамъ продамъ.

— А мнѣ зачѣмъ твой грунтъ *на Волянци?*

— Какъ зачѣмъ? Грунтъ къ грунту всегда пригодится, хоть бы и впустѣ лежалъ, то все или коней будете пасти, или наймете кому подъ овесъ, все таки доходъ будетъ.

— А чтожь ты самъ этой штуки не продѣлаешь?

— Продѣлать то я продѣлалъ бы, да только мнѣ теперь деньги нужны.

— Зачѣмъ тебѣ деньги? Вѣрно не на что пьянствовать, такъ и грунтъ продаешь? Эхъ вы, *жеброта не полатана!* Тутъ мнѣ твердитъ, чтобы тому помочь, а самъ не лучше его, ссс...! Ну скажи, зачѣмъ тебѣ деньги?

— Э, что я вамъ буду говорить! Это уже мое дѣло.

— Не хочешь со мною говорить, такъ и я не буду.

И Недоваренный зашипѣлъ и отвернулся.

— А если не хотите грунту,—сказалъ не терявшій надежды Яць,—то знаете что: вступите со мною въ компанію.

— Въ какую компанію?

— Ну, вижу, что вамъ нужно все сказать. Такъ слушайте! Въ томъ грунтѣ, что вамъ уступила моя покойница, жиды вы-

копали родники кипячки, вотъ уже годъ черпаютъ и наживаютъ деньгу. Точатъ зубы и на мой кусокъ, что граничитъ съ тѣмъ: навѣрно и въ немъ лежитъ такой же кладъ.

— Ну, и чтоже изъ этого? И продай имъ.

— Вы такъ думаете? — медленно спросилъ Зелепуга. А я думаю, что это былъ бы грѣхъ. Далъ Богъ кладъ въ наши руки, только немного потрудись—и бери, и черпай, нѣтъ, мы даромъ отдадимъ его жидамъ, а сами пойдемъ къ нимъ на службу!

— Ха, ха, ха! кладъ! Ссс...! — засмѣялся и зашипѣлъ отъ боли Недоваренный,—что это за кладъ: проклятая ропа вонючая! Христіанину грѣхъ съ нею и возиться. Это жидовское ремесло.

— А не грѣхъ христіанину копать и черпать ее въ наймахъ у жида?

На это Недоваренный не нашелся отвѣтить, но зацѣпка нашлась съ другой стороны.

— Ну, ну, не очень то горячись! Откуда ты знаешь, что именно въ твоей землѣ кипячка? Я думаю, что если жидъ изрылъ сосѣднюю землю, то и изъ твоей давно уже все стекло въ его ямы.

— А я думаю, что жидъ чуетъ, гдѣ есть барышъ, и не даромъ обиваетъ у меня пороги, чтобы я продалъ ему эту землю.

— Э, и жидъ также на угадъ спекулируетъ, какъ и ты. Ну, а чего ты собственно отъ меня хочешь? Въ какую компанію меня приглашаешь?

— Хочу самъ копать на своей землѣ и увѣренъ, что докопаюсь кипячки. На копанье надо будетъ около ста римскихъ, а у меня теперь въ карманѣ пусто. Вотъ я и думалъ...

— И не думай! Ссс... — перебилъ его тотъ. — Глупая твоя спекуляція, а у меня ни денегъ нѣтъ, ни охоты путаться въ такія исторіи. Еще жиды на меня взъѣдятся, такъ что имъ значитъ поджечь меня или убить? Кто имъ что сдѣлаетъ?

Яць Зелепуга печально поникъ головой: въ послѣднихъ словахъ шурина была правда. Въ нѣсколько лѣтъ жиды стали силой въ Бориславлѣ. Порядка въ громадѣ не было. Подкупы, пьянство деморализовали громадское начальство и оно сдѣлалось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ жидовъ. Полиціи не было никакой. Жиды дѣлали, что хотѣли, а дрогобицкое окружное на-

чальство махнуло на все рукой, видя свое безсиліе установить какой нибудь порядокъ. Потому то каждый и боялся не только за свое имущество, но и за жизнь. Постоянныя „несчастья въ ямахъ“ проходили безнаказанно для хозяевъ, а подъ эту рубрику „несчастья въ ямахъ“ подводилась масса такихъ злодѣйствъ, о которыхъ испуганные жители боялись даже и вспоминать.

— Такъ вы думаете, что изъ этого ничего не будетъ?— спросилъ Яць шурина.

— Разумѣется не будетъ,—сказалъ тотъ гораздо мягче, чѣмъ сначала. — Ну, скажи, твоей ли или нашей хлопской головы это дѣло? А хуже всего, что нужно будетъ начать войну съ жидами. Нѣтъ, нѣтъ, ничего изъ этого не будетъ.

Зелепуга еще минуту посидѣлъ на бревнѣ, обдумывая, потомъ всталъ съ прояснившимся лицомъ и, стуча палкой о землю, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— А я вамъ скажу, что таки будетъ! хоть бы мнѣ пришлось голову положить, а я своего добьюсь. Вступаете въ компанію?

— Иди, иди, старый дурень! И до сихъ поръ я думалъ, что ты дуракъ, а теперь вижу, что ты пропилъ и ту крошку ума, что мать дала,—насмѣхался шуринъ.

— Такъ не идете въ компанію?

— И не снилось.

— Воля ваша. И безъ васъ обойдемся. А я вамъ скажу, что пожалѣете.

И не простившись, Яць быстро направился къ своей хатѣ. А шуринъ долго сидѣлъ на приспѣ и думалъ.

— Гм... дурень этотъ Яць, ей Богу дурень! Самъ хочетъ копать да еще и меня въ компанію тянетъ. Знаю я, что значатъ эти компаніи. Займи ему денегъ—часть пропьетъ; другую закопаетъ, вотъ тебѣ и компанія. Нѣтъ, на такую *полову* ты меня, братецъ, не изловишь. А тѣмъ нищимъ въ самомъ дѣлѣ помочь надо,—думалъ онъ дальше.—Вѣрно Яць сказалъ: чѣмъ виновата жена, чѣмъ виноваты дѣти, что у нихъ такой отецъ? Надо будетъ навѣстить ихъ сегодня. Надо будетъ со старою посовѣтоваться, баба такія вещи лучше знаетъ, чѣмъ

мужикъ. Вотъ несчастье! Распился, бестія, и память у него отшибло, забылъ, что у него семья, ссс...

И онъ зашипѣлъ, припомнивъ, что и съ нимъ могло бы случиться тоже самое, если бы жена не ошпарила его кипяткомъ.

— А все же изъ этой компаніи,—возвратился онъ снова къ прежней мысли,—ничего не будетъ. Что же можетъ быть? Знаю я этого Зелепугу. Не сегодня—завтра продастъ землю жидамъ. Только даромъ связался бы съ нимъ. Зачѣмъ мнѣ эти хлопоты?

И онъ пошелъ въ хату, чтобы условиться съ женой, какъ помочь невѣсткѣ и дѣтямъ. Но мысль о богатствѣ, которое Богъ скрылъ въ землѣ Зелепуги, не давала ему покоя. Послѣ обѣда онъ еще разъ взвѣсилъ все съ точностью.

— А что,—додумался онъ подъ конецъ,—если Яць не такой дурень, какъ кажется? Война съ жидами? Ну и чтоже? Война, такъ война. Надо трудиться и надѣяться на Бога. Можетъ, человѣкъ какъ нибудь и выдержалъ бы, а то вовка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить. А чтобы Яць денегъ не пропилъ, можно бы и самому позаботиться, самому расплачиваться, не давать ему денегъ на руки. Только есть ли тамъ что нибудь въ этой землѣ? А если есть, а должно быть есть, то станетъ ли нашихъ денегъ на то, чтобы докопаться до клада? Гм... а вѣдь дѣло вовсе не такое глупое, какъ мнѣ показалось съ перваго раза. Надо будетъ когда нибудь пойти осмотрѣть тотъ грунтъ, можетъ и удастся что нибудь сдѣлать? Если бъ только Яць не одурѣлъ да не продалъ его жидамъ. Ну, да взялся мужикъ, такъ скоро отъ своего не отстанетъ, видно по немъ. А коли такъ, то безъ меня не обойдется, какъ же иначе онъ устроится?

И успокоенный этимъ Недоваренный велѣлъ запречь лошадь, и набравши хлѣба, муки, крупъ, масла, бѣлья, сѣлъ съ женой на возъ и поѣхалъ къ невѣсткѣ.

Миронъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

166.

Повѣрья объ орлѣ.

Въ настоящее время орлы рѣдко встрѣчаются въ Малороссіи. Въ старину они водились въ большемъ количествѣ и повсемѣстно, оттого и въ поэзіи малорусской они часто упоминаются, какъ величественная, гордая птица, вѣстникъ радости и печали. Одно уже появленіе орла въ пѣснѣ служитъ указаніемъ на извѣстіе; напр., „летай, летай, сивый орле, по глубокой долинѣ“ (*Гол.*, I, 16). Содержаніе пѣсни состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что ляхи перевѣшали много козаковъ. Что орелъ здѣсь является вѣстникомъ, это подтверждается слѣдующимъ стихомъ: „засылаютъ ляхи листы по всей Украинѣ“.

Орлы и орлицы являются иногда вѣстниками печали, напр., въ пѣснѣ: „прилетаютъ дви орлици; ранетъ ему дви дѣвици: идна косоока, друга сизоока. Ой я васъ, орлицы, за ти висти скажу соколеви живцемъ васъ поисты“ (*Чубинскій*, V, 35). Болѣе основательное противоположеніе сокола, не орлицѣ, а ворону—находимъ въ сербской пѣснѣ. Марія проситъ брата Ивана: „Іоване, брате роheки! пошли ми сивоч сокола, да heрам врана гаврана“ (*В. Кар*, I, 213).

Намекомъ на враждебное къ человѣку отношеніе орла можетъ служить слѣдующій мотивъ въ малорусской сказкѣ про двухъ братьевъ: „бѣдный человѣкъ слышитъ, что говорятъ три орла на то-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 4.

полѣ. Одинъ орелъ говоритъ: „я такъ сдѣлалъ, что братъ брату глаза выкололъ"; другой: „я положилъ подъ постель дочери короля жабу, и королевна 7 лѣтъ болѣетъ"; третій: „я завалилъ камнемъ море, и оттого люди умираютъ". (*Чубинскій*, II, 50).

Заслуживаетъ вниманія, что и въ заговорахъ орелъ и жаба сопоставляются, напр., въ великорусскомъ заговорѣ: „Въ городѣ Іерусалимѣ на рѣкѣ Ярданѣ стоитъ древо кипарисъ, на томъ древѣ сидитъ птица орелъ, щиплетъ и тереблетъ когтями и ногтями у раба б. (имя рекъ) жабу"... (*Потебня*, Объясн. пѣс. II, 217).

Сопоставленіе орла и жабы въ заговорахъ и пѣсняхъ основано на непосредственномъ наблюденіи надъ природой и характеромъ этой птицы. Въ Малороссіи чаще всего встрѣчаются орлы крикуны (Aquilae naviae) и малорослые орлы, или орлы карлики (Aquilae minutae); и тѣ, и другіе питаются преимущественно мышами, жабами и змѣями, но охотно пожираютъ и мелкихъ птицъ (*Брем*ъ, Иллюстрир. жизнь животныхъ, III, 477).

Орелъ приноситъ иногда радостную вѣсть, напр., въ малорусской пѣснѣ: „Ой у полі билый камень лежить, а на тому камени сивый орелъ сидитъ (эпическій запѣвъ), думку думае". Козакъ спрашиваетъ его о родномъ краѣ, о своей милой. Орелъ говоритъ, что милая тоскуетъ по немъ. Затѣмъ, онъ летитъ къ дому милой:

Полетивъ сивый орелъ, та сивъ на тыну—
Выйды, выйды, дивчинонько, щось тоби скажу,
Выйды, выйды, дивчинонько, скажу тоби висть,
Иде милый зъ Украины—буде въ тебе гисть. (*Чубинскій*, V, 60).

Въ одной великорусской пѣснѣ такую роль играютъ голуби: „они ударили крыльями о теремъ Марьюшки, хотѣли сообщить ей добрую вѣсть, что къ ней собирается женихъ".

Въ благопріятное отношеніе къ человѣку ставитъ орловъ одна колядочная пѣсня:

Ой якъ будешъ ты, молодъ женытьця
Та выорешъ нывочку чорными орлами,
Та засіешъ нивочку дрибными жемчугами...
Ой якъ будешъ ты короливну везты,
Закричатъ орлы въ чистымъ поли,
Та засяютъ жемчуги на раздоли... (*Потебня*, Объяс. II, 383).

Въ одной веснянкѣ также обнаруживается счастливое и пріятное значеніе орла: „орелъ поле изоравъ и пшеницы насіявъ—дивочкамъ на коровай", далѣе „ячменю насіявъ — парубочкамъ на коровай" (ib. 384). Въ другой веснянкѣ орелъ обѣщаетъ прилетѣть и принести зеленое лѣто, хрещатый барвинокъ, „чоловикамъ оранье и старымъ дидамъ сіянье". Н. И. Костомаровъ говоритъ, что „орелъ, приносящій лѣто и устанавливающій занятія людей, есть тотъ же греческій орелъ, спутникъ Зевса (см. у Потебни, ib. 384). А. А. Потебня высказалъ по этому поводу замѣчаніе, „что связь орла и оранья можетъ и не имѣть другихъ соотношеній, кромѣ созвучія" (ib.).

У древнихъ грековъ орелъ слылъ вѣстникомъ побѣды, плодородія и счастья. Это былъ спеціальный посолъ Зевса. Гомеръ называетъ его „самой совершенной птицей"; Ѳеокритъ—вѣщей птицей по преимуществу (*Буше-Леклеркъ*, 109). Въ греческомъ миѳѣ Гермесъ влюбился въ Афродиту въ то время, когда она купалась въ рѣкѣ, и въ видѣ орла похитилъ ея одежду, которую возвратилъ лишь послѣ тѣхъ ласкъ, которыми наградила его богиня. У Страбона орелъ играетъ роль свата: красавица Родона купалась въ рѣкѣ. Орелъ схватилъ ея туфлю и отнесъ ее мемфискому царю, который, взглянувъ на туфлю, воспылалъ любовью къ Родонѣ, долго искалъ ее и, когда нашелъ, женился. Эліанъ поясняетъ, что это былъ царь Псаметихъ (*De-Gubern.*, 492). Въ роли свата является и воронъ (см. мою ст. о „Воронѣ" въ 1 кн Этн. Обозр. 1890).

Въ новомосковскомъ у. записано народное повѣрье, что „орла не можна быты, а якъ его стриляты, то треба спытать тричи: „чи нажывся на свити?" Якъ нажывся—то винъ буде прямо дывыться на тебе, а якъ не нажывся—то отвернеться. Его и червы не идятъ; винъ и не завоняется николы, хочь держи, поки на сухарь засхне. У гнизди орлячимъ завсегда есть гроши; винъ безъ грошей николы гнизда не робыть" (*Чубинскій*, I, 64). Въ этомъ сказаніи слиты два мотива—литературный мотивъ объ отношеніи орла къ болѣзни и смерти и народное повѣрье, что птицы, преимущественно сороки и вороны, похищаютъ золотыя и серебряныя вещи. Первый мотивъ основывается на сказаніяхъ Палеи и Азбуковниковъ о птицѣ Харадрѣ: „аще хто въ болѣзнь впадетъ, то отъ Харадра есть разу-

мѣти, живъ ли будетъ или умретъ. Аще будетъ ему умрѣти, отвратитъ отъ него очи свои Харадръ; аще быти ему живу, ино веселяся возлетитъ на аеръ противу солнца". Это сказаніе о Харадрѣ извѣстно и по западнымъ бестіаріямъ. Общій источникъ и нашихъ и западныхъ извѣстій—Физіологъ св. Епифанія (*Жданов*, Къ литерат. ист. былев. поэзіи, 217). Въ малорусскомъ сказаніи объ орлѣ этотъ литературный мотивъ передѣланъ въ приложеніи къ самому орлу. Повѣрье о томъ, что въ гнѣздѣ орла бываютъ деньги, основано на томъ зоологическомъ фактѣ, что нѣкоторыя хищныя птицы изъ вороньяго рода, въ особенности сороки, дѣйствительно крадутъ и кладутъ въ своихъ гнѣздахъ блестящія металлическія вещи. Въ Галиціи существуетъ повѣрье, что воронъ, собравъ много золота и серебра, золотитъ себѣ голову и хвостъ. (*Gustavicz*, въ Zbior wiadom. do antrop. krajow. V. 141).

Въ малорусской сказкѣ про Покотигорошка находится между прочимъ слѣдующій мотивъ: во время грозы и бури Покотигорошекъ влѣзъ на дубъ, нашелъ здѣсь орлятъ и накрылъ ихъ своею свитою. Когда прилетѣлъ орелъ, онъ хотѣлъ убить П.; но орлята заступились за него: „не бийте его, тату; якъ бы не винъ, то мы повмерали бы зъ холоду". Орелъ въ знакъ благодарности отнесъ П. на родину (*Чубинскій*, II, 235). Этотъ мотивъ встрѣчается въ сказкахъ разныхъ народовъ. Припоминаю, что я читалъ такой же разсказъ про орла въ одной монгольской сказкѣ въ 4 т. Очерковъ сѣв.-зап. Монголіи *Потанина*. Въ грузинской сказкѣ „про судьбу" Ломъ-Каци сѣлъ отдохнуть подъ липой, на которой было орлиное гнѣздо. Къ дереву подошла лисица и хотѣла схватить орленятъ; но Ломъ-Каци убилъ ее. Вотъ прилетаетъ орлица и хочетъ напасть на Л.-К. Орлята объяснили матери, что этотъ человѣкъ спасъ ихъ отъ лисы. Орлица благодарила Л.-К. за оказанное имъ благодѣяніе и перенесла его туда, гдѣ была скрыта его невѣста (*Сборникъ* матер. для опис. Кавказа, X, отд. 3, стр. 60). Въ малоазіатской сказкѣ „о трехъ чудесныхъ одеждахъ" богатырь, спящій подъ деревомъ, просыпается отъ шуршанія змѣи, которая приближалась къ орлятамъ. Богатырь убилъ змѣю. Это было гнѣздо царя орловъ. Когда прилетѣлъ орелъ и хотѣлъ броситься на богатыря, орлята сказали: „Отецъ, отецъ, не бей его; онъ спасъ насъ отъ змѣи".

Благодарный орелъ выноситъ богатыря, послѣ разныхъ приключеній, на поверхность земли на его родину, гдѣ жили коварные братья богатыря и его возлюбленная (*Carnoz et Nicolaides*, Traditions de l'Asie Mineure, 82 и сл.).

Въ сказаніяхъ на мотивъ оборотничества орлы и орлицы встрѣчаются часто. Такъ, въ малорусской сказкѣ про Юрзу-Мурзу и стрѣльца-молодца, три сестры орлицы просятъ молодца, чтобы онъ не убивалъ ихъ и обѣщаютъ стать ему „въ пригоди“; одна изъ нихъ принимаетъ образъ красивой дѣвушки и дѣлается его женой (*Чубинскій*, II, 281). Въ одномъ варіантѣ сказки про Оха ученики Оха обращаются въ орловъ, (*Драгом.*, Малор. нар. пред, 327) въ другихъ варіантахъ (у *Чубинскаго*) въ барановъ, коней, ястребовъ и пр. Въ одной гуцульской сказкѣ сынъ бѣдной вдовы продаетъ послѣднюю корову. Въ полѣ, подъ лѣсомъ, къ нему подошелъ человѣкъ, предложилъ продать ему корову и, получивъ согласіе, обратился въ орла и унесъ корову, сказавъ паробку, что деньги онъ получитъ въ концѣ лѣса. По совѣту пастуха, парубокъ вмѣсто денегъ беретъ у пана (=орла) камешекъ, который затѣмъ превращается въ разные предметы и оказывается весьма полезнымъ для парубка (*Kolberg*, Pokucie, IV, 20). Эти орлы миѳическаго происхожденія. Послѣдній орелъ-панъ, уносящій корову, напоминаетъ Тіасси германской миѳологіи. Великанъ Тіасси также иногда наряжается въ орлиную одежду и преслѣдуетъ въ видѣ орла Локи.

Въ колядкахъ встрѣчается такой мотивъ: надъ моремъ стоитъ высокій яворъ; на немъ сидитъ орелъ или соколъ, въ воду глядитъ и съ рыбой говоритъ (*Потебня*, Объяс. малор. пѣсенъ, II, 246). Основное значеніе этого мотива миѳическое, что подтверждается древнимъ иранскимъ сказаніемъ о безпечальномъ орлиномъ деревѣ среди моря. Всѣ деревья получаютъ сѣмена отъ этого міроваго дерева. На этомъ деревѣ сидитъ птица сина-мру (орелъ или соколъ), символирующая, вѣроятно, солнце. Когда она взлетаетъ, выростаетъ 1000 вѣтвей; когда вновь садится, то ломаетъ 1000 вѣтвей и стряхиваетъ съ нихъ сѣмена (*Потебня*, ib, 224).

Древняя христіанская письменность воспользовалась этимъ миѳическимъ мотивомъ для своихъ цѣлей—для изображенія воскресенія и вознесенія Господня на небо. Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“

соколъ и орелъ имѣютъ значеніе христіанскихъ символическихъ образовъ (*Мочульскій*, Голуб. кн., 201).

Въ общемъ выводѣ можно сказать, что малороссіяне знаютъ орла непосредственно; но въ сказаніяхъ и повѣрьяхъ, съ нимъ связанныхъ, наблюденія надъ природой птицы остаются на второмъ планѣ, и главную роль играютъ частью древнія пріуроченныя къ орлу миѳическія представленія силъ и явленій природы, частью старинныя фантастическія сказанія физіологовъ о птицахъ, проникшія въ южную Русь съ азбуковниками и палеями или, вѣроятнѣе, съ тѣми прилогами, которыми изобиловали южно-русскія схоластическія проповѣди XVII вѣка.

167.

Повѣрья о дятлѣ.

Въ Галиціи записано слѣдующее народное повѣрье. Дятелъ знаетъ такую траву, съ помощью которой можно отомкнуть всякій замокъ. Чтобы достать эту траву, нужно поступить такимъ образомъ: найти гнѣздо дятла и закрыть входъ въ него деревяннымъ колышкомъ. Дятелъ попробуетъ сначала силу своего клюва, чтобы проникнуть въ гнѣздо, а затѣмъ принесетъ разрывъ траву. Чтобы получить эту траву, нужно положить передъ деревомъ, гдѣ гнѣздо, красный платокъ. Дятелъ приметъ его за огонь, разведенный подъ деревомъ, и упуститъ траву (*Gustavicz* въ Zbiór wiadom. V, 127).

Это повѣрье распространено во многихъ мѣстахъ Великороссіи и Бѣлоруссіи (*Аѳанас.*, Поэт. воззр., II, 398, съ ссылкой на сборники Терещ., Сахар., Валявца, VI т. Этн. Сб.). Тоже утверждаютъ чехи и нѣмцы (ib. 398). Галицкій разсказъ о разрывъ-травѣ и дятлѣ ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ великорусскимъ повѣрьямъ этого рода. Въ нѣмецкомъ сказаніи также оказываются деревянный колышекъ и красный платокъ.

Всѣ эти повѣрья и разсказы о дятлѣ и разрывъ травѣ основываются на литературныхъ источникахъ, на древнихъ физіологахъ (*Мочульскій*, Происх. физіолога, 43) и на апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ (*Веселов.*, Сол. и Китовр.); но и эти источники

не могутъ быть признаны первоначальными. Разсказъ о дятлѣ и разрывъ-травѣ существовалъ уже въ классической древности и вошелъ въ классическую литературу. Плиній говоритъ, что дятелъ можетъ проникнуть во всякое закрытое помѣщеніе, отворивъ замки посредствомъ травы (*De-Gubern.*, 543).

Можетъ быть и вѣрно мнѣніе ученыхъ миѳологической школы, что „дятелъ—птица священная, птица-приносительница небеснаго огня молній, и гнѣздо ея, окованное зимними холодами, отво[illegible] въ весеннюю пору вѣткой-молніей“ (*Аѳан.*, II, 398), или: „дятелъ, picus Feronius древнихъ, incendiaria avis, былъ образомъ тучи, зимы, темноты, а клювъ его былъ образомъ молній“ (*De-Gubern.*, 542), это мнѣніе въ приложеніи къ современнымъ славянскимъ народнымъ повѣрьямъ о дятлѣ и разрывъ-травѣ не можетъ быть признано убѣдительнымъ, въ виду наличности несомнѣнныхъ литературныхъ вліяній... Основа сказанія, отдаленнѣйшая и древнѣйшая, можетъ быть, миѳическая; но исторія появленія и распространенія его у европейскихъ народовъ, помимо миѳологіи, достаточно объясняется глубокимъ вліяніемъ письменности.

Весьма распространено повѣрье, что дятелъ своимъ стукомъ предвѣщаетъ несчастье. Галицкіе русскіе вѣрятъ, что стукъ дятла въ переднемъ углу хаты предвѣщаетъ смерть (*Gustav.* V, 127, *Драгом.*, Малор. пред. 7). Буряты дурнымъ знакомъ считаютъ, если подъ кровлей дома поселится удодъ (*Потанинъ*, Оч. сѣв.-зап. Монг. IV, 133). И въ древности дятелъ слылъ зловѣщей птицей. Св. Епифаній сравниваетъ съ дятломъ дьявола. По словамъ Плинія, дятелъ сѣлъ однажды на голову претора Люція Тубера, въ то время когда онъ исполнялъ свою судейскую обязанность, и повѣдалъ, что отечество его погибнетъ, если онъ, дятелъ, не будетъ убитъ, а если Л. Т. убьетъ его, то скоро самъ умретъ, и Л. Т., любя отечество, поспѣшилъ убить дятла и вскорѣ самъ умеръ. Плиній считалъ потому дятла вѣщей птицей, „in auspiciis magni“ (*De-Gubern.*, 544).

168.

Кукушка и удодъ.

Въ ушицкомъ у. записано любопытное народное повѣрье, что кукушку въ теплыя страны переноситъ удодъ на себѣ (*Чубинскій*, I, 61). По повѣрью болгаръ, аистъ переноситъ ласточекъ черезъ море. Въ монгольской сказкѣ о перелетѣ птицъ журавль избилъ маленькую птичку богоргоно и вывихнулъ ему ноги. Когда птицы собрались для полета на сѣверъ, то богоргоно обратился къ нимъ съ такой рѣчью: „Вы теперь улетаете, а куда я дѣнусь больной и притомъ съ семьей? Безъ общества я здѣсь останусь на вѣрную погибель. Посмотрите на меня теплымъ глазомъ, отцы — господа, и рѣшите мою участь, пока не улетѣли". „Да, онъ правду говоритъ, сказали всѣ птицы... Такъ какъ въ его безпомощности виноватъ журавль, то онъ и долженъ нести наказаніе: пусть онъ отнынѣ и до вѣка таскаетъ къ сѣверу и обратно на себѣ птицу богоргоно".—И съ тѣхъ поръ при полетѣ на сѣверъ и обратно богоргоно садится на спину журавля; послѣдній поэтому рѣдко долетаетъ до дальняго сѣвера, ибо ранѣе другихъ птицъ устаетъ, такъ какъ летитъ съ тяжестью на спинѣ (*Потанинъ*, Очерки сѣв. — зап. Монг. IV, 629, 763).

Сходство малорусской сказки о кукушкѣ и удодѣ съ болгарской объ аистѣ и ласточкѣ и монгольской о журавлѣ и богоргоно обусловлено, вѣроятно, заимствованіемъ, причемъ монгольская сказка имѣетъ наибольшія права на званіе первоисточника. Малорусская сказка слишкомъ коротка, записана въ одномъ только варіантѣ и по существу противорѣчитъ природѣ птицъ: маленькій и слабосильный удодъ поставленъ въ необходимость нести большую сравнительно съ нимъ кукушку, и въ самомъ разсказѣ не дано ни малѣйшаго объясненія, почему выпалъ на его долю такой трудъ. Другое дѣло— монгольская сказка: здѣсь все объяснено и мотивировано: маленькая птичка богоргоно помѣщается на спинѣ сильнаго журавля. Монгольское сказаніе о журавлѣ и богоргоно могло проникнуть въ Малороссію и въ Болгарію,—предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что и самое монгольское названіе журавля леглегъ проникло въ южную Россію и на Балканскій полуостровъ: малорус. лелека — журавль,

великор. лелекъ, южно—слав. и румынское лилякъ—летучая мышь, ново—греч. и албан. лелекъ—журавль; на Кавказѣ въ кюринско-ахтинск. нарѣчіи леглегъ — журавль; якутское лыглыкъ — лѣсная утка (*Потан.*, 707).

169.

О происхожденіи и значеніи слова харцызъ.

Въ XVIII ст., съ упадкомъ козачества, развилось въ Малороссіи гайдамачество. Нельзя отрицать присутствія въ гайдамачествѣ политическаго элемента, въ смыслѣ религіозно-національнаго протеста украинскаго народа противъ гнета панства; но элементъ этотъ въ значительной степени былъ затушованъ отрицательными въ нравственномъ отношеніи свойствами гайдамачества. „Нельзя не видѣть въ гайдамачествѣ, говоритъ г. Скальковскій, иныхъ инстинктовъ низкаго свойства, обыкновеннаго хищничества, свирѣпаго мщенія, дикаго своеволія, бродяжничества и склонности пожить на распашку путемъ грабежа и разбоя, причемъ жизнь чужая и собственная ставилась ни во что". (*Скальк.* въ Кіев. Стар. 1885, X, 278).

Г. Скальковскій говоритъ, что гайдамаки въ Молдавіи и на Азовскомъ побережьѣ назывались харцызами. Но этотъ терминъ въ значеніи разбойника и грабителя распространенъ былъ въ Малороссіи довольно широко и въ частности встрѣчался въ б. Слободской Украинѣ. Въ статьѣ Г. Ѳ. Квитки о Головатомъ: „Мать моя еще въ дѣтствѣ напугана была разсказами о проказахъ отличавшагося тогда знаменитаго Гаркуши и другихъ гайдамакъ и „харцызовъ — запорожцевъ". Няни... пересказывали со всей подробностью, какой разбойникъ и когда, при мятели или въ ненастье, всегда подъ-вечеръ, являлся къ помѣщику въ видѣ господина или бѣднаго странника, просилъ убѣжища на ночь и потомъ убивалъ всѣхъ домашнихъ и забиралъ все, найденное имъ" (*Квитка*, Пов. и разск., III, 4). Слово харцызъ оставило слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ южной Россіи (напр. с. Харцызское екатериносл. губ.) и въ фамильныхъ прозвищахъ крестьянъ.

Слово харцызъ — монгольское. Въ словарѣ Миклошича (D. Fremdwörter) оно не отмѣчено. Любопытно основное монгольское зна-

ченіе его—соколъ. Въ монгольской сказкѣ про Шытыкуръ—бурхана китайскій знахарь обращается въ сокола (харцигу) и преслѣдуетъ монгольскаго богатыря, который уходитъ отъ него въ видѣ маленькой птички (*Потанинъ*, Очерки сѣв.—зап. Монголіи, 533).

Харцызомъ названъ у татаръ наѣздникъ быстрый и храбрый, какъ соколъ, названіе весьма характерное для монгольскаго хищника, и, можетъ быть, въ такомъ же значеніи оно усвоено было отъ татаръ малороссами и примѣнялось первоначально, вѣроятно, къ отдѣльнымъ хищникамъ и грабителямъ, а затѣмъ стало общимъ названіемъ для разбойниковъ и разбойничьихъ шаекъ вообще.

170—171.

Изъ остатковъ жертвоприношенія животныхъ.

Въ Малороссіи сохранилось немного обрядовыхъ остатковъ бывшихъ нѣкогда у русскихъ славянъ жертвоприношеній животныхъ. Болѣе всего такихъ остатковъ сохранилось въ свадебныхъ обрядахъ (обрядовое употребленіе пѣтуха или курицы, сажаніе молодыхъ на шубу, положенную мѣхомъ вверхъ) и кое-что въ рождественскихъ обрядахъ (обрядовое употребленіе свинины). Изъ этихъ остатковъ можно вывести то заключеніе, что въ лѣтніе праздники, когда совершались и бракосочетанія, жертвенными животными были преимущественно бараны и пѣтухи, а въ зимній праздникъ солнцеворота—преимущественно, если не исключительно, кабанъ или свинья. Эти обрядные остатки жертвоприношеній животныхъ еще въ большемъ количествѣ сохранились въ Великороссіи, Сербіи и Чехіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что при закланіи жертвенныхъ животныхъ въ древности соблюдались разныя манипуляціи, тѣлодвиженія, заклинанія и молитвословія, съ цѣлью привлечь вниманіе божества. Несомнѣнно также, что употребленіе въ пищу жертвеннаго животнаго обставлено было торжественной обрядностью, и остатки жертвеннаго животнаго получали мистическое значеніе священныхъ предметовъ, содѣйствующихъ личному и семейному благосостоянію. Обрывками жертвеннаго ритуала и связанныхъ съ жертвенными животными повѣрій можно считать два слѣдующихъ мотива, одинъ пѣсенный, другой—сказочный.

1) Бросаніе золы въ лице солнца. Въ прекрасной по мысли и изложенію галицко-русской пѣснѣ „Війте, дѣвойки“ находится, между прочимъ, слѣдующій куплетъ:

Ей скаржилось свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати,
Бо зли газдыни понаставали:
Въ пятойку рано хусты зваряли,
А ми на лице золу выливали».
«Свиты, сонейко, якъ есь свитыло;
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди». (*Головац.*, II, 243).

Въ пѣснѣ „Війте, дѣвойки“ слиты черты древняго языческаго религіознаго міросозерцанія и жертвенной обрядности съ поэтическимъ мотивомъ апокрифическаго сказанія „Видѣніе ап. Павла“ о жалобѣ земли на грѣхи человѣческіе. Объ апокрифической части этой пѣсни я говорилъ уже въ соч. „Очеркъ ист. южнорус. апокр. сказ. и пѣс.“ стр. 12—17.

Въ пѣснѣ „Війте, дѣвойки“ сохранилась глубоко-древняя религіозно-миѳическая черта, именно, въ выраженіяхъ пѣсни, что люди, работая въ воскресенье, бросаютъ въ лице солнца дрова, золу, волоса. Такое бросаніе въ лице солнца разныхъ предметовъ въ языческой древности было весьма обычно, какъ внѣшняя форма жертвоприношенія солнцу. И въ настоящее время монгольскіе шаманы, призывая въ молитвахъ солнце, плескаютъ вверхъ молокомъ, что служитъ жертвоприношеніемъ молока солнцу. Съ этимъ обыкновеніемъ по значенію тождественъ славянскій обычай плескать виномъ вверхъ на свадьбахъ и обычай поднимать ребенка вверхъ на крестинахъ, причемъ въ послѣднемъ обычаѣ обнаруживается символическое посвященіе человѣка Богу и призывъ на него высшей благодати.

Любопытное сходство съ галицко-русской пѣсенной жалобой на домохозяекъ, выливающихъ въ лицо солнца золу, представляетъ повѣрье американскихъ индѣйцевъ хазіевъ, что теща бросила мѣсяцу въ лицо золу, и оттого произошли на лунѣ пятна (G. de Rialle, La mythol. comp., cit. у *Потанина* въ Очерк. сѣв.-зап. Монг., IV, 708).

2) *Сохраненіе костей быка.* Въ сказкѣ про Ивана Царевича, его сестру и змѣя дѣти уходятъ отъ змѣя съ помощью бычка. Доставивъ ихъ въ безопасное мѣсто, бычокъ сказалъ: „Я вже не хочу жить на свити, зарижьте мене, мясо поижте, а кистки въ стриху заткнить; то выросте изъ моихъ кистокъ чуйко и буйко (собаки). Воны вамъ стануть въ великій пригоди“ (*Чубинскій*, II, § 48). Этотъ сказочный мотивъ не устойчивъ, и въ варіантахъ сказки (*Чубинскій*, ib. № 24, 38, 142) изъ остатковъ быка выростаетъ чудесное дерево. Въ той подробности, что „кости быка затыкаютъ въ стриху“ (т. е. подъ крышу въ солому), можетъ быть, скрывается обломокъ сохраненія костей жертвеннаго животнаго. Монголы (дюрбуты) вѣшаютъ кость на двери юрты и привязываютъ къ кости деревяшку; этотъ снарядъ долженъ отгонять отъ юрты злаго духа (*Потанинъ*, 132,708). Возможно, что и въ южной Россіи въ древности кости жертвеннаго животнаго разносили по домамъ, гдѣ онѣ имѣли значеніе домашняго талисмана, охранявшаго жилище отъ козней злыхъ духовъ и злыхъ людей, на подобіе тѣхъ домашнихъ талисмановъ, о которыхъ мы упоминали въ 36 и 37 №№ „Культ. переживаній“.

172—175.

Украинскій народный массажъ. Чесаніе пятокъ. „Сканіе“ въ головѣ. Медвѣжій массажъ. Сѣченіе крапивой.

Въ народной медицинѣ массажъ занимаетъ важное мѣсто; въ особенности часто и охотно прибѣгаютъ къ нему знахарки. Техника народнаго массажа разнообразна; большею частью прибѣгаютъ къ растиранію или поглаживанію, иногда къ постукиванію и поколачиванію, преимущественно при болѣзняхъ зубовъ, горла и желудка. При зубной боли слегка придавливаютъ пальцами щеки и челюсти. При опухоли шеи растираютъ опухоль пальцами, причемъ наибольшій успѣхъ приписывается тѣмъ женщинамъ, которыя задавили крота, схвативъ его за горло пальцами (см. 154 № Культ. переж.) При болѣхъ желудка животъ растираютъ ладонями, причемъ иногда смазываютъ ихъ деревяннымъ масломъ. Облегчающее дѣйствіе большею

частью приписывается заговору или молитвѣ, которыми почти всегда сопровождается простонародный массажъ.

Легкое поглаживаніе кожи дѣйствуетъ и на здороваго человѣка успокаивающимъ образомъ, навѣваетъ дремоту и клонитъ ко сну. Въ Малороссіи существовало два пріема массированія для удовольствія: чесаніе пятокъ и „ськаніе“ въ головѣ. Первый пріемъ, кажется, вполнѣ прекратился, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, и въ послѣднее время о немъ не слышно. Въ „Мертвыхъ Душахъ“ Коробочка спрашиваетъ Чичикова: „Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ“. Любопытно, что чесаніе господскихъ пятокъ рабами нынѣ встрѣчается у дикихъ племенъ Африки.

Гораздо устойчивѣе оказалось „ськаніе“ въ головѣ, и теперь этотъ усыпительный массажъ весьма обыченъ въ Малороссіи. Въ свободное время дѣвушки „ськаютъ у своихъ матерей, матери у любимыхъ сыновей, жены у мужей, большею частью младшіе члены семьи у старшихъ. „Ськаніе“ состоитъ въ томъ, что понемногу переставляютъ конецъ гребня съ одного мѣста головы на другое, по-временамъ придавливая имъ кожу, хотя бы подъ гребнемъ ничего не было. Въ народныхъ пѣсняхъ „ськаніе“ встрѣчается въ смыслѣ выраженія ласки и любви. „Ськаніе“ встрѣчается и въ миѳическихъ сказкахъ, какъ бытовая черта. Такъ, въ малорусской сказкѣ о „Царь-змѣ“ (у *Чубинскаго*, II, 135) похищенная змѣемъ красавица говоритъ змѣю, что ей приснился чудный сонъ: „А ну, ну, роскажы, каже змій; тилько пидожды трохи, я ляжу, а ты мени поськай да и роскажешъ. Сила вона ему ськаты та и каже“... Сходный мотивъ встрѣчается въ одной грузинской сказкѣ: отецъ говоритъ дочерямъ: „У меня тѣло чешется, приходите почесать меня“. Старшая дочь, почесавъ у отца затылокъ, достала яблоко, спрятанное ея отцомъ подъ воротникомъ, средняя и младшая достали по яблоку изъ-за пазухи своего отца“ (*Сборн.* матер. о Кавк. X, отд. III, 62). Очевидно, однако, что это не малорусское „ськаніе“, которое ограничивается исключительно головными волосами.

Замѣтимъ здѣсь еще, что въ старинное время, когда по южной Руси водили медвѣдей, существовалъ очень странный способъ медвѣжьяго массажа: лица, страдавшія болью спины или поясницы, ло-

жились на землю и черезъ нихъ переводили медвѣдя. Произошелъ ли этотъ способъ лѣченія отъ древняго миѳическаго возвеличенія медвѣдя или здѣсь на медвѣдя перенесено понятіе о томъ, что растираніе облегчаетъ иногда боли спины и поясницы—трудно рѣшить вполнѣ точно.

Возбужденіе дѣятельности кожи и мускуловъ посредствомъ бани и вѣника, что такъ обычно въ сѣверной Россіи, въ южной Россіи народу неизвѣстно, точнѣе, не усвоено имъ. Изрѣдка встрѣчается въ Малороссіи лѣченіе болѣзней посредствомъ сѣченія крапивой; но при этомъ нѣтъ фактовъ для рѣшенія, народный ли это обычай искони, или онъ проникъ въ средній классъ общества и народъ изъ старинныхъ лѣчебниковъ. Въ Западной Европѣ еще въ 1705 г. вышло сочиненіе Мейбома „О пользѣ сѣченія въ медицинѣ, брачныхъ удовольствіяхъ и въ отправленіяхъ поясницы и почекъ“ (*Dujardin-Beaumetz*, Примѣн. массажа, 66).

Нѣкоторые пріемы малорусскаго массажа отвѣчаютъ тому, что извѣстно о массажѣ древнихъ народовъ Востока, древнихъ грековъ и современныхъ народовъ Африки и Океаніи. Въ Таити, въ Новой Зеландіи и въ другихъ мѣстахъ Океаніи дикари примѣняютъ массажъ при лѣченіи болѣзней. Такъ, на о. Тонгѣ въ Океаніи продѣлывается манипуляція, состоящая въ постоянномъ, но нѣжномъ постукиваніи кулаками (на языкѣ медиковъ перкуссія). Другая манипуляція представляетъ легкое разминаніе и растираніе. Въ Новой Голландіи—то же самое; и тамъ массажемъ занимаются преимущественно знахари. Слѣды массажа попадаются въ медицинѣ многихъ народовъ; причемъ способы массированія видоизмѣняются сообразно съ климатомъ и темпераментомъ. На востокѣ, гдѣ кровообращеніе кожи очень дѣятельно и гдѣ кожу нужно освобождать отъ всѣхъ нечистотъ, являющихся (отчасти) результатомъ повышенія ея функціи, преобладаютъ слабыя растиранія; у народовъ сѣвера приходится возбуждать кожное кровообращеніе... Въ Китаѣ и въ Индіи издревле существовали разные пріемы массажа. Особенно важное значеніе гимнастика и массажъ имѣли у грековъ. Одинъ случай древне-греческаго массажа, описанный Гиппократомъ, весьма напоминаетъ современное примѣненіе массажа малороссами при болѣзняхъ желудка, когда выливаютъ переполохъ или заговариваютъ сояшницы. Въ Эллисѣ, гово-

воритъ Гиппократъ, жена садовника страдала febris continua. Слабительныя, которыя она принимала, не принесли ей ни малѣйшаго облегченія. На животѣ подъ пупкомъ находилось затверденіе, подымавшееся надъ уровнемъ живота и причинявшее сильнѣйшія боли. Это затверденіе было сильно разминаемо руками врача, смазанными масломъ. Вслѣдствіе этого разминанія кровь пошла низомъ. Женщина эта поправилась и выздоровѣла" (*Dujard.-Beaumetz*, 66).

Практическое примѣненіе массажа на западѣ и въ Россіи долгое время оставалось исключительно въ рукахъ народа и предоставлялось деревенскимъ знахарямъ. Только съ шестидесятыхъ и особенно съ послѣднихъ восьмидесятыхъ годовъ массажъ пріобрѣлъ права гражданства въ наукѣ и перешелъ въ медицинскую практику.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отъ Случи до Буга.

Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго.

(Съ польскаго).

I.

Если, вооружившись перомъ или кистью, задумаешь, читатель, посѣтить степи подольской украины или дѣвственныя черноморскія равнины, вниманіе твое невольно остановится сперва на очаровательномъ преддверіи этой мѣстности—стародавней Волыни. Историкъ, художникъ и простой туристъ встрѣтятъ здѣсь неизсякаемый матеріалъ для наблюденія и изученія. Обширный край, охватывающій пространство между юж. Бугомъ и Тетеревомъ, представляетъ поразительное разнообразіе въ характерѣ ландшафта. Ѣхать ли старымъ почтовымъ трактомъ поближе къ галицкой границѣ, нестись ли на крыльяхъ пара серединою страны, въ направленіи полѣсскихъ мочаровъ—всюду встрѣтишь и живописные виды, и многолюдныя села, и шумныя мѣстечка, и неизгладимые слѣды великаго историческаго прошлаго. Предъ умственнымъ взоромъ путешественника, сколько-нибудь знакомаго съ исторіей края, возстаютъ изъ полусказочнаго тумана лѣтописные дулебы, дикіе обры, впрягавшіе въ возы дулебскихъ женъ, бурливые варяги, Игорь, Ольга, Владиміръ... Кровавыя дѣянія варяжскаго времени, удѣльно-вѣчевая

напряженная борьба, татарское лихолѣтье смѣняются военными подвигами гедиминовичей, осѣвшихъ на Дорогобужѣ, Пересопницѣ, Клевани, Черторыѣ, Степани, Овручѣ. Ожесточенная борьба Литвы съ Польшей изъ-за Волыни, пріутихшая нѣсколько послѣ Ягайла, паденіе желѣзнаго режима рюриковичей и гедиминовичей расчищаетъ почву для позднѣйшаго польскаго можновладства, соединившаго въ себѣ самые разнообразные элементы: потомковъ старинныхъ бояръ и древнихъ княжескихъ родовъ, и прибывшихъ изъ Польши магнатскихъ семей, всѣхъ этихъ Острожскихъ, Заславскихъ, Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ, Збаражскихъ, Рожинскихъ, Гольшанскихъ, Дубровецкихъ, Сангушковъ, Четвертинскихъ, Воронецкихъ, Порицкихъ, Курцевичей, Капустъ, Корецкихъ, Сокольскихъ, Дзялынскихъ, Остророговъ, Мацѣевскихъ, Нечуевъ и т. д. Результатомъ этого роста можновладства и скопленія огромныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ фамилій было возникновеніе обширныхъ магнатскихъ дворовъ и замковъ среди богато-одаренной, прекрасной природы Волыни. Города съ роскошными церквями и монастырями, неприступныя крѣпости, роскошнѣйшіе замки и дворцы съ давнихъ поръ составляли предметъ удивленія путешественниковъ по Волыни. Но времена измѣнились. Исчезли большею частью безслѣдно старинные магнатскіе роды, колоссальныя состоянія, католическіе монастыри и церкви, пали въ прахъ стародавніе замки и палацы. И однако эти руины башенъ, раскопанные валы, поврежденныя временемъ и людьми могилы, раскопанные курганы, полуистлѣвшія хроники, грамоты, привилегіи, печати княжескія, королевскія, гетманскія, разсѣянныя въ мѣстныхъ архивахъ, невольно влекутъ къ себѣ пытливое чувство потомка, заставляютъ тяжко призадуматься надъ прошлымъ...

Поѣздъ желѣзной дороги высадилъ меня и моего спутника, молодого художника изъ школы Матейки, на ст. Мирополѣ, откуда намъ предстоялъ дальнѣйшій путь на лошадяхъ. Въ десяти верстахъ къ югу отъ Мирополя лежитъ село Ульха, составляющее какъ бы границу между коренною Волынью и волынскимъ полѣсьемъ. Особенности не только почвы, флоры и ландшафта, но и характера сельскихъ построекъ и типа мѣст-

наго населенія заставили насъ начать наше путешествіе именно съ этой полѣсской деревни.

Въ качествѣ завзятыхъ охотниковъ, мы задумали поразвлечься дорогою въ знаменитыхъ славутскихъ пущахъ кн. Сангушка, богатыхъ разнаго рода дичью. На вокзалѣ договорили возницу изъ мѣстныхъ крестьянъ. Какъ человѣкъ знакомый съ мѣстностью, онъ доставилъ насъ кратчайшимъ путемъ до мѣстечка, а затѣмъ вдоль серебристой ленты усѣянной скалами Случи, за шумнымъ, наполненнымъ евреями рынкомъ мѣстечка, выѣхалъ на длинную сельскую улицу съ бѣлыми домиками и цвѣтущими садами по сторонамъ. Тутъ ожидалъ насъ самый непріятный сюрпризъ.

Еще при нашемъ выходѣ изъ вагона на ст. Мирополѣ, на небосклонѣ показались зловѣщія тучки лилово-бураго цвѣта; духота стояла въ воздухѣ, рѣчныя чайки жалобно стонали надъ сонной поверхностью рѣки. При выѣздѣ на миропольскую околицу, грозно потемнѣвшее небо освѣтилось тысячью огней, загремѣлъ громъ и пошелъ настоящій ливень.

Услужливый возница Дмитро поспѣшно укрылъ намъ ноги свитою, пустилъ въ ходъ кнутъ и у воротъ своей хаты, стоявшей особнякомъ у дороги, пригласилъ насъ къ себѣ:

— До мене, панычи, въ гости!

На дворѣ стояла настоящая тьма, когда мы среди ливня переступили порогъ дмитровой хаты. Ѣхать далѣе оказывалось невозможнымъ. Лошадей и повозку поставили въ сарай, а мы съ дорожнымъ богажемъ, промокшіе до костей, должны были расположиться подъ кровомъ нашего хозяина.

Въ чистенькой, свѣже вымазанной бѣлою глиною избѣ мы застали хозяйку, взрослую дочь и двухъ малолѣтнихъ сыновей. Видная собою и моложавая Дмитриха поджидала съ ужиномъ мужа, который отвезъ кого то на станцію и случайно подрядился доставить насъ въ Ульху.

Неожиданное увеличеніе числа гостей нимало не затруднило нашей хозяйки: содержимымъ кипѣвшаго въ печи почтенныхъ размѣровъ горшка можно было насытить хоть полдюжины голодныхъ желудковъ, а шипѣвшіе рядомъ традиціонные греч-

невые вареники съ сыромъ могли съ избыткомъ удовлетворить самый изысканный вкусъ какъ домашнихъ, такъ и гостей.

Въ то время, какъ на дворѣ злобствовала буря, а освѣщаемыя молніей оконца избы дрожали отъ громовыхъ раскатовъ, мы, голодные, измученные и иззябшіе, поспѣшно усѣлись вокругъ стола, накрытаго бѣлоснѣжною скатертью. Я сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ подъ образами, съ правой стороны мой спутникъ, за нимъ осьмнадцатилѣтняя Настя, а слѣва хозяинъ съ господыней и дѣтьми.

Горячее и вкусно приготовленное кушанье, радушныя лица гостепріимныхъ хозяевъ, оживленный разговоръ о мѣстныхъ дѣлахъ вскорѣ заставили насъ забыть о постигшемъ приключеніи. Утоливъ голодъ и заинтересованные бесѣдою, мы какъ то сблизились съ хозяевами. Словоохотливый Дмитро сообщилъ мнѣ объ урожаяхъ, о скотскомъ падежѣ, о богатствѣ мѣстнаго священника; Дмитриха—о чудесныхъ лѣкарствахъ знахарки Макрыны и о претендентѣ на руку Насти Лаврѣ Семенюкѣ; мы въ свою очередь—о далекихъ краяхъ за Бугомъ, о моемъ давнемъ знакомствѣ съ ульшанскимъ помѣщикомъ, и т. д.

Послѣ ужина нашъ кружокъ еще увеличился съ прибытіемъ двухъ новыхъ гостей. Первымъ явился бравый Лавро, поклонникъ Насти; вслѣдъ за нимъ нѣсколько тяжело и медлительно переступилъ высокій порогъ хаты восьмидесятилѣтній старикъ Петръ Рыхлинскій, квартировавшій у грабовскаго побережника изъ сосѣдняго лѣса, также пригнанный бурей подъ кровлю Дмитра. Онъ возвращался, какъ объяснилъ тотчасъ-же, изъ миропольскаго палаца, куда ходилъ просить у графа дубка для своего гроба. „Съ великимъ трудомъ, *пане мылостывый*—разсказывалъ съ трудомъ на польско-русскомъ нарѣчіи этотъ крестьянинъ-шляхтичъ—добрался я *до графивъ*, но не засталъ ихъ дома. *Дворня сподиваеться*, что они скоро будутъ, а тѣмъ временемъ смерть можетъ захватить *старого дида*, и старыхъ костей некуда будетъ спрятать“.

Высокая фигура старика, длинная борода, выразительныя черты лица, „постолы“ на ногахъ и оборванная коричневая свитка—производили такое характерное впечатлѣніе, что я не-

вольно заинтересовался новымъ гостемъ, а мой коллега, въ то время, какъ старикъ, опираясь на высокую палку, сушилъ у догоравшей печки свои промокшія плечи, наносилъ на бумагу его оригинальную фигуру, при скупомъ освѣщеніи хаты.

— Гарненько панычъ пыше старого — замѣтилъ стоявшій по близу нареченный Насти, поглаживая выступавшіе надъ коралловыми губами усики и меланхолически разсматривая своими небесно-голубыми глазами рисунокъ художника.—Може панычъ часу не пошкодуе и мою гарную дивчыну напыше.

— Теперь, мой хлопче — отвѣчалъ я—этотъ господинъ усталъ съ дороги; черезъ нѣсколько дней мы вернемся изъ Ульхи въ Мирополь и тогда срисуемъ васъ обоихъ.

Лавро низко поклонился, благодаря за обѣщаніе, сѣлъ на лавкѣ подлѣ невѣсты и началъ что то напѣвать тихимъ, задумчивымъ голосомъ. Въ этомъ юношѣ, какъ у всѣхъ вообще молодыхъ крестьянъ въ степной Руси, соединялось два противоположныхъ качества страстной души: отвага, доходящая до безумія, и грусть, граничащая съ какой то нѣжной меланхоліей. И хотя онъ сидѣлъ рядомъ съ невѣстой, съ которой долженъ былъ вѣнчаться черезъ нѣсколько недѣль, но его видимо влекло куда то вдаль, какая то сила какъ будто толкала его отсюда въ неизвѣданные края, на встрѣчу невѣдомымъ опасностямъ. Быть можетъ, въ этомъ настроеніи невольно отражается историческое прошлое народа...

Я невольно обратилъ вниманіе на тихіе напѣвы влюбленнаго юноши и рѣшился просить его спѣть что-нибудь погромче. Онъ отказывался долго, но наконецъ уступилъ просьбѣ своей дивчыны и звонкимъ голосомъ, переходящимъ въ баритонъ, началъ пѣсню, но не на чисто-волынскомъ, а скорѣе на полѣскомъ нарѣчіи. По окончаніи пѣсни, Рыхлинскій, терпѣливо служившій до тѣхъ поръ моделью для художника, сѣлъ на лавкѣ для отдыха и началъ подробно объяснять, почему Лавро пѣлъ не мѣстную пѣсню. Тутъ мы узнали между прочимъ, что покойные родители Лавра вышли изъ глубины Полѣсья и поэтому дѣти одинаково хорошо владѣли обоими нарѣчіями.

— Колы вже такъ—сказалъ старикъ Лавру—то заспивайте панычамъ и тутешнюю мыропильскую письню.

Юноша подумалъ, кашлянулъ раза два и, улыбаясь Настѣ, снова началъ пѣть, но этотъ разъ на чистѣйшемъ волынскомъ нарѣчіи.

По окончаніи пѣнія Настя слегка ударила Лавра по плечу, какъ бы упрекая его за выборъ грустной думки. Рыхлинскій, подмѣтивъ, съ какимъ интересомъ я слѣжу за этой нѣмой сценой, шепнулъ мнѣ на ухо, что Дмитро долго не соглашался отдать дочь за Лавра, бѣднаго сироту, но когда умеръ у него старшій сынъ и оставилъ отца безъ поддержки, Дмитро смягчился, расчувствовался слезами Насти и согласился на все, а послѣ свадьбы молодой зять долженъ былъ поселиться въ домѣ тестя.

Непогода по прежнему бушевала на дворѣ, а козацкія думки Лавра хватали за сердце. Хотя часы наши показывали уже девять, и старый Дмитро съ женой и дѣтьми уже дремали на „прыпичку“, я съ своимъ коллегою, молодой парочкой и жильцомъ побережника, уже мало нуждавшимся въ снѣ, забыли и думать объ отдыхѣ, увлеклись оживленной бесѣдой.

Когда Настя, обрадованная неожиданной вечеринкой, начала поддразнивать своего жениха и не безъ лукавства улыбаться красивому панычу, который обѣщалъ вскорѣ нарисовать ея портретъ,—разсудительный и строгій Рыхлинскій заявилъ поучительнымъ тономъ, что не всѣ Насти были такъ счастливы и веселы, какъ она: въ старинномъ селѣ Черторыѣ, что въ нѣсколькихъ верстахъ за Мирополемъ, жила нѣкогда княгиня Настя, о печальной судьбѣ которой и донынѣ ходятъ страшные разсказы. Дмитрова дочка знала уже отчасти эту исторію, но чтобы запомнить ее лучше, или же съ цѣлью развлечь гостей, она стала упрашивать старика разсказать все подробно.

Рыхлинскій только того и ждалъ—онъ былъ извѣстенъ кругомъ какъ балагуръ—потеръ морщинистыя руки, взялъ добрую дозу табаку изъ березовой табакерки и, осушивши рюмку нашей дорожной анисовки, разсказалъ намъ ломанымъ польскимъ языкомъ такую легенду:

— За нашихъ прапрадидивъ, надъ той быстрой рѣчкой Случью стояло городище княгини Насти, по имени Горбовыця. Изъ далекой земли пришелъ подъ валы того замку съ дружиною грозный для всей здѣшней стороны ворогъ Бонякъ и почалъ садыбу биднои княгыни штурмомъ браты. Святая женщина храбро отбивалась отъ ворога, но дивчына такъ му ся подобала, что завзятый не хотѣлъ отступить. Долго ся тягнула та даремна осада городыща. Обезумѣвшій отъ любви ворогъ послалъ сватовъ до княгини, предлагая вѣчный миръ, но въ тоже время прося руки. Для щастья своёго люду приняла предложеніе княгыня Настя и вскорѣ отдала руку поганому и злому якъ дидько Боняку. Но доброта и кротость Насти ни къ чему не послужили. Когда новый панъ почалъ людей околичныхъ мордовать и губить, а жинка его мылосердна за своихъ подданныхъ завзято вступаться—схватилъ ее изъ роднаго гнѣзда, увезъ куда то въ далекую сторону и тамъ на дорогѣ велѣлъ своимъ гайдамакамъ замордовать ее. Но Настѣ на тотъ разъ удалось таки убѣжать отъ рукъ поганыхъ и скрыться ночью въ чудновскихъ лѣсахъ. Бонякъ догналъ ее въ ярахъ надъ Тетеревомъ, повеливъ привязать до дерева и позорно заморить голодомъ. Умирая бѣдняга пролывала слезы и зъ тыхъ то слизъ зробывся ручей, чыстій якъ душа княгыни води; и досі ручей той зоветься „крыныця Насти“. Тотчасъ послѣ ея смерты вся околыця сложилась и на память выбудовала ей богатый храмъ. Но тутъ еще не конецъ, паны мылостывыи, той дивной исторіи. Ото завистный дидько, вмѣшавшись въ ту справу, въ одну прекрасную ночь почалъ будовать на Случи каменную греблю, чтобы прекратить тѣмъ способомъ теченіе воды, залить всѣ окрестности и разруйнувать святый храмъ и Настыну крыныцю. Не удала ся лыху чорна робота: пѣтухъ запѣлъ, дидько мусивъ утикать и только куча камня осталась на память его злыхъ замысловъ. Чтобы увѣковѣчить память всего этого, околичные люде прозвали городыще Горбовыцю Чорторыей, и только самая крыныця да недалеко отъ нея стоящія на трактѣ чудновскомъ Настыни корчмы навсегда носятъ имя уморенной голодомъ княгыни...

Старикъ окончилъ легенду уже полусоннымъ голосомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ немедленно занялъ назначенное для него мѣсто на „прыпичку“, Лавро ушелъ въ братнюю хату, а мы удобно расположились на дубовыхъ лавахъ, настланныхъ пахучимъ сѣномъ.

II.

Вся семья Дитира поднялась спозаранку. Послѣ ночной бури настало ясное, великолѣпное утро. Когда домашняя сутолока пробудила меня съ товарищемъ отъ сладкаго сна на пахучемъ сѣнѣ, неутомимая хозяйка уже кипятила для насъ свѣжее молоко, Настя подметала хату, а отецъ готовилъ повозку и тройку лошадей въ дорогу.

Солнце ярко свѣтило, когда мы усѣлись въ вымощенной на славу повозкѣ и, распрощавшись со всѣми, оставили гостепріимный кровъ. Дорога отъ Ульхи до Романова была залита лужами воды и грязи, но съ окрестныхъ полей и дубовыхъ рощъ повѣяло на насъ ароматомъ обновленной природы. Теплый вѣтеръ слегка колыхалъ верхушки степныхъ колокольчиковъ и огромныя головки пахучихъ одуванчиковъ у опушки обширнаго миропольскаго лѣса. Эта пуща, тянущаяся на пространствѣ полуторы мили, была первымъ признакомъ близости Полѣсья. Изрѣдка лишь на прогалинахъ показывалась засѣянная нивка или небольшая лужайка, поросшая огромной травой и „будяками“, а затѣмъ лѣсъ и лѣсъ безъ конца, вплоть до границы ульшанскаго имѣнія.

Лишь только изъ-за вѣковыхъ дубовъ показались поля и разсыпанные подъ лѣсомъ надворныя постройки, тотчасъ же на фонѣ садовыхъ деревьевъ забѣлѣли столбы воротъ палаца съ бронзовыми урнами наверху, а за ними высокія башенки въ готическомъ стилѣ.

Давно еще, когда потомки богатаго владѣльца Котельни подѣлились отцовскимъ добромъ, одинъ изъ нихъ, Премыславъ II., получилъ село Ульху на Полѣсьи, въ ту пору еще неустроенное. Вскорѣ все приняло здѣсь другой видъ. Молодой владѣ-

лецъ Ульхи и Черторыи съ энергіей принялся за работу, выстроилъ съ теченіемъ времени палацъ и хозяйственныя постройки, развелъ сады, построилъ бесѣдки, оранжереи. Дворецъ устраивался въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ. Самые разнородные стили: барокко, готическій, старо-французскій и др. создали чрезвычайно оригинальное цѣлое, чарующее взоры и придающее этой деревенской усадьбѣ видъ средневѣковаго замка. Для дополненія картины слѣдуетъ еще прибавить ряды обстриженныхъ и старательно поддерживаемыхъ аллей, высоко бьющіе фонтаны, прекрасныя лужайки, цвѣтники и обсаженныя виноградомъ бесѣдки,—все это давало надлежащій фонъ для оригинальнаго архитектурнаго сооруженія—палаца.

Любезно принятые хозяевами, моими давними знакомыми, мы не преминули во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣть внутренность палаца, паркъ и берега Случи. Обширныя комнаты, напоминавшія убранствомъ внутренность всѣхъ вообще старинныхъ волынскихъ замковъ, были наполнены огромными картинами въ широкихъ золоченныхъ рамахъ, зеркалами во всю стѣну, канделябрами, люстрами, круглыми столиками съ инкрустаціей, диванами и часами самыхъ разнообразныхъ формъ. Картины—большею частью копіи работъ извѣстныхъ художниковъ или гравюръ—заслуживали тѣмъ большаго вниманія, что почти всѣ онѣ принадлежали мѣстнымъ художникамъ, которые могли бы имѣть иную будущность, получи они правильное образованіе.

Въ массѣ осмотрѣнныхъ рѣдкостей Ульхи особенно остались у меня въ памяти: boiserie въ столовой съ гербами почти всѣхъ волынскихъ знатныхъ фамилій; огромный канделябръ мѣстной работы, составленный изъ разнаго рода древняго оружія, весьма удачная копія съ романовской модели, представляющей полное вооруженіе польскаго рыцаря; огромныя, вывезенныя изъ Романова послѣ раздѣла зеркала и бронзовые канделябры надъ каминами; картина Страшинскаго, нѣсколько идиллическаго содержанія; великолѣпная спальня хозяина съ шелковымъ балдахиномъ и занавѣсками и наконецъ эффектныя разноцвѣтныя окна и двери въ бальномъ залѣ.

Но главную прелесть даетъ ульшанской усадьбѣ самое ея положеніе. Хотя мѣстность нѣсколько низменна и сыровата, а вербы и камыши надъ рѣкой сообщаютъ всему ландшафту характерную полѣсскую сонливость, но, несмотря на это, серебристая змѣйка рѣки, вьющейся среди живописныхъ зарослей парка, а на переднемъ планѣ блистающіе тысячью красокъ роскошные цвѣтники, вьющіяся растенія вдоль бесѣдокъ и господскихъ строеній—создаютъ видъ поистинѣ прекрасный, неотразимо привлекающій взоры.

На четвертый день мы возвратились въ Мирополь. Безъ сомнѣнія, посѣщеніе это составляло пріятнѣйшее время нашего путешествія. Благодаря неисчерпаемой любезности нашихъ хозяевъ, мы имѣли возможность осмотрѣть окрестности и познакомиться съ характерными особенностями края и населенія. Мирольское помѣстье мы нашли въ образцовомъ порядкѣ. Бумажная фабрика, винокурня и мельница новой системы, устроенныя на Случи, дѣйствуютъ какъ нельзя лучше и представляютъ немалую подмогу въ земледѣльческомъ и лѣсномъ хозяйствѣ этого обширнаго имѣнія. О поѣздкахъ нашихъ въ окрестности Мирополя можемъ сказать лишь то, что нѣтъ рѣчки съ болѣе живописными берегами, усѣянными скалами и поросшими лѣсомъ, нежели Случь.

При поѣздкахъ въ окрестности остановили на себѣ особое наше вниманіе Печановка и упомянутая уже выше Черторыя. Въ первой—образцовое хозяйство подъ руководствомъ высокообразованнаго владѣльца; въ Черторыи—измѣнчивыя судьбы этого поселенія, внушившія мнѣ мысль набросать краткій экономическо-историческій очеркъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе послѣдняго.

Широко разросшійся надъ скалистымъ берегомъ Случи поселокъ разбился на два особыя имѣнія—новую и старую Черторыю. Король Александръ, будучи еще вел. княземъ литовскимъ, въ 1499 г. отдалъ это помѣстье нѣкоему Ивашку Дениску Мукосѣевичу. Столѣтіе спустя, въ 1593 г., помѣстье пріобрѣтено у наслѣдниковъ Мукосѣевича для острожскаго майората. Съ упадкомъ послѣдняго, имѣніе вошло въ составъ обширныхъ владѣній рода Прушинскихъ. Нынѣ половина имѣнія, новая

Черторыя, куплена генер. Оржевскимъ; старая—осталась въ рукахъ давнихъ владѣльцевъ. Въ обоихъ имѣніяхъ почва считается одной изъ благодатнѣйшихъ на Волыни. Въ новой Черторыѣ, кромѣ обширныхъ пространствъ плодородной земли, имѣется еще доходное мѣстечко и дворъ помѣщика съ огромнымъ садомъ, громадная американская мельница и значительные удѣльные лѣса,—въ этомъ ея отличіе отъ Черторыи старой.

По отъѣздѣ изъ Мирополя, мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Бердичевъ, а оттуда почтовымъ трактомъ въ глубь Подолья.

III.

За Бердичевомъ, минуя лѣсистые и безлѣсные волнистые холмы, мы въѣхали еще на волынской территоріи въ настоящія украинскія степи. Мой спутникъ, видя вокругъ безбрежныя равнины, воскликнулъ съ восторгомъ: „Наконецъ то мы на Украинѣ!“ — „Ошибаешься — возразилъ я — Украина осталась далеко за Бердичевомъ, мы же ѣдемъ на югъ. Это вовсе не Украина, а степная полоса южной Волыни, которая съ такой же полосой сѣвернаго Подолья тянется непрерывно отъ галицкой границы до предѣловъ горной Украины и представляетъ какъ бы повтореніе надднѣпровской степной полосы“.

Тотъ же обширный горизонтъ, такія же широкія обсаженныя деревьями почтовыя дороги, тотъ же темно-коричневый цвѣтъ плодороднаго чернозема на нивахъ,—недостаетъ лишь историческихъ могилъ, разсѣянныхъ среди степей, нѣтъ овраговъ, рвовъ и частоколовъ, окружающихъ на Украинѣ почти каждую деревню, не встрѣчается и того виднаго, рослаго люда береговъ Роси, Днѣпра, Раставицы и Тыкича, подобнаго которому не найти нигдѣ въ славянскихъ земляхъ. Словомъ, край вдоль бердичевско-литинской дороги напоминаетъ нѣсколько Кіевщину, но только съ отрицательной, а не положительной стороны. Это что то промежуточное, недоконченное, и, какъ всякое переходное явленіе, мало привлекаетъ вниманіе и интересъ.

Уже исчезла изъ глазъ живописная Волынь съ лентами скалистыхъ рѣкъ, замковыми башнями и валами доисторическихъ

городищъ, но еще не показалось роскошное срединное Подолье съ своими величественными дубровами, обширными хрустальными прудами, горными поселками среди безчисленныхъ садовъ. Пока лошади везли насъ по пустой и безлюдной степи, не было матеріала для интересныхъ наблюденій. Нѣсколько повеселѣло на душѣ, когда монотонный почтовый трактъ изрѣдка сталъ оживляться дальними и близкими мѣстечками и поселками.

Первымъ изъ такихъ поселеній былъ довольно многолюдный Райгородокъ. Онъ находится на самомъ трактѣ и состоитъ изъ обширнаго села и собственно ничтожнаго мѣстечка въ серединѣ. Здѣсь намъ пришлось перемѣнить лошадей и совершить вечернее чаепитіе у какого-то еврея-трактирщика. Услужливый мишуресъ во мгновеніе ока подалъ намъ кипящій самоваръ съ приготовленнымъ уже чаемъ. Подкрѣпивъ силы спасительнымъ въ дорогѣ напиткомъ, мы рѣшили осмотрѣть мѣстечко. Къ несчастію, осмотръ былъ непродолжительный, такъ какъ, кромѣ нѣсколькихъ постоялыхъ дворовъ и зданія почтовой станціи, ничего нельзя было увидѣть болѣе интереснаго на грязной и пустынной площади, а отъ помѣщичьей усадьбы отдѣляло насъ далекое пространство и грязная дорога.

Наступали уже сумерки, когда мы оставили Райгородокъ. Переѣхали мостикъ черезъ рѣченку, миновавши послѣднюю хату мѣстечка, затѣмъ встрѣтили по дорогѣ четыре села: Лемиши, Подорожна, Слободка и Петрыковци.

Межъ Петрыковцами и мѣстечкомъ Улановымъ, гдѣ пришлось отдохнуть нѣсколько часовъ на почтовой станціи, насъ застигъ полный мракъ. Луна изрѣдка лишь выглядывала изъ-за тучъ, плачущія березы и широкіе вязы тихо шевелили вѣтвями по обѣимъ сторонамъ дороги, стукъ лошадиныхъ копытъ эхомъ разливался по твердой, какъ асфальтовая улица, дорогѣ и уплывалъ куда то далеко на степи, оголенныя поля, скирды пшеницы, заснувшія села и поросшіе „будяками“ долины....

Мой спутникъ, непривычный къ ѣздѣ на перекладной, волновался, жаловался на боль въ боку и ногахъ. Я утѣшалъ его какъ могъ, указывалъ на пользу поѣздки балагулою въ гигіеническомъ отношеніи. Роскошные степные горизонты, изрѣдка

освѣщаемые луною, нѣсколько развлекали моего коллегу, у котораго невольно вырывались слова удивленія и восторга.

Около полуночи блеснули передъ нами огни изъ оконъ и огромное зеркало пруда. То былъ старинный Улановъ. Мѣстечко съ селомъ и сахарнымъ заводомъ принадлежитъ Августу Мазараки, стоитъ оно надъ р. Сниводомъ. Нѣкогда королевское имѣніе, снабженное замкомъ, въ 1552 г. отдано Сигизмундомъ-Августомъ во вѣчное владѣніе выходцамъ изъ Македоніи Дукатиновичамъ. Къ 1570 году эти пришельцы исчезли безъ вѣсти, какъ видно изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, по всей вѣроятности истреблены татарами. Сигизмундъ III вновь отдаетъ это укрѣпленное мѣстечко каменецкому каштеляну Претвичу изъ Гавронъ, подъ условіемъ возстановленія разореннаго замка. Дальнѣйшія судьбы Уланова въ краткихъ чертахъ таковы: въ 1631 г. нападаетъ на крѣпость Кантемиръ-Ага, царь перекопскій, но замка добыть не можетъ, разоряетъ лишь все окрестъ и возвращается восвояси; Хмельницкій разоряетъ до основанія какъ самый замокъ, такъ и ближній костелъ; въ люстраціи 1765 г. Улановъ названъ главнымъ старостинскимъ городомъ; въ 1775 г. регименгарь великопольской партіи Крашевскій получаетъ улановское старостство пожизненно, а въ 1787 г. имѣніе переходитъ къ его малолѣтнему сыну Людвику на эмфитевтическомъ правѣ.

Нынѣ мѣстечко имѣетъ самый печальный видъ. Отъ замка ни слѣда; лишь обширное село вокругъ, сахарный заводъ и живописные прибрежные виды остановили на себѣ среди ночи на минуту наше вниманіе.

Тогда какъ духъ новаго времени все обновляетъ и преобразуетъ, только почтовыя станціи въ юго-западномъ краѣ сохранили свой исконный патріархальный характеръ, благодаря конечно проведенію желѣзныхъ дорогъ. Все осталось здѣсь по старому: тѣ же убогія постройки, тѣ же разоренные, съ дырявыми крышами сарайчики для лошадей, тѣ же глиняныя мазанки, настоящія лисьи норы, играющія роль квартиръ для оборванныхъ почтовыхъ ямщиковъ. Къ тѣмъ же оригинальнымъ переживаніямъ былого времени слѣдуетъ также отнести и достойное удивленія мирное сожительство христіанской оффиціальности съ еврейскимъ

партикуляризмомъ. Наряду съ почтовыми книгами, таксами и объявленіями можно видѣть приколоченный надъ дверью гвоздиками жестяной ящичекъ съ десятью заповѣдями, мѣдную посуду съ водой для религіозныхъ омовеній, голыхъ дѣтей съ головками чесноку въ зубахъ и пуховики, разбросанные по диванамъ почтовой канцеляріи.

Ночлегъ на улановской почтовой станціи оживилъ въ моей памяти во всей неприкосновенности стародавнія времена, съ той впрочемъ разницей, что исчезли подорожныя, чреватыя такими хлопотами для пассажировъ. Для дополненія нашего археологическаго очерка необходимо прибавить, что въ Улановѣ намъ подали самоваръ съ традиціоннымъ испорченнымъ краномъ и булки традиціонно черствыя, а послѣ чаю указано мѣсто для отдыха на не менѣе традиціонно жесткихъ диванахъ.

Еще до восхода солнца насъ разбудилъ шумомъ своей дѣятельности почтовый *староста*, мы вскочили на перекладную и понеслись по дорогѣ въ Хмельникъ. По пути намъ встрѣтилось лишь два села: съ лѣвой стороны удѣльный Мытникъ, съ правой—нѣкогда шляхетская, нынѣ крестьянская собственность Зозулынци.

IV.

Хмельникъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ родовое гнѣздо Богдана Хмельницкаго, принадлежитъ къ древнѣйшимъ укрѣпленіямъ Подолья. Въ 1796 г. имѣніе подарено имп. Екатериною II кн. Безбородко, затѣмъ перешло во владѣніе генералъ-лейтенанта Левашева, нынѣ же составляетъ удѣльную собственность.

Въ настоящее время сохранилось еще замковое городище надъ Бугомъ и костелъ, основанный въ 1603 г., а въ 1728 г. передѣланный изъ деревяннаго въ каменный. На крутой горѣ городища, покрытой роскошной ростительностью, можно видѣть остатки старинныхъ, нынѣ совершенно забытыхъ фортификаціон-

ныхъ работъ, наружную башню, принадлежавшую къ крѣпости, гдѣ при турецкомъ владычествѣ построена была мечеть, а теперь возведена православная церковь. Поблизу горы стоящій костелъ, окруженный стѣною оригинальной структуры, извѣстенъ въ окрестности нѣсколькими образами итальянскаго письма,— даръ мѣстныхъ помѣщицъ. Кромѣ костела, въ Хмельникѣ двѣ православныя церкви, синагога, немало еврейскихъ каменныхъ домовъ, много погребовъ, заѣзжихъ дворовъ, мельницы и цѣлыхъ три моста на извилинахъ Буга.

Посѣщеніе Хмельника вообще не лишено интереса. Недостатки еврейской кухни въ „заѣздахъ“ вознаграждаются матеріалами на литературномъ и художественномъ полѣ. Мой товарищъ не преминулъ воспользоваться случаемъ. Наша комната находилась въ сосѣдствѣ съ просторной залой, гдѣ расположился какой-то проѣзжій—типическій израильтянинъ. Это былъ очевидно раввинъ или по крайней мѣрѣ *шемешъ* какой то синагоги, ибо по цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ надъ кучей старыхъ книгъ, откуда почерпалъ свои молитвы или какую-либо иную духовную пищу. Дверь изъ нашего корридора въ импровизированную молельную была открыта настежъ, и мой коллега имѣлъ полную возможность схватить черты молящагося семита.

По окончаніи наброска карандашемъ, остальное свободное время мы посвятили обозрѣнію обширнаго и шумнаго мѣстечка. Вниманіе наше было посвящено преимущественно замковому городищу, старинной башнѣ мечети, костелу, содержимому въ великомъ порядкѣ старикомъ—ксендзомъ, рынку съ его удивительнѣйшимъ старомоднымъ крамомъ и еврейскими домиками, и живописнымъ берегамъ пока еще неширокаго Буга. Случилось намъ тоже посѣтить и крестьянскую хату, стоявшую среди села за мѣстечкомъ.

Хозяинъ хаты, Петро Климчукъ, былъ женатъ на второй женѣ. Какъ разъ при нашемъ появленіи онъ держалъ на колѣняхъ блѣднаго шестилѣтняго мальчика, сына отъ первой жены, и кормилъ его „пампушками“ съ чеснокомъ изъ стоявшаго подлѣ горшка. Хозяйка сидѣла въ сторонкѣ на дубовомъ обрубкѣ, убаюкивала собственнаго малолѣтняго ребенка и ссорилась съ

мужемъ. Споръ шелъ изъ-за того, что мачиха заботилась о своемъ дѣтищѣ, а на двухъ дѣтей мужа отъ первой жены не обращала должнаго вниманія.

— Ото, пане мылостывый—жаловался мнѣ бѣдняга, указавъ кресало и губку на столѣ—якъ бы самъ не годувавъ дытыны, то та гадюка цилый тыждень не дала бъ ему и куска хлиба.

— Винъ бы хотивъ, щобъ я свого забула, та тилько коло его щенятъ ходыла. Нехай ему мам' мордуе, каждому свое въ голови.

— Богъ тебе, проклята, покарае. Якъ я умру, а хлопець пидросте, выжене тебе зъ хаты и сконаешъ пидъ плотомъ... Старикъ замолчалъ, поцѣловалъ въ голову накормленнаго сынка, снялъ съ колѣнъ и велѣлъ идти „до садочку, до свои бидной сестры".

Въ отсутствіи обоихъ дѣтей ссора между супругами приняла угрожающей характеръ. Простые люди съ какой то особенной охотой начинаютъ домашнія распри при чужихъ. Посторонніе слушатели какъ будто придаютъ имъ бодрости для свары. Петро высчиталъ всѣ гадости своей злой и дрянной жены; Параска съ неменьшимъ азартомъ упрекала мужа въ лѣности и склонности къ пьянству.

Мы колебались, на чью сторону стать въ этомъ междуусобіи, но по выходѣ изъ хаты наткнулись во дворѣ на сцену трагическаго свойства, доказывавшую какъ нельзя лучше всю преступность Параски.

Въ садикѣ, между лѣсомъ подсолнечниковъ, сидѣла дѣвочка лѣтъ пятнадцати, худенькая и блѣдная какъ смерть, съ синяками на лицѣ; въ золотистые ея локоны вплетены были сухія вѣточки божьяго дерева въ перемежку съ алымъ макомъ. Дѣвчонка съ перепуганнымъ видомъ грызла сѣмечки недозрѣлаго подсолнечника и гнѣвно бросала шелуху въ открытое окно хаты, подъ которымъ сидѣла мачиха. Но особенно поразила насъ дикая пѣсня, которую выводило это странное существо.

Проходившая по улицѣ старая еврейка, заглянувъ въ нашу сторону, замѣтила:

— Поганая мачиха, такъ ту мужнюю дочку била и морила голодомъ, что довела несчастную до сумашествія.

По дорогѣ въ „заѣздъ“, я обратилъ вниманіе коллеги на особенности характера южно-руссовъ. Всѣ страсти выражаются у нихъ порывисто. Если здѣсь народъ *щось* или *когось* ненавидитъ, то такъ какъ Параска—ненавидитъ до безумія; если *щось* или *когось* любитъ, то такъ какъ Петро своихъ дѣтей-сиротъ—любитъ всей душей. Другое мы видимъ надъ Вислой. Хотя гнѣвъ и злоба имѣютъ здѣсь болѣе мимолетный характеръ и не переходятъ въ ненависть постоянную, неискоренимую, но, съ другой стороны, и высокіе порывы сердца отличаются у надвислянскаго люда меньшей энергіей и постоянствомъ. Въ Мазовіи, напримѣръ, мужъ прекрасно уживается съ произволомъ мачихи относительно пасынка или падчерицы и даже, къ несчастью, очень часто и самъ еще приходитъ ей на помощь.

Дневной жаръ смѣнился пріятной вечерней прохладой, когда у воротъ заѣзда явилась еврейская подвода, запряженная тройкой клячъ, чтобы доставить насъ на станцію одесской желѣзной дороги Калиновку. Четверть часа спустя мы оставили уже за собою голубоватыя воды Буга.

И снова насъ окружаетъ прекрасная, необозримая степь, кой-гдѣ прерываемая селомъ, прудомъ или помѣщичьей усадьбой, съ ея рядами тополей или темнымъ фономъ парка. Двадцать слишкомъ верстъ до села и мѣстечка Пикова пролетѣли незамѣтно—дорога прекрасная, ровная, широкая, поросшая по краямъ лѣсомъ огромныхъ „будяковъ“, изрѣдка огибающая какую-нибудь стародавнюю могилу, или испорченный крестъ, или поросшую лозой и ракитой степную „руду“—любимое убѣжище лисицъ и зайцевъ, надъ которымъ кружатъ въ недосягаемой высотѣ орлы, ястребы и коршуны, подстерегая добычу.

У въѣзда въ Пиковъ разстилается почти на двѣ мили огромный прудъ, который вмѣстѣ съ рѣкой Сниводомъ и мѣстечкомъ создаетъ чудный по красотѣ ландшафтъ. Пиковъ представляетъ въ другихъ отношеніяхъ мало интереса. Въ XVII в. городъ былъ окруженъ валами, имѣлъ замокъ и надворную стражу, здѣсь тянулся къ украинской границѣ главный шляхъ. Въ XVI в. владѣльцемъ Пикова былъ извѣстный воинъ Филонъ Кмита Чернобыльскій. Въ половинѣ XVIII в. городъ отошелъ

отъ острожскаго майората въ руки кн. Ант. Любомирскаго, воеводы люблинскаго, подъ условіемъ снаряженія двадцати конныхъ жолнѣровъ. Затѣмъ имѣніе перешло къ Борейкамъ, а нынѣ куплено одесскимъ капиталистомъ Сафоновымъ, который лѣтомъ навѣщаетъ прекрасный палацъ Борейковъ.

V.

Обширное пространство между Пиковымъ и Калиновкою отличается плодородіемъ почвы, значительными лѣсами и безбрежными равнинами у самой Калиновки. Въ половинѣ пути встрѣтилось намъ село Байковка, имѣніе гр. Альфреда Потоцкаго, отданное въ аренду евреямъ. Времени до отхода вечерняго поѣзда осталось достаточно, и мы велѣли возницѣ остановиться у мѣстной корчмы.

На широкой присьбѣ корчмы сидѣло нѣсколько подгулявшихъ крестьянъ и тутъ же слѣпой лирникъ, окруженный дѣтворой. Наклонившись надъ своимъ инструментомъ, висѣвшимъ на плечахъ, подъ глухой аккомпаниментъ лиры онъ напѣвалъ какой-то мѣстный религіозный мотивъ. Но когда ему сообщили, что „паны прыихалы“, лирникъ затянулъ старинную думу о Дмитрѣ Вишневецкомъ, вѣроятно, полагая угодить панамъ.

„Бувъ панъ Корецькый
Дмытро Вышневецькый—
Винъ небесну силу мавъ
И воювавъ
Громомъ та своимъ словомъ!
Его невирни незлюбылы,
Ловыть на ёго вартовалы,
Ловыть на ёго чатовалы,
Потимъ ёго спіймалы
Тай въ кандалы заковалы,
Ребро ёго крюкомъ затягалы
И на стини прибывалы.
Высыть панъ Корецькый не день и не два,
А высыть винъ такъ симъ года,
И не исть и не пье,
А таке все свое думае.
—Турки еныченьци!
Прошу васъ, божьемъ помышленіемъ

А вашымъ мылосердьемъ,
Дайте жъ вы мени стрилокъ пучокъ
А до моихъ билыхъ ручокъ.
А убьюжъ я вашому, еныченци, царю
Голубця й голубку на славу,
И буде ёму на снидання
И на обидання, и на полудання,
И на вечеру!"...

Странствующій лирникъ не зналъ окончанія думы—описанія смерти Дмитрія, замученнаго турками, но успѣвшаго передъ смертью пустить стрѣлу въ своего врага. Какъ видно, въ понятіяхъ мѣстнаго люда оба богатыря, Корецкій и Вишневецкій, слились въ одно и то же лицо.

Народъ прибывалъ къ корчмѣ ежеминутно—былъ праздникъ. Я обратилъ вниманіе коллеги, съ любопытствомъ наблюдавшаго подолянъ, на то спокойствіе душевное, которое характеризуетъ обитателей степной полосы юга. Тиха она, степь, ровна и неизмѣнна въ своемъ спокойствіи—и потому полна такой поэзіи. Медленно и величественно движутся здѣсь рабочіе волы, тяжело поворачиваются колеса возовъ, лѣниво и задумчиво шагаетъ за возомъ высокій подолянинъ въ высокихъ „чоботяхъ", широкихъ шароварахъ, высокой бараньей шапкѣ и съ саженнымъ бичемъ въ рукѣ. Вся его фигура отличается какою то солидностью, терпѣніемъ. Никуда онъ не спѣшитъ, не волнуется, ничего не ищетъ. Все окружающее какъ будто вовсе не касается этого человѣка. Онъ остороженъ и сдержанъ, въ силу-ли особеностей темперамента, или же вслѣдствіе недовѣрія къ себѣ. Главная причина этой типичной особенности степняка по всей вѣроятности коренится въ его историческомъ прошломъ. Уроженецъ благодатнаго края, степнякъ долѣе остается во своей старой обстановкѣ, долѣе сохраняетъ черты степнаго пастуха съ его тяжеловѣсностью, инертною задумчивостью и простотою обычаевъ. Самая одежа подолянина носитъ какой то патріархальный, отчасти даже восточный оттѣнокъ. Эта свитка или козачья „куртка" съ широкимъ цвѣтнымъ поясомъ, широкіе шаровары, баранья шапка и огромные „чоботы"—несомнѣнное заимствованіе у восточныхъ народовъ, гостившихъ нѣкогда въ степяхъ Подоліи.

Жители степной полосы долго еще будутъ черпать изъ благодатной почвы средства къ жизни и потому надолго сохранятъ и особый типъ, и свой оригинальный складъ быта. Мечтательное настроеніе гармонируетъ здѣсь съ природой, нѣтъ нужды въ постоянномъ напряженіи духа и тѣла. Теплыя ночи съ лазурнымъ небосводомъ, роскошные сады, позлащенныя пшеницей поля будятъ въ человѣкѣ поэтическое чутье. Вотъ почему пѣсни Побужья и Поднѣпровья отличаются поэзіей, неизвѣстной въ большинствѣ другихъ славянскихъ мѣстностей. Видъ мѣстныхъ селъ, хуторовъ, типъ населенія—гораздо привлекательнѣе, нежели въ другихъ окраинныхъ земляхъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы обошли все село, чрезвычайно картинно растянувшееся по равнинѣ. Именно подольскія села неотразимо влекутъ къ себѣ взоры туриста. Среди перепутанныхъ до крайности уличекъ, хаты разбросаны на взгорьяхъ или извилинахъ рѣчки, ручья или пруда—отсюда множество уличекъ, площадокъ и закоулковъ. Издали подольское село напоминаетъ огромный стогъ сѣна, гдѣ „стайни“, возовни, хаты, коморы и скирды соломы вокругъ хатъ сливаются въ одно свѣтло-желтое цѣлое. Хата въ чисто-выбѣленными стѣнами выглядитъ привѣтливо и весело, особенно если поблизу стоитъ садикъ и искрящійся цвѣтами огородикъ. У подолянина не встрѣтить хозяйственнаго порядка, свойственнаго жмудину или жителю великопольскому, но за то „молодыця“ всегда въ чистой сорочкѣ, полы, лавы, столы и святые образа содержатся въ блистательной чистотѣ, изба всегда укрыта красиво расположенными рядами соломенныхъ „снопковъ“.

Рѣдкая хата въ подольскомъ селѣ не имѣетъ своего сада съ фруктовыми деревьями и всякими овощами, ростущими тутъ же на грядахъ, подсолнечниками, дынями, фасолью, вьющейся по изгороди, и т. д. Сливы, вишни, теренъ, дикія, а иногда и культивированныя, груши обыкновенно составляютъ задній планъ крестьянскаго сада, выходящаго на оврагъ, уличную грязь или рѣчку со скалистыми берегами.

Если бы не жалобы и мольбы еврея-возницы, долго еще странствовали бы мы по селу, совершенно забывши о дорогѣ

подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній. Въ два часа по полудни мы отправились въ дальнѣйшій путь и въ половинѣ четвертаго прибыли въ Калиновку. Поселеніе это, съ вокзаломъ желѣзной дороги и сахарнымъ заводомъ, издавна составляло одно изъ многочисленныхъ помѣстій Холоневскихъ, но теперь находится уже въ рукахъ нѣмецкаго промышленника Валькова. Сахарный заводъ производитъ въ годъ сахару на 400,000 руб. Самое мѣстечко состоитъ изъ 175 домовъ и насчитываетъ у себя до 27 ремесленниковъ.

Вечеромъ мы уже мчались по желѣзной дорогѣ въ Винницу.

Этотъ уѣздной городъ расположенъ при впаденіи Виннички въ Бугъ и, какъ извѣстно изъ лѣтописей, существовалъ уже при подольскихъ князьяхъ Корьятовичахъ. Старинный винницкій замокъ, сохранялся до паденія Рѣчи Посполитой. Поселеніе широко растянулось вокругъ стараго замчища на взгорьи. Въ 1393 г. Витовтъ отнялъ Винницу вмѣстѣ со всей Подоліей у Корьятовичей и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Въ дальнѣйшихъ судьбахъ города отмѣтимъ, что въ 1610 г. генералъ подольскій Александръ Калиновскій пригласилъ сюда іезуитовъ. Въ 1694 году былъ здѣсь выстроенъ обширный доминиканскій монастырь, обращенный нынѣ въ православный соборъ. Въ 1745 г. винницкій староста Людвикъ Калиновскій основалъ въ Винницѣ монастырь капуциновъ. Въ 1783 г. въ монастырѣ іезуитовъ помѣщена академичекая школа, существовавшая въ теченіи 50-ти лѣтъ, до 1832 года. По закрытіи школы зданіе запустѣло, и лишь въ послѣднее время ремонтировано, такъ какъ здѣсь помѣщается мѣстная военная команда.

Что касается академической школы, то въ самый годъ ея открытія поступило 440 учениковъ. Кромѣ закона Божія, здѣсь преподавались языки греческій, латинскій, русскій, польскій, французскій и нѣмецкій, исторія всеобщая, польская и русская, географія, химія, физика, зоологія, ботаника, минералогія, ариѳметика, алгебра, геометрія, логика, естественное право, рисованіе и даже начальныя основанія медицины и хирургіи. Учителями въ этой высшей гимназіи были тоже извѣстные ученые, какъ Игн. Ягелло, Іосифъ Ульдынскій, Янъ Стычинскій и мн. другіе.

Въ капуцинскомъ монастырѣ, давшемъ намъ пріютъ во время пребыванія въ Винницѣ, мы встрѣтили лишь троихъ старцевъ, мирно доживающихъ свой вѣкъ въ обширномъ и содержимомъ въ великомъ порядкѣ зданіи. Монастырская тихая, полная патріархальной простоты жизнь прерывалась посѣщеніями города и его живописныхъ окрестностей, и до того пришлась намъ по сердцу, что мы оставили городъ съ чувствомъ сожалѣнія, въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа. Но дорога черезъ Браиловъ вскорѣ развлекла насъ.

Нѣкогда принадлежавшее къ воеводству брацлавскому, поселеніе это, расположенное на двухъ рѣчкахъ Брагѣ и Ровѣ, получило свое турецкое имя въ 1672 г., по волѣ турецкихъ властей. Въ прошломъ вѣкѣ имѣніе принадлежало вельможному роду Потоцкихъ, представитель которыхъ Францискъ Салезій основалъ здѣсь въ 1740 г. монастырь тринитаріевъ и базилику, а сынъ его Феликсъ украсилъ послѣднюю цѣнною живописью. Нынѣ монастырь обращенъ въ православный, а взамѣнъ того въ 1789 г. выстроенъ новый однокупольный костелъ на фундаментѣ бѣлаго мрамора. Послѣ раздѣла Польши, судьбы Браилова были самыя смутныя и измѣнчивыя. Въ началѣ столѣтія мотъ—наслѣдникъ Феликса Потоцкаго продалъ имѣніе или, какъ гласитъ мѣстная хроника, скорѣе проигралъ въ карты нѣкоему Жуковскому, у Жуковскихъ купилъ Браиловъ извѣстный желѣзнодорожникъ фонъ-Меккъ, вдова котораго продала имѣніе сыну покойнаго канцлера кн. Горчакова за громадную сумму. Это имѣніе, съ 4756 десятинъ роскошнѣйшей пахоти и 3692 десятинъ лѣсу, съ сахарнымъ заводомъ, мельницами, винокурней, доходнымъ мѣстечкомъ и прекраснымъ палацомъ, принадлежитъ къ богатѣйшимъ на Подольи.

Вечерняя мгла окутала село и мѣстечко своею блѣдно-розовою пеленою, когда мы явились въ Браиловъ. Вечерняя служба окончилась и на улицахъ можно было видѣть веселыя группы народа. На другой день утромъ нетерпѣливый топотъ лихой четверки, готовой въ дальнѣйшій путь, съ трудомъ оторвалъ моего товарища отъ наброска браиловскаго ландшафта...

Н. М.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма А. И. Чепы, собирателя к. XVIII в., письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. Между прочими источниками, которыми пользовался Б.-Каменскій для своей Исторіи Малой Россіи, онъ называетъ и «Записки о Малой Россіи умершаго ст. сов. А. И. Чепы, во многихъ связкахъ». При этомъ о личности Чепы Б.-Каменскій говоритъ слѣдующее: «Чепа, котораго я лично зналъ въ бытность мою въ Малороссіи, служилъ девятнадцать лѣтъ подъ начальствомъ безсмертнаго Задунайскаго, пользовался его любовью и довѣренностью, имѣлъ случай собрать множество любопытныхъ рукописей относительно Малой Россіи; но къ сожалѣнію, большая часть сихъ драгоцѣнныхъ источниковъ, составлявшихъ четырнадцать книгъ въ листъ, неизвѣстно куда дѣвалась послѣ преждевременной смерти въ С.-Петербургѣ, Якова Михайловича Марковича. Г. Чепа для пользы отечества своего, повѣрилъ ихъ сему молодому человѣку, намѣревавшемуся писать подробную исторію малороссійскую»... Къ этому извѣстію можемъ добавить, что Чепа взятъ былъ въ канцелярію правителя Малороссіи изъ «подписковъ при судѣ земскомъ повѣта Роменскаго», какъ видно изъ приказа гр. П. А. Румянцова 1779 г., которымъ Чепа былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго канцеляриста съ назначеніемъ при этомъ ему по 60 р. годоваго жалованья [1]). Гораздо болѣе знакомятъ насъ съ личностью этого ранняго малорусскаго историофила печатаемыя здѣсь два его письма, писанныя въ 1810 г., къ такому же повидимому историофилу В. Гр. Полетикѣ (1865—1845 [2]). Изъ этихъ

[1]) Черниг. Губ. Вѣд. 1888 г., Распоряженія гр. П. А. Румянцова по управленію Малороссіеи за 1779 г.

[2]) Печатаемыя письма Чепы найдены нами въ остаткахъ Полетикинскихъ бумагъ, пріобрѣтенныхъ недавно В. В. Тарновскимъ. Въ нашемъ собраніи рукописей имѣется слѣдующее коротенькое письмо Чепы къ секретарю малороссійской кол-

писемъ видно, что бывшій подписокъ Роменскаго земскаго суда былъ настолько образованъ и настолько живо интересовался минувшими судьбами своей родины, что мечталъ объ изданіи малорусской «вивліофики», по примѣру вивліофики Новикова, для сохраненія «малороссійскихъ записокъ въ партикулярныхъ рукахъ, въ пыли лежащихъ». Интересно было имѣть о Чепѣ хотя какія нибудь біографическія свѣдѣнія. Почему онъ жилъ въ Пирятинскомъ селѣ Чепурковкѣ?—Если это было его имѣніе и онъ тамъ жилъ, то не сообщитъ ли кто оттуда, на страницы «Кіевской Старины», воспоминаній о Чепѣ... А. Л.

1) М. Г. мой Василій Григорьевичъ.

Честь имѣю поздравить васъ наступившимъ новымъ годомъ, и всеусердно желаю вамъ, съ почтеннѣйшею фамиліею вашею, здравія и всякаго благополучія, по желаніямъ вашимъ. Во время свиданія моего съ вами, я говорилъ вамъ о нѣкоторыхъ бумагахъ, къ Исторіи Малороссійской касающихся, у меня имѣющихся. Помню о тѣхъ изъ нихъ, коихъ вы—сказали,—у себя неимѣете. Изъ нихъ одну записку, о страданіи Кочубея и Искры, при семъ подношу, для всегдашнего приобщенія къ вашимъ манускриптамъ. Ежели бы она была списана не такимъ плохимъ писцомъ, то бы вы прочитали ее съ лучшимъ удовольствіемъ. Прочіе бумаги, изъ назначенныхъ тогда вами, получите отъ меня въ непродолжительномъ времени.

Я далъ слово доставить вамъ списокъ или реестръ, оставшимся еще у меня, по сей матеріи, бумагамъ, для полученія отъ васъ назначенія, какіе изъ нихъ вамъ понадобятся. И вотъ, на первый разъ, піесы о коихъ тогда я невздумалъ сказать вамъ:

1) Краткая хронологія королей польскихъ. Примѣчательна только по тому, что въ ней означено, который изъ нихъ былъ благосклоненъ къ козакамъ.

2) Универсалъ короля Яна Третьего, о подтвержденіи козакамъ преимуществъ 1683 года декабря 29.—Послѣ присоединенія Хмельницкаго къ Россіи.

легіи, И. А. Войцеховичу, которое приводимъ здѣсь полноты ради свѣдѣній о Чепѣ.—„М. Г. мой благодѣтель и другъ Иванъ Андреевичъ! Я вамъ печальный вѣстникъ: о семъ вы узнаете изъ включаемой у сего. Жалко что васъ волочутъ, но вы будучи правы и останетеся таковыми. Ефиміевъ Марко, мой двоюродный братъ, будетъ просить отъ коллегіи выписи; не оставте, м. г., ему пособить въ полученіи желаемаго. Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностью, ваш. высокобл. пок. слуга Андреянъ Чепа. Іюля 30 дня, 784 года, Вишеньки".

3) **Письмо кошеваго Ивана Величка Босовскаго къ гетману Юрію Хмельницкому, о непорядкахъ сего послѣдняго. 1662 года сентября 17.**

4) **Письмо кошеваго Григорія Сагайдачнаго къ гетману Самойловичу,** тоже о непорядкахъ. 1686 года, апреля 26.

5) Универсалы и ордера гетмана графа Разумовскаго: —1750, декабря 20, о отставныхъ гусарахъ, волохахъ и салдатахъ, о податяхъ и повинностяхъ съ нихъ.—1751, апреля 16, о поступленіи въ дѣлахъ по статуту, а не по формѣ министерскаго правленія.—1754, октября 23, о расходахъ на чиновниковъ и почты.—1755, марта 8, о знаменахъ.—1755, сентября 25, о учиненіи новой ревизіи.—1755, декабря 16, о шинкахъ.—1757, іюня 19, о козачествѣ.—1758, апр. 30, о томъ же.—1758 окт. 3, о домахъ для сотенныхъ канцелярій—1760 года, ноября 16, о числѣ присудствующихъ въ судѣ войсковомъ генеральномъ.—1761, іюня 6, о винокуреніи.—1763, февр. 17, о сочиненіи ревизіи.—1764, ноября 19, о учрежденіи земскихъ и подкоморскихъ судовъ.—1764, октября 20, о формѣ позвовъ и увѣщательныхъ писемъ.

Продолженіе будетъ впредь; а вы ежели не имеете которыхъ изъ сихъ бумагъ, прошу написать ко мнѣ; и я съ удовольствіемъ доставлю вамъ копіи.

Я имѣлъ удовольствіе получить почтеннѣйшее письмо ваше отъ 12 октября изтекшаго года. Я щитаю ненаградимою потерею то, что, по судьбѣ, живу отъ васъ въ такомъ отдаленіи. Я былъ бы щастливъ обходясь съ вами и пользуясь вашимъ просвѣщеніемъ и наслѣдственными и собственными вашими познаніями.

Прошу принимать мои слова, какъ они есть искренними и вѣрить, что я всегда пребуду съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью, вамъ, мил. государю моему, покорн. слугою Андрѣянъ Чепа.

Генваря 9 дня, 1810 г.
Чепурковка.

2) М. Г. мой Василій Григорьевичъ.

Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 2 числа сего мѣсяца, я получилъ; пожалуйте прочтите терпѣливо мой отвѣтъ, который будетъ обширенъ, можетъ быть, съ излишествомъ.

Самъ Бого-человѣкъ плакалъ надъ гробомъ друга своего; и вы отдаете естественный долгъ брату вашему, преселившемуся въ другую лучшую жизнь. Я по дружбѣ моей къ вамъ, принимаю, въ пе-

чали вашей, искреннее участіе. Богъ, со временемъ низпошлетъ вамъ утѣшеніе.

Одно изъ лучшихъ моихъ занятій есть, о безсмертіи души, о будущей жизни, и особливо тогда, когда услышу, о переселеніи въ вѣчность, подобнаго мнѣ человѣка. Нѣкоторыя сочиненія о сей матеріи, я читаю съ благоговѣніемъ и утверждаю себя въ той надеждѣ, что я не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господня. Итакъ, ежели я въ сей жизни, наслаждаюсь вашею дружбою, вашею пріязнію, удивляюсь вашимъ достоинствамъ, то и въ будущей лучшей жизни, увижусь съ вами и съ симъ отошедшимъ братомъ вашимъ. Вотъ утѣшеніе по разуму, достойное разумнаго существа!

При семъ посылаю вамъ двѣ піесы, нарочно для васъ списанные, щитая, что оные достойны того, что бы вы ихъ прочитали.

Въ истекшемъ генварѣ мѣсяцѣ, возвратились ко мнѣ мои двѣ книги изъ пропадшихъ, по кончинѣ Я. М. Марковича. Не могу обойтись, чтобъ не сказать вамъ сокращенно обстоятельствъ сего возвращенія.—Коллежскій ассесоръ Пироцкій-Кудановичъ, служившій въ Петербургѣ и недавно поселившійся въ Черниговскомъ околодкѣ, возлѣ деревни друга моего Аркадія Александровича Ригельмана [1]), между разговорами, сказалъ сему послѣднему, что онъ былъ при смерти Я. М. Марковича, и что нѣкоторые изъ моихъ книгъ, получилъ онъ отъ покойнаго для прочтенія. По убѣдительнымъ прозьбамъ г. Ригельмана и моей, онъ прислалъ мнѣ двѣ, не такъ рѣдкіе книги.—О протчихъ же сказалъ, что они можетъ быть—въ Петербургѣ у г. Гетуна [2]), статскаго совѣтника, или у Ивана Ивановича Покорскаго, или же у г. Маковскаго. Пощастью, не у разнощиковъ апельсинъ. Сіи люди мнѣ незнакомы; однакожъ я предпринялъ нѣкоторые средства къ освѣдомленію.

Изъ сихъ книгъ, одна содержитъ въ себѣ договорные пункты, начиная съ гетмана Самойловича и прочіе мѣлочи; другая же—списки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ документовъ, коихъ я просилъ у васъ для списанія, якото: съ привилегій 1563, 1568 и 1569 годовъ. Но какъ оные въ сей книгѣ съ описками, то я покорно прошу васъ одолжить мнѣ вашихъ, кои безъ сомнѣнія вернѣе переведены и исправнѣе

---

[1]) Сынъ автора Лѣтописнаго Повѣствованія о Малой Россіи.

[2]) О В. Н. Геттунѣ см. его записки, въ Историч. Вѣстн. 1880 г., № 1—3. Тамъ же см. и объ Ив. Ив. Покорскомъ, служившемъ въ Петербургѣ, совѣтникомъ въ адмиралтейской коллегіи.

списаны. Или не прикажете ли, сію книгу, къ вамъ доставить?— для чего и реестръ оной при семъ вамъ подношу.

А остальные бумаги мои о Малороссіи, прежде обѣщаннаго вамъ реестра, привожу въ нѣкоторое расположеніе, удобное къ прискапію. Желаю, чтобы сколько можно дополнить оные историческими, политическими и прочими документами, указами, напечатанными въ вѣдомостяхъ и въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ статьями, публично произнесенными рѣчьми и разными примѣчательными бумагами. Вы, я твердо увѣренъ, снабдите меня многими піесами. Можетъ быть, не мнѣ, а послѣ меня, кому нибудь, случится, мое собраніе употребить въ пользу.

Мнѣ никогда неслучалось читать и видѣть лѣтописанія Самойла Величка. Буди можно, покорно прошу будущею весною, одолжить мнѣ оное для чтенія, и когда оный мнѣ покажется, и для списанія.

Максимъ Федоровичъ Берлинскій, коллежскій ассесоръ, директоръ и учитель народныхъ школъ въ Кіевѣ, на прозьбу мою, о одолженіи мнѣ для прочету, сочиненія его исторіи малороссійской, пишетъ: мнѣ: «то правда, что вышла отъ меня книга: опыты на Малороссійскую Исторію, но недошла.. Удостоился даже всемилостивѣйшаго одобренія, чрезъ министра нашего; но далѣе всемогущихъ у меня силъ не достало, коихъ требовалось до 4000, для выпечатанія ея; а потому она въ долгой шуфлядѣ[1]) и теперь лежитъ въ департаментѣ, а чорная тамъ же, у брата моего, въ С.-Пбургѣ. Со мною есть оной нѣкоторые первоначальные лоскуты, которыхъ теперь мудрено прибрать одинъ къ другому. Ваши записки въ 14-ти фоліантахъ, должны быть весьма занимательны. Я что-то объ таковыхъ слышалъ. О ежели бы сіи труды вашей опытности отысканы! Какъ бы благонадежно было тогда принятся за новую работу. Вы бы здѣлались для меня историческимъ маномъ. Чтобы не оставить безъ посылки, я присемъ прилагаю малую мою Исторію Россійскую, которую теперь у насъ читаютъ по уѣзднымъ училищамъ и въ академіи».

Г. Берлинскій, человѣкъ ученый, съ дарованіями, свѣдѣніями и очень добрый. Ежели бы онъ согласился, прежде напечатанія своего опыта, издавать на подписку журналъ или записки малороссійскіе, какъ изданы россійская вивліоѳика, записки Петра I, я надѣюсь, открылись бы многіе свѣдѣнія и доказательства, въ партикулярныхъ рукахъ, въ пыли лежащіе. Надѣюсь, что не было бы недо-

[1]) Въ долгомъ ящикѣ.

статка въ пренумираторахъ, а особливо съ пособіемъ г-дъ маршаловъ, г-на почтдиректора и его почтмейстеровъ. Но прежде предложенія г. Берлинскому сихъ средствъ, прошу сказать мнѣ ваше мнѣніе.

Покорно благодарю вамъ за пріятные вѣсти о новомъ законѣ и о чинахъ малороссійскихъ. Таковымъ событіямъ, порадуюсь всею душею:

Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью навсегда вамъ, мил. госуд. моему, покорн. слугою Андрѣянъ Чепа.

Февраля 17 д., 1810 года.
Чепурковка.

Политическая сатира конца XVIII в. Паденіе Польши обусловливалось, какъ извѣстно, нравственнымъ разложеніемъ польскаго общества, зависѣвшимъ, въ свою очередь, отъ противуестественнаго сочетанія въ республикѣ широкой личной свободы шляхты съ неограниченной властью ея надъ крестьянами; отсюда вытекало, что интересы лица ставились выше интересовъ государства; поэтому, заинтересованнымъ въ судьбѣ Польши сосѣдямъ не трудно было деньгами, наградами и обѣщаніями всякихъ благъ пріобрѣтать себѣ сторонниковъ на сеймѣ для направленія внутренней жизни государства въ ту или другую сторону; всѣ такія средства и были дѣйствительно въ ходу; Польша стала, такимъ образомъ, предметомъ борьбы интересовъ сосѣднихъ государствъ; къ указанной главной причинѣ паденія Рѣчи-Посполитой присоединялись многія второстепенныя: религіозно-національная борьба русской—православной и польской—католической народностей, отсутствіе сильной центральной власти и войска, слабое развитіе городскаго сословія и проч.; тѣмъ не менѣе, современники-поляки приписывали политическую смерть своего государства интригамъ русскаго двора. Полная драматизма жизнь Польши въ періодъ ея раздѣловъ несомнѣнно обнаруживала много печальныхъ и, иногда, смѣшныхъ сторонъ ея. Общество, конечно, не могло отказаться отъ оцѣнки событій своего времени; при слабомъ развитіи періодической печати въ большомъ количествѣ появлялись брошюры и книги, обсуждавшіе тотъ или другой вопросъ; рядомъ съ серьезнымъ обсужденіемъ событій, появилась и политическая сатира, бичевавшая или осмѣивавшая современныхъ политическихъ дѣятелей; она принимаетъ различныя формы: то напр. форму *Молитвы Господней*: „Carowa,

ktoraś iest w Petersburgu, swięc się imię twoię, przydz stotysięczne woisko twoje, bądz wola twoja, jak w Moskwie, tak u Polszcze" и т. д.; то форму *Символа Вѣры*: «Wierzę w carową wszechmogącą stworzycielką dawnych intryk w Polszcze» и т. д., то форму *10 заповѣдей*: 1-я «Jam est carowa, ktora was z porządku y rządu wywiadła», и т. д.; то, наконецъ, сатиры принимали форму катехизическихъ вопросовъ и отвѣтовъ, въ родѣ такихъ, напр.: «Co iest zgubą Polskiey? Że Stanisław na tronie... Branicki wielkim, a Rzewuski pełnym hetmanem. Co by mogło poprawic los Polskiey? Małachowski na tronie, Kosciuszko z buławą» и т. д.; то форму афишъ о театральномъ представленіи, напр., пьесы, сочиненной королемъ прусскимъ Фридрихомъ II подъ заглавіемъ: „Раздѣлъ края". Театръ будетъ иллюминованъ, при громѣ пушекъ, горящими городами и селами [1])».

Приведенные образцы сатиръ показываютъ, что въ польскихъ произведеніяхъ этого рода чаще всего подвергались осмѣянію дѣйствія русской государыни и ея представителей и войска. Но мы имѣемъ политическую сатиру того же времени русскаго происхожденія [2]); она характеризуетъ какъ состояніе высшаго польскаго общества, заправлявшаго ходомъ дѣлъ въ государствѣ, такъ и отношеніе къ Польшѣ сосѣднихъ государствъ: Австріи, Пруссіи и Россіи. Эта сатира, по нашему мнѣнію, принадлежитъ перу человѣка русскаго, близкаго ко двору короля Станислава-Августа и знавшаго всѣ интриги и слабости близкихъ къ его особѣ людей, а такимъ человѣкомъ могъ быть только русскій посланникъ въ Варшавѣ; постъ этотъ наканунѣ послѣднихъ раздѣловъ Польши занималъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ (1790—1792 гг.); что именно онъ, а никто другой, могъ быть авторомъ сатиры, лучше всего убѣждаютъ изданныя лѣтъ пять тому назадъ его бумаги [3]). До 1789 г. Я. И. Булгаковъ находился въ Константинополѣ, состоя русскимъ посланникомъ въ Турціи; начавшаяся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ война Россіи съ Турціей была причиной того, что Булгаковъ былъ посаженъ въ семибашенный замокъ и просидѣлъ въ немъ болѣе 800 дней. Всѣ донесенія Булгакова изъ Константинополя императрицѣ Екатеринѣ II и письма его

[1]) Русскій Архивъ. М. 1869 г. стр. 584—588.

[2]) Она найдена нами въ бумагахъ Кіев. Централ. Архива при университетѣ; мы предлагаемъ ее нашимъ читателямъ ниже, сообщая въ примѣчаніяхъ лишь имена лицъ и отказываясь отъ характеристики каждаго изъ нихъ отдѣльно, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста.

[3]) Сборникъ Император. Рус. Истор. Общества, т. 47-й Спб. 1885.

къ русскимъ сановникамъ носятъ печать художественности и отличаются остроумной и мѣткой оцѣнкой лицъ и событій, обнаруживая въ авторѣ образованнаго, умнаго и наблюдательнаго человѣка. Особенно, напр., любопытна сдѣланная Булгаковымъ въ письмѣ къ графу А. А. Безбородку отъ 1-го ноября 1781 г. характеристика всѣхъ европейскихъ пословъ въ Константинополѣ: „французскій", пишетъ онъ, „снесивится, голландскій ему угождаетъ, венеціанскій сбирается учиться грамотѣ, англійскій хвастаетъ, вѣнскій пишетъ, неаполитанскій церемонится, прусскій шутитъ, шведскій скучаетъ, а датскій молчитъ. Я чуть было и о себѣ не написалъ". Такую же попытку охарактеризовать польскихъ правителей 1790—1792 гг. дѣлаетъ Булгаковъ и въ печатаемой ниже сатирѣ; характеристика эта совпадаетъ въ общихъ чертахъ съ тѣми данными, которыя авторъ сообщаетъ въ Петербургъ, рисуя положеніе дѣлъ въ Варшавѣ темными красками со свойственной ему вѣрностью и живостью.

Свѣтлѣйшій король Р. П. [1]): «Ждахъ соскорбящаго,—и не бѣ утѣшающаго,—и не обрѣтохъ; и даша въ снѣдь мою желчь».

Первенствующій архіепископъ [2]): «Господь гордымъ противится».

Князь бывшій подкоморный [3]): «Утѣха моя со дщерми человѣческими».

Князь Станиславъ [4]): «Господь азъ есмь и не измѣнюся».

Князь Іосифъ: «аки ратникъ мужественный».

Государственные чины: *М. В. К. Мнишекъ*: [5]) «Господи! что ся умножиша ступающія ми? Мнози востаютъ на мя!»

Г. В. К. Браницкій [6]): «Беззаконія ради претерпѣхъ поношеніе; покры срамота лице мое».

Канцлеръ В. К. [7]): «Вниде въ опь сатана, да предастъ Его».

Вице-канцлеръ [8]): «Иди, покажися священникомъ».

Маршалъ В. К. Л. [9]): Аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо».

---

[1]) Р—Рѣчи, П—Посполитой; королемъ былъ Станиславъ-Августъ Понятовскій.

[2]) Примасъ королевства, гнѣзненскій архіепископъ князь Михаилъ-Юрій Понятовскій, братъ короля.

[3]) Имя намъ не удалось опредѣлить.

[4]) Князья Станиславъ и Іосифъ Понятовскіе, племянники короля.

[5]) Маршалъ великій коронный Михаилъ Мнишекъ.

[6]) Гетманъ великій коронный Францишекъ-Ксаверій Браницкій.

[7]) Канцлеръ великій коронный Яцекъ Малаховскій.

[8]) Вице-канцлеръ коронный Гуго Колонтай.

[9]) Маршалъ великаго княжества литовскаго Игнатій Потоцкій.

Подскарбій В. К. [1]): «Видѣхъ нечестиваго превозносящагося, мимо идохъ, и се не бѣ».

Маршалъ Н. К. [2]): «Удалихся бѣгая и водворихся въ пустынѣ».

Маршалъ Н. Л. [3]): «Господи, стражду! Заступи мя»!

Гетманъ П. К. [4]): «аки не бѣ».

Гетманъ В. Л. [5]): «Точащіяся хладныя воды».

Гетманъ П. Л. [6]): «Нѣсть въ немъ беззаконія».

Епископы: *Познанскій* [7]): «Не вѣсть писанія».

Плоцкій [8]): «Господи! Ты вѣси безуміе мое».

Куявскій [9]): «Аще и состарѣется, не удалится отъ нея».

Краковскій [10]): «Вознесся же, смирихся и изнемогъ».

Кіевскій [11]): «Исповѣмся Тебѣ, Господи, яко услышалъ еси молитву брата моего».

Холмскій [12]): «Отъ Господа бысть сей и есть; и дивенъ во очію нашею».

Луцкій [13]): «Змій бѣ мудрѣйшій всѣхъ».

Инфлянтскій [14]): «Да не потребится отъ книгъ живыхъ».

Маршалъ сейма [15]): «И есмь, якоже протчіи человѣцы».

Сапѣга М. Л. [16]): «Заблудихъ отъ чрева, глаголахъ лжу».

Сапѣга К. В. Л. [17]): «Неключимъ есть, дондеже извержется вонъ».

Хрептовичъ [18]): «Правда моя въ земли забвеніей».

Подскарбій П. Кор. [19]): «Не чистъ будетъ, даже до вечери».

---

[1]) Подскарбій великій коронный Томашъ Островскій.

[2]) Маршалъ надворный коронный Казимиръ Рачинскій.

[3]) Маршалъ надворный литовскій Станиславъ Солтанъ.

[4]) Гетманъ польный коронный Северинъ Ржевусскій.

[5]) Гетманъ великій литовскій Михаилъ Огинскій.

[6]) Гетманъ польный литовскій Людвигъ Тышкевичъ.

[7]) Епископъ познанскій Антоній-Онуфрій Окенскій.

[8]) Епископъ плоцкій Криштофъ Шембекъ.

[9]) Епископъ куявскій Іосифъ Рыбинскій.

[10]) Епископъ краковскій Феликсъ Турскій.

[11]) Епископъ кіевскій Касперъ Цѣцишевскій.

[12]) Епископъ холмскій Мацѣй Гарнышъ.

[13]) Епископъ луцкій Адамъ Нарушевичъ.

[14]) Епископъ инфлянтскій Іосифъ Коссаковскій.

[15]) Маршаломъ сейма въ 1790—1792 г. былъ великій коронный канцлеръ.

[16]) Сапѣга Казимиръ-Несторъ, маршалъ литовскій (м. л.).

[17]) Сапѣга Александръ, канцлеръ великій литовскій (к. в. л.).

[18]) Хребтовичъ Іоахимъ, подканцлеръ литовскій.

[19]) Это лицо намъ не удалось опредѣлить.

Партія Россійская [1]): «Мы убо праведно страждемъ, в достойная по дѣламъ нашимъ воспріемлемъ».

Партія Прусская [2]): «Уничится, яко вода мимотекущая».

Партія Цесарская [3]): «Изъ ничего не будетъ ничего».

Партія С. кор. П. [4]) «Васъ ради претерпѣхъ поношеніе весь день».

Вся посланники вообще «не познаша, ниже уразумѣша; во тмѣ ходятъ несмѣтное множество дураковъ».

Россійская императрица: «Въ малѣ и узрите мя».

Король прусскій [5]): «Прежде даже жаворонокъ не возгласитъ, обману васъ три краты».

Кесарь [6]) «Защитникъ вашъ буду даже до Люблина».

Король польскій: «Престолъ мой въ столпѣ облачнѣмъ».

Посланникъ россійскій: «Чающій воскресенія».

Посланникъ прусскій [7]): «Четвородневенъ есть, уже—смердитъ».

Министры и агенты: англійскій, шведскій, французскій и датскій: «аки не бѣхомъ».

Бѣдный и добродушный народъ польскій: «князи наши согрѣшиша и мы несемъ нечестіе ихъ; привмѣнены быхомъ съ нисходящими въ ровъ; быхомъ, яко человѣкъ безъ помощи мертвыхъ свободъ».

К. П. къ своему народу: «Слыште, людіе мои, и засвидѣтельствую вамъ: аще слушаете меня, не будетъ вамъ богъ новъ, ниже поклонитеся богу чуждому. Аще быша людіе мои послушали меня, ни о чесомъ убо враги ихъ смирилъ быхъ». И. К—ъ.

Рѣчь, произнесенная малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Н. Г. Рѣпнинымъ, при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ, 25 сентября, 1823 года [8]). Малороссійское дворянство черниговской губерніи! видя въ третій разъ себя окруженнымъ почтеннымъ собраніемъ вашимъ, не стану возобновлять изложеній обязанностей

---

[1]) Русская партія: Браницкій, Пулавскій, Коссаковскіе и друг.

[2]) Прус. партія: Игнатій Потоцкій, Малаховскій, Коллонтай и др.

[3]) Австрійская партія: Ржевусскій и друг.

[4]) Партія короля: Хребтовичъ и др.

[5]) Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ.

[6]) Австрійскій императоръ Леопольдъ II.

[7]) Маркизъ Джор. Люккезини.

[8]) Сколько мы помнимъ, настоящая рѣчь, сообщенная намъ А. М. Лазаревскимъ, до сихъ поръ не была издана. *Ред.*

вашихъ при предлежащемъ исполненіи правъ, милостію монаршею дарованныхъ сословію нашему; чего отъ васъ требуетъ и ожидаетъ правительство, изъяснялъ я вамъ во всей полнотѣ и съ тою откровенностію, которая всегда должна одушевлять каждаго гражданина, а тѣмъ болѣе меня, сѣмъ лѣтъ уже призваннаго довѣріемъ всемилостивѣйшаго государя быть среди васъ исполнителемъ воли его, блюстителемъ закона, ходатаемъ о пользахъ вашихъ.—Уповаю слова мои неизгладились изъ памяти вашей.

Итакъ поспѣшу воззвать къ вамъ вѣщаніемъ великаго государя нашего: „*съ вѣрностію, усердіемъ и честію* [1])“ изберите изъ среды себя: народу судей правыхъ, правительству первыя орудія къ охраненію общаго спокойствія, себѣ предводителей достойныхъ уваженія согражданъ своихъ, ходатаевъ о выгодахъ вашихъ и ревностныхъ исполнителей попеченій правительства, къ коимъ могъ бы я обращатся всегда съ полнымъ довѣріемъ.

Не трудно вамъ будетъ исполнить ожиданія мои, если вы, позабывъ могущія быть частныя неудовольствія, соединитесь на пользу общую въ единодушіи христіянскомъ и, давая голосъ избранія достойнѣшему, убѣдитесь при томъ и тою истинною, что уклоненіемъ отъ службы общественной нарушается отличительная черта россійскаго дворянина: никогда не принадлежать самому себѣ, а всегда жертвовать царю и соотчичамъ, жизнью и мнѣніемъ, умомъ и способностями.

Малороссія никогда не нуждалась людьми достойными къ прехожденію службы. Въ прежнія времена Хмѣльницкій, Искра и Кочубей, Полуботокъ, Безбородько послужатъ не только вамъ, но и дальнѣйшимъ потомкамъ всей Россіи, знаменитыми примѣрами доблестей воинственныхъ, вѣрности царю, твердости духа, глубокомысленности политика; да и нынѣ среди пастырей церкви, защитниковъ отечества, мужей удостоенныхъ государемъ быть въ совѣтѣ его, судилищахъ и протчихъ степеняхъ государственнаго правленія, въ сонмѣ ученыхъ и изящныхъ художниковъ,—вездѣ малороссіяне могутъ гордится многими изъ своихъ соотчичей. Наполните же и собственныя судилища свои людьми имъ подобными.

Съ начала вступленія моего въ званіе, коимъ облеченъ милостію монаршею посвятилъ я, малороссіяне, себя совершенно вамъ: гордился подвигами общими и заслугами частными; не укоснялъ быть пред-

---

[1]) Слова манифеста отъ 2 апрѣля 1801 года. *Примѣч. автора рѣчи.*

стателемъ въ нуждахъ вашихъ; въ дружбѣ и приверженности вашей находилъ лестнѣйшую для себя награду. Нынѣ же по протеченіи многихъ лѣтъ, служенія моего среди васъ, раздѣливъ съ вами скорбь и труды въ несчастіи, недавно насъ постигшемъ, я дерзаю уже считать себя совершенно собратомъ вашимъ, и тѣмъ ближе къ сердцу моему подвигъ похвальный каждаго изъ подчиненныхъ мнѣ; тѣмъ тягостнѣе для меня исполненіе строгой обязанности, обращать возмездіе закона на нерадиваго и преступнаго.

Приглашаю васъ шествовать во храмъ Господень—для принесенія предъ престоломъ Всемогущаго обѣта объ избраніи правомъ; Око всевидящее проникнетъ во глубину сердца каждаго изъ васъ и, уповаю, не найдетъ недостойнаго коснутся устами къ словамъ истины. Но не предлежитъ мнѣ распространятся о святости сего дѣйствія; скажу вамъ только, что вы предстанете нынѣ предъ лице того страшнаго Судіи, который недавно посѣтилъ васъ испытаніемъ голода,—того милосердаго Отца, который нынѣ благословилъ плодами изобилія. Принесите же Ему дань благодарности исполняя всѣ обязанности ваши, по вѣщанію царскому, *съ вѣрностію, усердіемъ и честію.*

Пасхальныя вирши въ спискѣ XVIII ст. Обычай „виршеванья“ до недавняго времени соблюдался въ Малороссіи и, быть можетъ, по мѣстамъ соблюдается и понынѣ. Еще въ годы моего дѣтства (начало 60-хъ годовъ) въ семьяхъ священниковъ было въ обычаѣ, чтобы дѣти-школьники въ день Пасхи, Рождества, а равно въ дни имянинъ старшихъ членовъ семейства произносили поздравительныя „вирши“, Богъ знаетъ кѣмъ и когда сочиненныя и переходившія по традиціи изъ рода въ родъ. Когда то обычай этотъ свято соблюдался не въ одномъ лишь духовномъ сословіи, и нѣтъ сомнѣнія, что начало ему положили южнорусскія школы XVII ст., въ которыхъ искусство слаганія „виршей“ для привѣтствій лицъ начальствующихъ и меценатовъ было возведено въ систему. Студенты кіево-могилянской академіи въ нарочитые случаи in corpore привѣтствовали „виршами“ митрополитовъ, гетмановъ, полковниковъ и прочихъ знатныхъ людей, а разъѣзжаясь по домамъ, примѣняли этотъ школьный способъ чествованія и къ лицамъ меньшихъ ранговъ: „виршами“ поздравляли мѣщанъ, козаковъ и вообще всякаго, кто могъ за то чѣмъ-либо наградить ихъ. Это сдѣлалось обычнымъ выраженіемъ почета, и „виршовники“ не оставались въ убыткахъ.

Изъ кіевской академіи обычай этотъ перешемъ въ другія школы, какія впослѣдствіи стали заводиться въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, и наконецъ сдѣлался общею принадлежностью всякой школы, даже первоначальной. Такимъ путемъ „виршованье“ перешло даже въ простонародную среду, гдѣ живетъ и донынѣ.

Въ старину „вирши“ слагались на разныхъ языкахъ, примѣнительно къ степени образованія тѣхъ лицъ, предъ которыми онѣ были произносимы: на латинскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и др. Въ малообразованныхъ общественныхъ кругахъ пользовались преимущественно языкомъ народнымъ. Съ XVIII в., когда языкомъ преподаванія въ малороссійскихъ школахъ сдѣлался русскій книжный языкъ, на немъ начали слагать и „вирши“ для тѣхъ лицъ, которыя или сами учились ему въ школахъ, или освоились съ нимъ практическимъ путемъ. Къ этому именно роду принадлежатъ помѣщаемыя нами *вирши*, найденныя въ старинной тетради, принадлежавшей нѣкогда, судя по надписи, Петру Навроцкому, подканцеляристу полковому гадяцкому, и составленной очевидно раньше 1782 г. О содержаніи и характерѣ этой тетради подробнѣе см. въ нашей замѣткѣ о Рождественскихъ виршахъ, помѣщенной въ январской кн. „Кіевск. Стар.“ за 1889 г.

I.

Какъ женамъ Христа искавшимъ
Ангелъ нову вѣсть сказалъ,
Что Христосъ, враговъ поправши,
По трехъ днехъ изъ гроба всталъ,
Хоть велику начинали
Въ сердцѣ радость ощущать,—
Но еще усумнѣвались
О томъ инымъ объявлять;
Я жъ то несумнѣнно знаю,
Что Христосъ воскресъ, нашъ Спасъ,
Для того и поздравляю
Таковымъ привѣтомъ васъ
Да воскресшій нашъ Спаситель,
Всемогущій Христосъ, Богъ
Васъ введетъ въ свою обитель
И въ небесной свой чертогъ.

II.

Вѣрша Воскресенію

Крушить всемъ полно насъ, печали,
Престаньте нашъ смущати духъ!
Уже вы много намъ скучали,
Теперь вамъ перемѣны вдругъ!
Болшая радость наступила;
Вчера кто только не стеналъ!
Теперь она всѣхъ ободрила
Тѣмъ, что Христосъ отъ мертвыхъ всталъ.
О радостныя перемѣны,
Что свѣтъ отъ гроба возсіялъ
Во мрачной всѣмъ сидящимъ сѣни
И мракъ діявольскій прогналъ!
Пусть радость же сія множится
Внутрь твоего всегда сердца,
И радости сей не лишиться
Тебѣ желаю до конца. *Finis.*

Сообщилъ **О. Л.**

Евреи-козаки въ нач. XVII в. Подъ этимъ заголовкомъ въ еженедѣльной газетѣ «Русскій Еврей» 1880 г., № 9, г. А. Гаркави напечаталъ нижеслѣдующій отрывокъ изъ еврейской книги — «Вопросы и отвѣты раввина Іоиля Серкесса», изданной: въ 1697 г., въ Франкфуртѣ на Майнѣ.

«№ 57. Господинъ Іосифъ, Мойсеевъ сынъ, далъ свидѣтельское показаніе по нѣмецки такого содержанія»:

«Насъ было одиннадцать домохозяевъ, служившихъ въ войскѣ. Еврей же Бераха, сынъ святаго (т. е. мученика) Арона изъ Тишвицъ (Тышовце, Tyszowce, люблинской губ.?), служившій на трехъ лошадяхъ, выскакалъ два-три раза къ московскому войску, какъ это обычно на войнѣ. Но москвитяне одолѣли, и еврей отскочилъ назадъ и изъ лѣсу стрѣляли ему вслѣдъ. Я видѣлъ, какъ ладунка (ladunek, патронъ) воткнулась ему въ спину, какъ онъ палъ на сѣдло, и желая держаться за лошадиную гриву, онъ шатался туда и сюда и лошадь понесла его по дорогѣ, но я не видѣлъ его во время бѣгства нашего войска. Во время его паденія на лошадь дымъ выступилъ у него

изо рта; я находился тогда близко отъ него. Затѣмъ мы бѣжали вслѣдъ за войскомъ, тогда я уже видѣлъ его лошадь безъ всадника, а сѣдло висѣло криво; я же хорошо зналъ его лошадь. Вслѣдъ затѣмъ военачальникъ приказалъ собрать разсѣянное войско посредствомъ барабаннаго боя и народъ началъ разговаривать про войну. И многіе козаки говорили: О, Боже, какъ жалко, что рыцарь еврей Бераха такъ плачевно скончался, онъ былъ разрубленъ и расколотъ бердышами и т. д. На слѣдующій день, козаки побили москвитянъ и забрали добычу, между прочимъ также лошадь и шляпу, которыя я хорошо зналъ и его мечъ, который не былъ мнѣ знакомъ хорошо. Сотникъ нашъ захотѣлъ получить вещи Берахи, а десятникъ также пожелалъ ихъ, и они судились предъ *коломъ* (громадой). И десятникъ говорилъ: «я имѣю больше права на эти вещи, ибо въ то время, когда трупы нашихъ убитыхъ были сожигаемы, я своей рукой раздѣлъ означеннаго Бераху и предалъ его огню»; и онъ представилъ много козаковъ свидѣтелями, что онъ (десят.) втащилъ трупъ Берахи въ домъ, гдѣ онъ его сжегъ. Вслѣдствіе этого вещи Берахи были присуждены десятнику. Послѣ того я слышалъ также отъ козака по имени Хведеръ (Ѳедоръ), который затѣмъ сдѣлался священникомъ въ Кіевѣ, какъ онъ ненарочно разсказалъ о своемъ присутствіи при сожженіи тѣла Берахи упомянутымъ десятникомъ. Я знаю также хорошо, что больше одного еврея подъ именемъ Бераха въ нашемъ войскѣ не было и т. д. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль многіе козаки изъ войска Наливайки разсказывали также ненарочно о геройствѣ Берахи и обстоятельствахъ его смерти.—Вотъ сущность показанія упомянутаго свидѣтеля, который распространился въ своемъ разсказѣ предъ судомъ въ Флоряновѣ, въ понедѣльникъ, 5-го мѣсяца Кислевъ 374-го года (1613 по Р. Х.); и это было прислано ко мнѣ для того, чтобъ я высказалъ ему мнѣніе по этому вопросу».

Къ приведенному документу, г. Гаркави дѣлаетъ слѣдующее поясненіе: «Раввинъ Іоиль Яфа, прозваніемъ Серкесъ, занималъ должность раввина сперва въ разныхъ мелкихъ городахъ въ Польшѣ и Литвѣ, затѣмъ онъ былъ призванъ въ Брестъ-Литовскъ... Вопросъ о козакѣ Берахѣ былъ адресованъ къ нему во время пребыванія его въ Брестѣ.—Самъ вопросъ состоялъ въ томъ, достаточно ли по еврейскому закону показаніе еврея-козака Іосифа о смерти другого еврейскаго козака Берахи для того, чтобъ вдовѣ послѣдняго было дозволено вторично вступить въ бракъ». Къ сему г. Гаркави добавляетъ: «изъ того обстоятельства, что свидѣтель не нашелъ нужнымъ

объяснить, какимъ образомъ онъ самъ, Бераха и остальные евреи попали въ козацкое войско, а говоритъ мимоходомъ: «насъ было въ войскѣ одиннадцать», можно заключить, что фактъ этотъ не былъ единичнымъ и что отбываніе евреями военной повинности въ натурѣ было тогда обычнымъ явленіемъ, о которомъ не считали нужнымъ распространяться»...

Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. Въ 1639 году на Тулу явились по государеву указу бояре и воеводы князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаскій съ товарищами для прибора въ солдатскую и драгунскую службу *дѣтей боярскихъ*, у которыхъ въ вотчинахъ и помѣстьяхъ крестьянъ и бобылей было не болѣе какъ по 2 и по 3 человѣка, иноземцевъ и всякихъ охочихъ людей, которые не въ службѣ и не на тяглѣ. Въ числѣ желающихъ записаться въ службу оказалось нѣсколько *запорожскихъ черкасъ*, пробравшихся на Тулу чрезъ Курскъ и Кромы. Кормовая книга составленная спеціально для этихъ запорожцевъ даетъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о нихъ. «Лѣта 7147 году мая въ 17 д. пришли въ Съѣзжую Избу къ боярину и воеводамъ Дмитрію Мамс. Черкаскому съ товарыщи изъ Курска да изъ Кромъ переѣзжіе черкасы атаманъ Якушко Иванитцкой да ясаулъ Ондрюшка Мамченковъ съ товарыщи 35 человѣкъ *съ проѣзжими памятьми*. А въ проѣзжихъ ихъ памятехъ написано: по г. указу и по грамотѣ изъ *приказу сбору ратныхъ людей* за приписью дьяка Василья Прокофьева высланы они на г. службу на Тулу въ салдатцкую и въ драгунскую службу. И били челомъ г. ц. и в. к. Михаилу Ѳедоровичу в. Р., чтобъ имъ быти на г. службѣ на Тулѣ въ драгунѣхъ и въ салдатѣхъ. И бояре и воеводы князь Д. М. Черкаскій съ товарыщи *запорожскимъ черкасомъ* атаману Я. Иванитцкому да ясаулу О. Мамченкову съ товарыщи 35 челов. велѣли быти въ салдатѣхъ, а для *иноземства* велѣли имъ корму дать противъ *донскихъ* и *яицкихъ* атамановъ, и ясауловъ, и козаковъ». Указанная кормовая книга вскрываетъ такимъ образомъ слѣды перехода донскихъ, яицкихъ и *запорожскихъ* козаковъ на московскую службу. Съ 17 мая явившимся запорожцамъ и стали давать кормовыя деньги (атаману по 2 алт. по 2 ден. на день, ясаулу по 2 алт., рядовому по 10 денегъ человѣку), что продолжалось по 1 сентября 1639 г. Но еще 25 августа *по ихъ челобитью* велѣно было этихъ черкасъ «съ Тулы отпустить на Волуйку» и тамъ «устроить на вѣч-

ное житье съ *прежними съ перехожими черкасы*». Значитъ, это былъ далеко не единственный случай перехода черкасъ на московскую службу и что на южной московской чертѣ устраивались цѣлыя поселенія изъ выѣзжихъ иноземцевъ-черкасъ, какъ ихъ тогда звали. Подъемныхъ денегъ для переселенія на Валуйки дано было: 4 руб. съ полтиной атаману, 4 р. есаулу да по 3 руб. каждому рядовому, и кромѣ того каждому на дорогу зелья и свинцу. Вслѣдъ за ними отправился на Валуйки тулянинъ Левонтій Костомаровъ[1]) съ годовымъ для нихъ жалованьемъ (316 руб.) и спискомъ ихъ именъ.

(Изъ кормовыхъ книгъ въ д. дес. N $\frac{\text{нов. } 118}{\text{ст. } 322}$ Мос. Арх. Мин. Юст.)

Другой документъ, именно раздаточная книга денежнаго жалованья служилымъ людямъ, собраннымъ въ 1648 г. на Валуйкахъ для г. службы съ окольн. княземъ Дм. Петр. Львовымъ ради «крымской посольской размѣны», *отчасти* отвѣчаетъ на вопросъ, выдвигаемый предъидущимъ документомъ. Эта раздаточная книга перечисляетъ призванныхъ на время на Валуйки *черкасъ* изъ разныхъ южныхъ городовъ: изъ Оскола 20 челов., изъ Усерда 50 челов., изъ Ольшанска 50 челов., изъ Корочи 150 чел. Это призваніе на службу было не изъ *всѣхъ* южныхъ городовъ и не *всего* наличнаго запаса черкасъ. За указанную службу всѣ вызванные на Валуйки въ госуд. денежн. жалованьѣ и въ службѣ ручалися другъ по другѣ, десятокъ по десяткѣ, что имъ черкасомъ, будучи на Осколѣ (такъ же и относительно Усерда, Ольшанска и Корочи) государю служити и на вѣчное житье строитца по прежнему государеву указу» (л. л. 54, 56, 58, 64 въ к. д. № 119). Оскольскіе, усердскіе, ольшанскіе и короченскіе черкасы получили по семи рублей каждый, валуйскіе же только по 1 рублю въ числѣ 20 человѣкъ (л. 72).

Таковы любопытныя свѣдѣнія указанныхъ двухъ документовъ 1639 и 1648 гг.

В. Н. Сторожевъ.

По поводу библіографической замѣтки г. С. А—ва о соч. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи Востока». Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ помѣщена библіографическая замѣтка г. С. А—ва о переведенномъ мной соч. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ» и напечатан-

[1]) Срв. М. А. М. Ю. к. д. № 119 л. 3.

номъ въ 1876—79 гг. въ мѣстныхъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ». Въ настоящее время на книгѣ перемѣнена обложка, заглавіе ея искажено, изданіе приписано книжному магазину М. И. Карповича и отнесено къ двумъ послѣднимъ годамъ. Хотя авторъ замѣтки и не высказываетъ своего предположенія относительно виновника этой дѣйствительно «безцеремонной и возмутительной спекуляціи», вводящей въ обманъ покупателей, тѣмъ не менѣе неоднократно повторяетъ мое имя. Изъ боязни, чтобы читатели не заподозрили меня въ этой оскорбительной для меня продѣлкѣ или, покрайней мѣрѣ, въ соучастіи въ ней, я считаю необходимымъ сказать въ свое оправданіе слѣдующее: мой переводъ Ленормана печатался, какъ я уже сказалъ, въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ»: поэтому изданіе его никакому книгопродавцу, и тѣмъ болѣе г. Карповичу, принадлежать не могло; переводъ выходилъ отдѣльными выпусками, которые, за исключеніемъ одного, купленнаго книгопродавцемъ Н. Я. Оглоблинымъ, тотчасъ при появленіи въ свѣтъ пріобрѣтались Л. В. Ильницкимъ, бывшимъ владѣльцемъ магазина, принадлежащаго теперь г. Карповичу; изъ шести выпусковъ переводъ перваго «Египтяне» принадлежитъ не мнѣ и ложно приписывается мнѣ г. Карповичемъ. Сдавъ изданіе гг. Ильницкому и Оглоблину я никогда не принималъ и не принимаю никакого участія въ его распространеніи; поэтому въ перемѣнѣ обложекъ и искаженіи заглавія совершенно не участвовалъ и даже вовсе не зналъ объ этомъ. Всю вину въ этой спекуляціи возлагаю на книгопродавца М. И. Карповича, такъ какъ въ его магазинѣ находятся нераспроданные экземпляры «Руководства». Лично г. Карповича вовсе не знаю.

И. Каманинъ.

P. S. Покорнѣйше прошу редакцію «Историч. Вѣстника» хотя въ самыхъ краткихъ словахъ сообщить мое объясненіе въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ своего журнала.

Библіографія.

1) Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый коммиссіею для разбора др. актовъ и проч. Кіевъ. 1888. Въ 8-ю д. Стр. XXIX + 633 + 6 ненум. + XXXVI.

2) Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. (Изслѣдованіе по архивному матеріалу). Кіевъ. 1888. Въ 8-ю д. Стр. 140.

О первой изъ этихъ книгъ слѣдуетъ замѣтить, что она вышла въ свѣтъ гораздо позже выставленнаго на ней года; изслѣдованіе же г. Стороженка, составляющее обработку по болѣе обширному плану того же матеріала, какой вошелъ въ настоящій томъ «Архива», изданный подъ его же редакціею и послужившее темою вступительной его статьи къ этимъ актамъ, хотя и вышло своевременно, т. е. раньше документовъ, на которыхъ основано, но мы сочли болѣе удобнымъ упомянуть о немъ теперь, совмѣстно съ актами и со статьею при нихъ того же автора. Впрочемъ, разбирать изслѣдованія по существу мы не станемъ, такъ какъ разборъ его, вслѣдствіе неразработанности предмета и новизны данныхъ, потребовалъ бы не меньшей по объему статьи и не менѣе времени, чѣмъ самый трудъ г. Стороженка. Притомъ же, теоретическая сторона, вопросъ о генезисѣ и развитіи самого учрежденія сеймиковъ, послужила уже предметомъ обстоятельной, по отношенію къ нашему автору мѣстами, быть можетъ, рѣзкой критической статьи—проф. Бершадскаго въ «Журн. М-ва Нар. Просвѣщенія» (1888, кн. 10, стр. 369—403). Предпочитаемъ остановиться на значеніи спеціальнаго рода документовъ второй части «Архива», издававшихся нѣкогда Иванишевымъ, а теперь г. Стороженкомъ, какъ историческаго матеріала вообще и въ частности матеріала для мѣстной исторіи.

Намъ кажется, что именно въ отношеніи къ этому основному пункту нашъ авторъ едва ли стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія, а собственная неувѣренность отразилась и въ его же словахъ. Задачу своего изслѣдованія онъ опредѣляетъ какъ «изображеніе исторіи, организаціи и дѣятельности сеймика во всей его полнотѣ», и притомъ «главнымъ образомъ на основаніи изданнаго коммиссіею подъ его редакціею, архивнаго матеріала», обнимающаго вторую половину XVII в., т. е. именно «періодъ наиболѣе полнаго развитія и процвѣтанія сеймика» («Сеймики», 2). По такому опредѣленію, мы ожидаемъ имѣть дѣло съ трудомъ по существу историко-юридическимъ, посвященнымъ изслѣдованію спеціальнаго института въ области польскаго государственнаго права. Если на дѣлѣ находимъ иное, такъ какъ этой сторонѣ дѣла посвящена всего только одна первая изъ шести главъ труда г. Стороженка,—то вовсе не по его винѣ, а по той простой причинѣ, что изъ множества разнообразныхъ предметовъ, которые затрогиваются въ сеймиковыхъ постановленіяхъ, меньше всего можно почерпнуть данныхъ для «исторіи» и «организаціи» самыхъ сеймиковъ. При нерегулированномъ со стороны закона и потому чрезвычайно широкомъ кругѣ вѣдѣнія, сеймики обсуждали то государственныя дѣла вообще, то чаще со своей мѣстной точки зрѣнія, то спеціально мѣстные интересы, то дѣла совершенно частнаго характера, занимаясь послѣдними по тому только, что въ нихъ заинтересованъ кто либо изъ вліятельныхъ или патронируемыхъ дворянъ повѣта. Самоорганизаціей они если и занимались, то немедленно же проводили въ жизнь каждое такое постановленіе, не встрѣчая надобности даже его формулировать. Едва ли не единственный примѣръ записаннаго организаціоннаго правила находимъ въ формѣ дезидерата волынскихъ дворянъ о лишеніи права рѣшающаго голоса на сеймикахъ, но не участія въ послѣднихъ, тѣхъ дворянъ, которые не были землевладѣльцами-собственниками въ предѣлахъ воеводства, а только, какъ possessores quocunque titulo juris, фактически присвоили себѣ такое право, пользуясь пробѣломъ въ законодательствѣ; пополненія его волынане и потребовали. («Архивъ» стр. V, а документъ—276—277). Каждый отдѣльный сеймикъ, именно по отсутствію обязательной нормы, организовался какъ ему вздумалось самому, и такую организацію данной минуты естественно считалъ за наиболѣе совершенную. Не о чемъ было и хлопотать. Фактовъ для исторіи сеймиковъ надо искать только въ немногихъ общихъ указаніяхъ закона (о засѣданіи въ костелѣ, въ видахъ продупрежденія вооруженныхъ дракъ, о вы-

борномъ ad hoc предсѣдателѣ и т. под.), отчасти въ регламентѣ общихъ государственныхъ сеймовъ, которые могли служить и служили примѣромъ для подражанія, въ сочиненіяхъ современныхъ легистовъ (ими авторъ и пользуется въ I гл. изслѣдованія) и въ отрывочныхъ указаніяхъ современниковъ, такъ какъ до насъ не дошло полнаго дневника ни одного сеймика. Недостаточность матеріала постановленій и была причиною, что г. Стороженко наибольшую и существенную часть своихъ работъ вынужденъ былъ посвятить не самимъ сеймикамъ, а ихъ «отношенію» къ вопросамъ политическимъ, экономическимъ, религіознымъ и сословнымъ (въ статьѣ «Архива» трактуются только двѣ послѣднія категоріи), и одному мѣстно-реальному,—пограничной защитѣ областей.

Самое «отношеніе» это оказывается до такой степени разнообразнымъ и измѣнчивымъ, по мѣсту и времени, что найти въ немъ руководящую нить на основаніи матеріала однихъ постановленій и инструкцій невозможно. Это вполнѣ естественно по юридическому значенію этихъ документовъ, да и самихъ сеймиковъ. Присвоеніе послѣднимъ имени «представительныхъ» собраній мы считаемъ со стороны автора простою обмолвкою. Это были всеобщія, поголовныя собранія помѣстнаго дворянства, въ которыхъ однако принимали участіе и владѣльцы не на вотчинномъ правѣ, арендаторы и залогодержатели имѣній, получавшіе иногда, какъ и случилось въ 1660-хъ годахъ на Волыни, даже перевѣсъ надъ собственниками. Съ этой, и только съ этой одной стороны сеймики можно приравнивать къ вѣчамъ, копамъ, громадамъ и т. под. По строго сословному составу, они могутъ быть сопоставляемы, пожалуй, съ дворянскими собраніями нашего времени, но коренное отличіе послѣднихъ заключается, вопервыхъ, въ имущественномъ цензѣ, а вовторыхъ, въ отсутствіи въ нихъ характера собраній избирательныхъ для центральнаго представительнаго учрежденія. Послѣднею чертою сеймики сближаются съ провинціальными штатами королевской Франціи, но опять различны въ томъ, что рядомъ съ ними не существовало такихъ же собраній другихъ сословій, что французскіе генеральные штаты могли и не созываться, а голосъ послѣднихъ получалъ рѣшающее значеніе только тогда, когда съ нимъ совпадало королевское «plaisir», тогда какъ сеймовымъ депутатамъ Польши, въ ихъ совокупности, принадлежало неограниченное законодательное право, исчезавшее однако безслѣдно отъ одного только отрицательнаго голоса. Предметы вѣдѣнія и объемъ власти по нимъ у сеймиковъ были различны по родамъ дѣлъ,

отсюда различенъ и характеръ функціи. По однимъ дѣламъ, напр. по праву установлять размѣръ мѣстнаго обложенія на общегосударственныя надобности, сеймикъ обладалъ общею же законодательною властью; по выбору нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, какъ напр. пограничныхъ судей, податныхъ сборщиковъ, или по установленію мѣстныхъ раскладокъ, онъ дѣйствовалъ распорядительно; въ отношеніи выбора пословъ не только въ сеймъ, но и въ частности къ королю, къ гетманамъ, иногда даже къ чужимъ государямъ (отъ Подолья—къ молдавскимъ господарямъ), сеймикъ являлся избирательнымъ собраніемъ и въ тоже время избирательной сходкой, которая вырабатывала для своего будущаго депутата настоящій mandat imperatif въ видѣ «инструкціи». Но такое же значеніе имѣли de facto и самыя постановленія сеймика (ухвалы, lauda), которыя составляли и формулировали вліятельнѣйшіе члены сеймика, а затѣмъ, либо сами являлись его избранниками, либо подставляли въ депутаты свохъ единомышленниковъ или креатуръ. Въ этомъ постановленія сеймиковъ могутъ быть разсматриваемы какъ выраженіе мѣстныхъ желаній и нуждъ, подъ угломъ зрѣнія подавляющаго большинства шляхетскаго сословія въ воеводствѣ, и съ ними можно до извѣстной степени сопоставлять cahiers французскаго дворянства, а еще ближе (безъ отношенія, конечно, къ дальнѣйшимъ результатамъ) разномѣстные, но по одному и тому же сословію, «наказы» депутатамъ въ екатерининскую коммиссію уложенія.

Сообразно бѣгло очерченному здѣсь характеру сеймиковъ и ихъ постановленій, опредѣляется въ главныхъ чертахъ значеніе этого рода документовъ среди прочихъ историческихъ матеріаловъ, намѣчаются слегка и пріемы ихъ изученія. Здѣсь трудно искать источниковъ для уясненія тѣхъ или иныхъ *событій* мѣстной жизни; о нихъ встрѣчаются только упоминанія, хотя иногда и съ неизвѣстными до сихъ поръ подробностями. За то здѣсь выражается пониманіе этихъ событій ихъ современниками и соучастниками, отраженіе одного крупнаго факта на цѣлой категоріи взглядовъ общества, нерѣдко на дѣла, стоящія съ этимъ фактомъ только въ отдаленной связи. Важнѣе всего, что это не результатъ наблюденій единичнаго современника, не его только субъективный выводъ о распространенности извѣстныхъ воззрѣній и о вліяніи на нихъ конкретныхъ фактовъ,—а документально закрѣпленное выраженіе мнѣній всего, или по крайней мѣрѣ большинства, тогдашняго правящаго и наиболѣе образованнаго класса. Словомъ, это свидѣтельства «общества» о самомъ себѣ,—ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ для исторіи политическихъ, въ самомъ широ-

комъ смыслѣ слова, воззрѣній, для исторіи общественной мысли. Но какъ ни важенъ и ни исключителенъ этотъ матеріалъ, онъ, очевидно, для своей главной темы въ высшей степени недостаточенъ, долженъ войти только необходимою составною частью въ громадную массу другихъ данныхъ. Отдѣльное изслѣдованіе сеймиковыхъ ухвалъ и инструкцій имѣетъ значеніе работы только подготовительной и можетъ быть поведено разными путями. Оно можетъ обнимать напр. послѣдовательный и возможно полный рядъ этого рода документовъ, относящихся къ одной территоріальной единицѣ, воеводству, причемъ можно слѣдить за перемѣнами въ отношеніяхъ мѣстнаго правящаго класса къ той или другой категоріи общественныхъ дѣлъ. Но можно также, какъ это сдѣлалъ г. Стороженко, изслѣдовать сеймиковыя постановленія болѣе обширной области, разгруппировавъ затрогиваемые ими вопросы по ихъ содержанію, а послѣдовательный во времени обзоръ вести по всѣмъ подраздѣленіямъ синхронистически. Конечно, можно еще избрать для изслѣдованія только одну какую нибудь группу дѣлъ, и заняться постановленіями сеймиковъ въ этой сферѣ на всемъ пространствѣ тогдашняго польскаго государства и т. под.

Но какой бы мы ни избрали пріемъ первоначальной разработки, она дастъ намъ только сводъ однородныхъ, одновременныхъ или одномѣстныхъ явленій, такую или иную ихъ группировку, что очень важно, конечно, какъ облегченіе знакомства съ ними. Но внутренней ихъ связи, существеннаго смысла каждаго—никоимъ образомъ не получимъ, пока будемъ разсматривать такой матеріалъ изолированно, не освѣщая его обзоромъ одновременныхъ историческихъ событій и общаго направленія мысли всей націи. Безъ этого, въ нашей системѣ, по необходимости искусственной, явятся не только скачки и пробѣлы, но и странности и вопіющія противорѣчія, лишающія всякой возможности сдѣлать научное обобщеніе. Наглядным примѣромъ могутъ служить церковныя, въ частности исповѣдныя, дѣла въ настоящемъ томѣ «Архива», которыхъ г. Стороженко касается въ обѣпхъ своихъ работахъ. Въ послѣдней трети XVII в. давнишняя борьба православнаго исповѣданія въ югозападныхъ провинціяхъ нынѣшней Россіи съ католицизмомъ и съ переходною къ нему уніею представляется такъ, что наиболѣе стойкими въ вѣрѣ отцовъ оказываются дворяне волынскіе, выставляющіе значительный еще контингентъ и выдающися борцовъ за интересы православія, тогда какъ дворянство восточнѣе лежащихъ воеводствъ, кіевскаго и черниговскаго, представляется состоящимъ изъ однихъ адеп-

товъ католичества и ревностныхъ его пропагаторовъ. Въ виду направленій, въ какихъ распространялись католическо-уніатская пропаганда (съ З. къ В.) и православная реакція ей (обратно), подобный эмпирическій выводъ представляется даже неправдоподобнымъ. Но онъ совершенно естественъ, коль скоро примемъ во вниманіе мѣстныя различія, вызванныя политическими событіями предыдущихъ лѣтъ. Козачество, даже въ апогеѣ своей силы, на Волыни являлось только завоевателемъ, шляхта, хотя изгоняемая неразъ, немедленно возвращалась, оказывалась на мѣстахъ вся, т. е. и католическая и православная ея часть. Послѣдняя, участвуя въ сеймикахъ, агитировала и въ защиту своего исповѣданія. Кіевская католическая шляхта частью была истреблена, а въ большинствѣ бѣжала, тоже и черниговская; послѣдней не было куда и вернуться, такъ какъ родина ея совсѣмъ отошла къ другому государству. Православная часть тамошней шляхты тоже осталась за государствомъ московскимъ. Изъ кіевской православные шляхтичи, длинные списки которыхъ находимъ въ присяжныхъ росписяхъ 1654 г., частью принуждены были эмигрировать позже за Днѣпръ, частью слились съ мѣстными козаками и тѣмъ самымъ исчезли изъ рядовъ дворянства. Въ указанное время всѣ три воеводства сеймиковали на западной грани Волыни во Владимірѣ, но только одни волынскіе дворяне являлись въ томъ приблизительно составѣ, въ какомъ населяли страну, т. е. съ значительнымъ процентомъ православныхъ, между черниговскими представителей послѣднихъ совсѣмъ не было, они и оказываются большими ревнителями католичества, чѣмъ жители кіевской области, гдѣ православные все таки являлись на сеймикахъ, но только въ видѣ маловліятельной околичной шляхты съ Полѣсья, а сильнѣе всего этотъ элементъ оказывался между волынянами, такъ какъ къ нему принадлежали здѣсь нѣкоторые земянскіе и даже княжескіе роды.

Мы привели примѣръ, наиболѣе рѣзкій по своей ирраціональности, и въ то же время легко поддающійся объясненію; но менѣе выдающіеся и труднѣе объяснимые—въ сеймиковыхъ актахъ края—на каждомъ шагу. Объясненіе ихъ не входило въ задачу ни предисловія, ни отдѣльнаго изслѣдованія г. Стороженка, и его остается только благодарить за изданіе этихъ важныхъ документовъ и первую ихъ обработку, въ смыслѣ группировки фактовъ по ихъ сродству. Относительно самого изданія текстовъ можно только пожалѣть объ изобиліи мѣстами опечатокъ и объ отсутствіи при книгѣ ихъ списковъ въ исправленномъ чтеніи, хотя бы важнѣйшихъ, такъ какъ нѣко-

торыя слова приводятъ читателя въ недоумѣніе (напр. стр. 290: «boswy» вм. «barwy» и besztwami» вм. «lisztwami»), могутъ вовлечь въ ошибку филолога (с. 353: «niąwszy» вм. «uiąwszy») или даже совершенно искажаютъ смыслъ. (с. 386: «z dementiey pańskiey вм. «z clementiey»).

Въ заключеніе, пишущему эти строки, посвятившему не мало времени и труда на составленіе указателей къ изданіямъ кіевской археографической коммиссіи, нельзя не отмѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ улучшенія, введеннаго г. Стороженкомъ въ указателѣ лицъ. При имени каждаго изъ нихъ у него находимъ и годъ или крайніе годы, когда оно упоминается въ актахъ, въ качествѣ современника. Всякій кому случалось наводить справки о лицахъ по источникамъ, при отсутствіи у насъ генеалогическихъ росписей и каталоговъ должностныхъ лицъ, оцѣнитъ важное удобство, доставляемое внесеніемъ датъ въ самые указатели, и спеціалисты скажутъ за него г. Стороженку неоднократно спасибо.

Ив. Новицкій.

Józef Tretiak, Historya wojny Chocimskiej 1621 r. Lwów, 1889. (Іосифъ Третякъ, Исторія хотинской войны 1621 г.). Стр. 235.

Хотинская агонія 1621 г., законченная жалкимъ замиреніемъ враждующихъ сторонъ, въ свое время считалась одной изъ блистательнѣйшихъ страницъ въ военной исторіи польскаго государства. Значительно сильнѣйшая турецкая армія отступила отъ Хотина одновременно съ польскою,—такой фактъ считался достаточнымъ для превознесенія славы польскаго оружія. Если бы позднѣйшіе бытописатели задавались цѣлью изображать батальныя подробности и пѣть диѳирамбы, то слѣдовало бы пожалѣть о потраченномъ времени и бумагѣ. Г. Третякъ понялъ свою задачу значительно шире. Его подробное и весьма тщательное изслѣдованіе доказываетъ, по мнѣнію автора, что до наступленія братоубійственной хмельнищины Рѣчь Посполитая была еще достаточно сильна, чтобы занять на востокѣ положеніе великой державы и выполнить широкіе замыслы Стефана Баторія, но конечно подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы разноплеменное населеніе государства сплотилось для этой цѣли въ одномъ общемъ стремленіи. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія королевичъ Владиславъ, по восшествіи на престолъ, и пытался двинуть силы польскаго народа противъ турокъ и татаръ.

Конечно, шведу—королевичу позволительно было заблуждаться касательно боевой годности пріемнаго отечества, но трудно понять, для чего позднѣйшіе историки должны безплодно тратить время на доказательство такихъ антиисторическихъ предположеній. Въ самомъ дѣлѣ, если хотинская драма не закончилась катастрофой въ родѣ цецорской, то этимъ Польша обязана никакъ не своимъ жолнѣрамъ, лисовчикамъ и наемнымъ нѣмцамъ, но всецѣло и исключительно запорожской арміи: козаки, какъ истинно-христіанскіе и неустрашимые рыцари, грудью отстояли пограничье того рабскаго государства, гдѣ мнили быть свободными гражданами,—тогда какъ польское рыцарство позорно дезертировало изъ лагеря, скрывалось въ возахъ для фуража, вѣчно тревожилось, волновалось, купило миръ тайными подарками турецкимъ вельможамъ, бездѣятельно присутствовало при уводѣ татарами польскихъ женъ, дѣвъ и дѣтей въ неволю, согласилось платить туркамъ и татарамъ гарачъ, заботясь лишь о соблюденіи приличій, pour sauver les apparences. Если принять въ разсчетъ, съ какимъ трудомъ полякамъ удалось собрать ничтожную армію къ Хотину; какъ она была дурно снабжена военными и съѣстными припасами, деньгами; въ какой мѣрѣ все это вносило замѣшательство въ военныя дѣйствія; къ какимъ жалкимъ уловкамъ приходилось прибѣгать военнымъ начальникамъ, чтобы успокоить жолнеровъ; въ какой степени потрясена была военная дисциплина въ польскомъ лагерѣ; если вспомнить жалкую исторію посполитаго рушенія, ведомаго яко бы къ Хотину трусливымъ и ничтожнымъ Сигизмундомъ,—то заключительный выводъ г. Третяка покажется болѣе чѣмъ проблематичнымъ. Конечно, польское государство обладало большимъ запасомъ силъ и средствъ, но организовать ихъ для общей цѣли въ данную эпоху органически не могло и не умѣло,—хмельнищина, вырывшая могилу исторической Польшѣ, доказала это какъ нельзя лучше.

Всѣ существенные моменты хотинской драмы, окончившейся сравнительно благополучно благодаря козакамъ и наступленію зимнихъ холодовъ, очерчены въ книгѣ г. Третяка съ должнымъ вниманіемъ и рѣдкимъ безпристрастіемъ. Къ заслугѣ автора должно отнести ту тщательность, съ которою онъ изслѣдуетъ отношенія козаковъ къ польскому государству, туркамъ и татарамъ, въ связи съ наступившей войной, и изображаетъ неоцѣненныя военныя заслуги запорожцевъ въ этой войнѣ. Отсутствіе твердой, послѣдовательной политики относительно козаковъ представляется автору просто удивительнымъ: то поляки возбуждали запорожцевъ противъ турокъ и татаръ,

то стремились задавить козачество, смотря по вдохновенію минуты. Политика короля Сигизмунда III въ религіозномъ вопросѣ находитъ также справедливую оцѣнку въ книгѣ автора, который замѣчаетъ, что религіозный вопросъ имѣлъ въ данную эпоху чисто соціальную подкладку и что украинцы ненавидѣли унію и католицизмъ не въ силу вѣроисповѣдныхъ различій, но исключительно какъ «панскую вѣру». Нашъ авторъ избѣгаетъ произвольныхъ положеній и стремится поставить ихъ на прочномъ фундаментѣ документовъ. Кромѣ обширной печатной литературы о хотинской войнѣ, онъ извлекъ немало любопытныхъ данныхъ изъ т. наз. портфелей Нарушевича (музей кн. Черторыйскихъ въ Краковѣ), изъ библіотеки института Оссолинскихъ во Львовѣ и архива краковскаго унив-та. Благодаря тщательному и разностороннему изученію предмета, авторъ имѣлъ возможность не только представить правдивую картину борьбы, но и дать немало новыхъ бытовыхъ, финансовыхъ, административныхъ, дипломатическихъ и даже отчасти военно-техническихъ подробностей, представляющихъ высокій интересъ для любителей историческихъ изученій. Отмѣтимъ здѣсь нелишенное интереса библіографическое указаніе на рукопись краковскаго унив-та № 2 «Sposoby obrony Rzpltej od pogań» etc., писанную вслѣдъ за цецорскимъ погромомъ (стр. 47): анонимный авторъ рекомендуетъ двинуть козацкую силу для овладѣнія Крымомъ или же до наступленія зимы выслать войско къ Тегини и Бѣлгороду и занять здѣсь какой-либо пунктъ, откуда козакамъ легко было бы дѣлать свои наѣзды моремъ и сушею; къ козакамъ выслать предварительно какого-либо важнаго сановника съ жолдомъ въ 100,000 зл., раздать мелкія коронныя имѣнія на Украинѣ бѣднѣйшимъ козакамъ, привлечь на сторону Польши Сагайдачнаго съ старшиной и донскихъ козаковъ, успокоить греческую вѣру, и т. д. На дѣлѣ оказалось, что козаки Сагайдачнаго, государственная связь которыхъ съ поляками была въ сущности крайне слабой и двусмысленной, проливали кровь подъ Хотиномъ, такъ какъ наступленіе турокъ грозило общей бѣдой какъ Польшѣ собственно, такъ Украинѣ и Запорожью,— за эту услугу польскіе военачальники выдали запорожскому войску росписку на 50.000 зл. (плата просто смѣшная по своей ничтожности, замѣчаетъ авторъ), но за то не жалѣли самыхъ краснорѣчивыхъ похвалъ и чувствительныхъ благодарностей своимъ спасителямъ. Какъ видно, Сагайдачный прекрасно понималъ цѣну этимъ чувствамъ и принялъ мѣры противъ предательства при заключеніи мира съ турками, которые требовали выдачи козаковъ. Г. Третякъ отмѣчаетъ

какъ доблесть польскихъ дипломатовъ, что они отказались исполнить это требованіе: доблести мы тутъ не видимъ, ибо козаковъ было подъ Хотиномъ если не болѣе, то и не менѣе поляковъ, вооружены они были лучше, военный духъ ихъ былъ выше; согласись поляки на разгромъ козаковъ отдѣльно,—ихъ собственная участь была бы конечно еще хуже той, которую они испытали по заключеніи «побѣдоноснаго» мира, когда хищные татары сотнями выхватывали плѣнниковъ изъ табора и польскіе трупы усѣяли дорогу въ Каменецъ, а собаки на улицахъ города пожирали человѣческую падаль.

Кромѣ указанной росписки отъ 14 сентября 1621 г., отмѣтимъ еще приведенную въ приложеніи VII книги г. Третяка инструкцію запорожскихъ козаковъ ихъ посламъ въ Варшаву. Указавъ на свои заслуги передъ Рѣчью Посполитою, козаки жалуются на невыплату имъ условленнаго жолда, просятъ объ аккуратной расплатѣ согласно приведенной выше росписк'ѣ, объ успокоеніи и огражденіи надлежащими грамотами старинной греческой вѣры, объ отдачѣ Боришполя съ окрестностями на запорожскій гошпиталь, въ которомъ нынѣ чувствуется особая нужда, о свободномъ проживаніи козаковъ въ коронныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ имѣніяхъ, о разрѣшеніи поступать на службу къ христіанскимъ государямъ, о вольной охотѣ и рыболовствѣ, объ указаніи поселеній для зимнихъ «лежъ» козаковъ и о недозволеніи стоять здѣсь жолнѣрамъ, особенно въ кіевскомъ воеводствѣ (стр. 232 сл.). **Н. М.**

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію археографическою коммиссіею. Томъ шестнадцатый. Лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. С. Петербургъ 1889.

Давно ожидаемый XVI томъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, наконецъ, появился въ свѣтъ. Думали найти въ этомъ томѣ изданіе нашихъ юго-западныхъ лѣтописей, изданныхъ весьма давно, разными лицами. Изданія эти—Попова, Даниловича, Нарбута—сдѣлались въ настоящее время библіографической рѣдкостью, а между тѣмъ указанныя лѣтописи являются главнымъ, если не единственнымъ источникомъ для исторіи юго-западной Руси съ конца XIII до конца XV столѣтія, представляя собою остатки, хотя въ измѣненномъ, компилятивномъ видѣ, мѣстныхъ хроникъ Кіева, Волыни, Смоленска и др. Ни ис-

точники документальные, ни иностранныя хроники,—источники драгоцѣнные сами по себѣ,—не въ состояніи замѣнить ихъ. Лѣтописи сѣверной Руси, даже Никоновскій и Воскресенскій сборники, не могутъ восполнить пробѣла нашихъ свѣдѣній о судьбахъ юго-западной Руси въ указанный періодъ времени при отсутствіи лѣтописей юго-западныхъ. Императорская археографическая коммиссія давно предполагала переиздать послѣднія, «но желаніе собрать возможно большее количество списковъ задержало изданіе». И такъ приходится ожидать выхода въ свѣтъ XVII тома, въ который войдетъ и третья часть изданнаго теперь сборника *Авраамки*. Сборникъ этотъ получилъ такое названіе на основаніи приписки, помѣщенной въ рукописи послѣ второй части сборника: «Въ лѣто 7003 написана бысть сія книга, глаголемый лѣтописецъ, во граде Смоленсцѣ, при дръжавѣ великого князя Александра, изволеніемъ Божіимъ и повелѣніемъ господина владыки епископа Смоленъского Іосифа, рукою многогрѣшнаго раба Божіа Авраамка». Самая рукопись найдена въ Полоцкѣ и въ настоящее время принадлежитъ виленской публичной библіотекѣ. Въ 1866 году она была передана для изданія въ Императорскую археографическую коммиссію. Мы не станемъ приводить болѣе подробныхъ данныхъ о самой рукописи, такъ какъ описаніе ея сдѣлано самими издателями; скажемъ только, что рукопись относится къ концу XV и началу XVI вѣка. Остановимся нѣсколько на самомъ сборникѣ. Онъ распадается на три части. Первая часть начинается хронографомъ; затѣмъ слѣдуетъ сокращеніе, *можетъ быть*, новгородской лѣтописи, которая ясно выступаетъ въ изложеніи событій съ конца XIII и начала XIV вѣка. Но со второй четверти XIV столѣтія эту часть сборника Авраамки нельзя назвать *сокращеніемъ* лѣтописи новгородской, такъ какъ мы найдемъ тутъ описанія событій весьма подробныя. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что у составителя нашего сборника была въ рукахъ какая нибудь лѣтописная рукопись изъ разряда такъ называемыхъ софійскихъ скорѣе, чѣмъ собственно новгородскихъ. Нужно впрочемъ, сказать, что сборникъ отличается большой компилятивностью. Составитель его имѣлъ подъ руками нѣсколько разнообразныхъ рукописей какъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ и сѣверныхъ новгородскихъ, но едва ли онъ пользовался лѣтописями псковскими. Все это болѣе или менѣе ясно выступаетъ при первомъ же чтеніи лѣтописи Авраамки. Что у составителя были лѣтописи и древнихъ и новыхъ редакцій одного и того же цикла,—это усматривается изъ повтореній въ его повѣствованіи какъ подъ годами 6485 и 6488, 6494—6495,

6731 и 6732 и т. д., такъ и подъ другими годами; наконецъ разсказавъ о событіяхъ 6913 года, составитель говоритъ: «*а се съ другого старого*». Во многихъ мѣстахъ составитель не могъ разобрать «книгъ ветшаныхъ» и исказилъ отдѣльныя слова [1]). Вообще нашъ сборникъ представляетъ изъ себя весьма сложную компиляцію: мы найдемъ въ немъ сходство и съ супрасльскою рукописью и съ новгородской IV-й, и съ софійскими лѣтописями, наконецъ, есть извѣстія съ такими оттѣнками въ изложеніи фактовъ, которыхъ, мы не найдемъ ни въ одной изъ сказанныхъ лѣтописныхъ редакцій. Поэтому нельзя, по нашему мнѣнію, сказать утвердительно, что въ такой то части сборника составитель его пользовался такою то лѣтописью. Гдѣ составлена эта компиляція? Принадлежитъ ли она перу Авраамки, или же послѣдній является лишь простымъ списателемъ уже готоваго сборника? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Самое выраженіе «написалъ», какъ извѣстно, ничего показывать не можетъ. Есть обстоятельства, заставляющія думать, что сборникъ составленъ не въ Смоленскѣ. Соединены всѣ три части, изъ которыхъ онѣ состоятъ, можетъ быть, и въ этомъ городѣ, но это уже не составленіе, а простое послѣдовательное списываніе. Если бы первую часть его и вторую составлялъ Авраамка, смольнянинъ, онъ внесъ бы въ него извѣстія изъ древнѣйшихъ смоленскихъ лѣтописей, а не ограничился бы сокращеніемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ и софійскихъ. Нельзя же думать, чтобы въ Смоленскѣ не было съ древнѣйшихъ временъ своей мѣстной лѣтописи, отрывки которой мы находимъ въ другихъ лѣтописныхъ редакціяхъ. Между тѣмъ въ нашемъ сборникѣ смоленскія извѣстія не оригинальны, а тѣ же, что въ новгородскихъ, софійскихъ лѣтописяхъ, или въ Никоновскомъ и Воскресенскомъ сборникахъ. Можно сдѣлать, поэтому, другое предположеніе, что въ Смоленскѣ, какъ и въ другихъ центральныхъ городахъ областей, были свои мѣстныя лѣтописи, ведшіяся аккуратно и аккуратно хранившіяся, и что старались собирать лѣтописи другихъ областей, но не въ оригиналѣ, а въ лѣтописныхъ сборникахъ. Эти сборники добывались, переписывались въ Смоленскѣ и хранились тамъ, можетъ быть, при каѳедральной церкви. Таково было, по всей вѣроятности, происхожденіе и нашего сборника. Всѣ повторенія, указанія на старыхъ лѣтописцевъ и т. д.

---

[1]) Обращаетъ на себя вниманіе одна описка: *Веручій* вмѣсто *Вручій*. *Веручій* напоминаетъ Βερούτζη Константина Багрянороднаго.

сдѣланы не Авраамкой, а составителемъ сборника, не смольнянином, или не въ Смоленскѣ, ибо, повторяемъ, составляйся сборникъ въ Смоленскѣ, въ Повѣсть временныхъ лѣтъ и далѣе были бы внесены и смоленскія извѣстія, которыхъ мы въ немъ не видимъ. Вторая часть сборника начинается почти дословной передачей Повѣсти временныхъ лѣтъ и открывается договоромъ Игоря съ греками. Заканчивается она взятіемъ Корсуня въ 988 году. Затѣмъ къ ней приложены юридическіе памятники, какъ Русская Правда, уставы Владиміра св., Ярослава М., Всеволода, уставъ о мостѣхъ Ярослава М., грамота Всеволода церкви св. Іоанна. Тутъ же мы находимъ родословія русскихъ князей, съ нѣкоторыми весьма интересными замѣтками. Какъ источникъ для исторіи юго-западной Руси, сборникъ Авраамки не даетъ почти ничего такого, чего бы мы не нашли въ другихъ лѣтописяхъ. Третья часть сборника, содержащая въ себѣ лѣтопись великихъ князей литовскихъ, должна появиться въ XVII томѣ. Будемъ надѣяться, что она дастъ намъ болѣе данныхъ для исторіи юго-западной Руси и, можетъ быть даже, пополнитъ пробѣлы лѣтописей Попова-Даниловича и Быховца. XVI томъ изданъ подъ редакціей гг. Бычкова и Бестужева-Рюмина, а указатель составленъ г. Барсуковымъ.

П. Г.

Tadeusz Sternal, Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi. Studyum historyczno-literackie (Lwów, 1890) (Тадей Стерналь. Осада Каменца въ романѣ и исторіи. Литературно-историческій этюдъ). Стр. 48.

Въ III томѣ своего историческаго романа «Панъ Володыевскій» г. Сенкевичъ даетъ эффектное описаніе взрыва Каменецкаго замка 1672 г., заранѣе задуманнаго патріотическими Вол—мъ и майоромъ Кетлингомъ. По справкѣ съ источниками оказывается, что авторъ романа въ этомъ случаѣ черпалъ главнымъ образомъ, если не исключительно, изъ современнаго описанія паденія Каменца, составленнаго не безъ поэтическихъ прикрасъ летичевскимъ стольникомъ Станисл. Маковецкимъ, изд. въ 1886 г. Бѣда въ томъ, что источникъ г. Сенкевича представляетъ дѣло иначе: Володыевскій въ моментъ взрыва былъ на конѣ и думалъ бѣжать; самый взрывъ произошелъ или вслѣдствіе простой случайности, или даже по винѣ Кетлинга, желавшаго

скрыть такимъ путемъ допущенные имъ въ цейхгаузѣ безпорядки,— какъ бы то ни было, въ источникахъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы окружать этотъ подвигъ, благодаря которому безъ нужды погублено до 500 польскихъ жолнѣровъ, поэтическимъ ореоломъ, какъ это сдѣлалъ г. Сенкевичъ. Если г. Сенкевичъ однако направилъ свою фантазію такимъ фейерверочнымъ путемъ, то это какъ нельзя болѣе понятно: ему нужно возвысить своего шляхтича-воина всѣми дозволительными для поэта средствами. Но трудно понять, для чего-бы историко-литературная критика должна была подыскивать эстетическія оправданія для этой фальсификаціи. И дѣйствительно, всѣ соображенія г. Стерналя оказываются мало убѣдительными, разъ онъ признаетъ фактъ идеализаціи г. Сенкевичемъ своихъ героевъ въ ущербъ исторической истинѣ. При слабомъ развитіи историческихъ знаній въ обществѣ, романы г. Сенкевича можетъ быть и служатъ свою полезную службу и даютъ пріятное возбужденіе фантазіи читателя, но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ дѣйствительной цѣнности, какъ популярнаго изображенія былого: внутренней правды въ нихъ мало.

Н. М.

И. Палимпсестовъ. Степи юга Россіи были-ли искони вѣковъ степями и возможно-ли облѣсить ихъ. (Зап. Имп. Общ. Сел. Хоз. Ю. Р. 1889 г. №№ 3—12).

Авторъ, горячій и убѣжденный защитникъ существованія лѣсовъ на югѣ Россіи въ прежнее время и возможности разведенія ихъ нынѣ, ставитъ себѣ цѣлью: 1) разобрать всѣ мнѣнія contra и изложить собственное pro, подкрѣпляя его мнѣніями единомышленниковъ и 2) доказать возможность облѣсить южныя и подобныя имъ степи Европ. Россіи. Въ длинномъ рядѣ статей авторъ выполняетъ преимущественно первую часть задачи. Читатель, интересующійся этимъ вопросомъ, найдетъ здѣсь очень много фактическихъ данныхъ и соображеній, часто весьма интересныхъ.

Библіографическое извѣщеніе.

ВЫШЛА 4-я КНИГА

Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

Содержаніе: Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историч. Общества Нестора лѣтописца въ 1889 г.—Изъ археол. экскурсіи въ припетское Полѣсье В. З. Завитневича (со снимками).—Вторая археол. раскопка ок. с. Сараты въ ю. Бессарабіи. Ѳ. И. Кнауэра (съ черт.)—Черты семейнаго права въ зап. Россіи въ половинѣ XVI в. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.—Обзоръ юж.-рус. и з.-рус. памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. П. В. Владимирова.—Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III. В. С. Иконникова.—Волненія помѣщичьихъ крестьянъ кіев. губ. въ 1855 г. М. Н. Ясинскаго.—Катехизисъ, албо вызнаніе вѣры святое соборное, апостолъское, въсходнее церкви (1600 г.). Сооб. С. Т. Голубевъ.—Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи. Сооб. А. М. Лазаревскій.—Экстрактъ изъ журнала слѣдованія резидента Неплюева изъ Кіева въ Константинополь въ 1746 г. Сооб. М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

Цѣна 2 р. 50 к. За пересылку прилагается **25 к.**

Съ требованіями обращаться въ г. Кіевъ, въ Ист. Общ. Нестора лѣтописца при унив. св. Владиміра или въ редакцію журнала „Кіевская Старина“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

1890 Г.—ГОДЪ 2 й.

издаваемое этнографическимъ отдѣломъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ,

подъ редакціей секретаря отдѣла Н. А. ЯНЧУКА,

при участіи слѣдующихъ лицъ: проф. В. Б. Антоновича, проф. Д. Н. Анучина, проф. Д. И Багалѣя, Е. В. Барсова, П. М. Богаевскаго, акад. Ѳ. И. Буслаева, М. К. Васильева, акад. Александра Н. Веселовскаго, проф. Алексѣя Н. Веселовскаго, Э. А. Вольтера, Н. Л. Гондатти, В. П. Горленка, М. В. Готовицкаго, А. Н. Грена, С. Я. Дерунова, М. В. Довнаръ-Запольскаго, М. Довойно-Сильвестровича, проф. М. С. Дринова, И. Е. Забѣлина, Н. К. Зейдлица, А. П. Звонкова, А. А. Ивановскаго, П. В. Иванова, А. А. Казмина, В. В. Каллаша, В. В. Кандинскаго, проф. А. И Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. Ѳ. Е. Корша, Г. И. Куликовскаго, Ю. Н. Мельгунова, проф. В. Ѳ. Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Минха, В. М. Михайловскаго, А. Н. Пыпина, Е. Р. Романова, А. П. Сапунова, В. И Сизова, проф. И. Н. Смирнова, проф. А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, Е. Т. Соловьева, проф. Н. Ѳ. Сумцова, А. А. Титова, акад. Н. С. Тихонравова В. Тихонова, В. К. Трутовскаго, проф. Г. А. Халатова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, П. В. Шейна, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушкина и др,

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка и др. искусства.
4. Народная медицина.

5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.

6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.

7. Историческая и доисторическая этнографія.

8. Обзоръ жизни и дѣятельности русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный библіографическій отдѣлъ изданія заключаетъ въ себѣ:

1. Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, по скольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій: ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и др., съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3. Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ „Смѣси“ сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ и т. п.

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (въ 12—15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки: 1-я кн.—въ началѣ марта, 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. **4** р. **50** к., съ перес. **5** р., за границу **6** р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ по **1** р. **50** к. съ перес. Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка **40%**.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина, (Москва и Петерб.), Н. П Карбасникова, (Моск., Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А Ланга (Москва).

Дозволено ценз. Кіевъ, 16 мая 1890 г.

Тоей жъ осени, якъ былъ Хмельницкій подъ Львовомъ, вышелъ ханъ зо всѣми ордами своими, на городы козацкие, почавши отъ Смѣлои, на городище на Волховецъ, на Звинигородку, тянулъ противно Хмелницкого; а подъ всѣма городами украинскими было множство татаръ, хотячи добывати городовъ, бо ханъ розгнѣвався на Хмелницкого за тое, що здався москалеви и тыихъ козаковъ, що зъ городовъ украинскихъ ишли до Хмелницкого, албо отъ Хмелницкого сподъ Львова, татаре ловили и самого Хмелницкого, спотькавши его подъ Озѣрною, мало не розбили, бо войско свое Хмелницкій роспустилъ былъ, и мало що было при немъ. Потимъ, змиривши съ ханомъ, самъ Хмелницкий былъ у него въ наметѣ, а поговоривши зъ собою наединѣ, розошлися въ покою; и пришедши Хмелницкий съ той дороги въ Чигиринъ, захоровалъ.

1656. Антонъ, судия енералный козацкій, ходилъ въ зимѣ на венgры, бо на той часъ вторгнули были венgры до Полщи, а знявшися зъ шведскимъ королемъ той Антонъ, Варшаву, Краковъ и иншие городы по за Вислою, воевали.

Того жъ лѣта, Хмелницкій сына своего Юрася, еще молодого, съ Чигирина выправилъ до войска, на Ташлыкъ.

Того жъ часу, Хмелницкий гетманъ померъ, а сынъ его на Ташлыку стоялъ недѣль шесть; а повернувшися до Чигирина, уже отца своего не засталъ живого.

Того жъ року, Силивестеръ Косовъ, митрополитъ киевский, померъ. А по Хмелницкомъ Іоанъ Выговскій, писарь енералный, зосталъ гетманомъ козацкимъ.

1657. Подъ Полтавою Пушкара, полковника полтавского, который былъ збунтовался на Выговского [1]) гетмана, подъ Полтавою козаковъ его збилъ, самого поймавши, казавъ стяти Выговский.

Того жъ лѣта, Данило Выговский подступилъ подъ городъ московский киевский, отъ монастыра Печерского, зъ войскомъ козацкимъ, а Яненко, полковникъ киевский, зъ другого боку съ козаками стоячи на Шкавици, добывали города московского. На той часъ

[1]) Приписка: По дурачеству гетмана началась измѣна.

въ городѣ воеводою былъ Борисъ Василиевичъ Шереметъ; а потымъ, гды дня едного Данило Выговский былъ веселъ, Москва, вышедши зъ города, обозъ Данилковъ розбили, и козаковъ много згинуло, а Данилко Выговский самъ ледво утеклъ. Тогды же и Киевъ прежде добываня своего, москалѣ городъ Киевъ спалили ввесь; и тая война названа есть скавичщина.

1658. Григорий Гуляницкій, полковникъ миргородский, отъ Москвы былъ въ облеженю въ Конотопѣ, которого Выговскій гетманъ, пришедши съ козаками и ордою, освободилъ, а Москву всю избилъ [1]).

1659. Иванъ Выговский, подъ Хвастовомъ, Юрію Хмелницкому булаву и гетманство отдалъ.

Того жъ лѣта, за Цюцюры, полковника переяславскаго, козаки въ Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ, въ Черниговѣ ляховъ выбили и Немѣрича пана благочестивого, который зъ лютра тогды зосталъ благостивый, мужикъ стявъ косою.

Того жъ року, Юрый Хмелницкий цару московскому поклонилъся.

1660. Борисъ Василиевичъ Шереметъ зъ войскомъ великимъ московскимъ и козаками, которыхъ былъ гетманомъ сѣверскимъ Цюцюра, вышелъ съ Киева, на Полщу воевати, которыхъ москалевъ съ Шереметомъ и Цюцюрою ляхи подъ Чудновомъ осадили, а потомъ москва и козаки, будучи голодомъ зморены, за персвазиею Івана Виговского, который былъ уже зъ ляхами, ляхомъ здалися, а ляхи Шеремета, зъ москвою и козаками, въ неволю отдали татарамъ, тылко Цюцюру до себе взявши, вязенемъ его въ Дубнѣ мучили, а потымъ на Вкраину зъ Дубна, утекъ и умеръ.

1661. Юрий Хмелницкий гетманъ, который зменилъ цару московскому, а поклонившися королеви полскому Яну Казимирови, переправившися чрезъ Днѣпръ, ишолъ подъ Переяславль добывати въ немъ Ромодановского, воеводу московского, и станулъ о полмилѣ отъ Днепра, зъ войскомъ своимъ, а Ромодановскій изъ Якимомъ Сомкомъ, дядкомъ Хмелницкого, гетманомъ сѣверскимъ,

---

[1]) Приписка: Тутъ убито изъ россійского войска сорокъ князей.

вышедши зъ войсками московскими и козацкими, пошелъ инсперате потоптомъ на Хмелницкого, который, не могучи прийти до справы, утекати почалъ на конехъ презъ Днѣпръ, противъ Канева, и потонуло козаковъ его и ляховъ тисячи десеть и килка сотъ, отъбѣгша всего табору; а хто не вспѣлъ утекати, тыхъ москалъ побили. А потымъ, орда пришла сильная на Вкраину, по которую Хмелницкий посылалъ, але на той часъ не приспѣла gды Ромодановский гонилъ Хмелницкого, и много шкоды въ людяхъ починила.

И на той часъ Климентия Старушича, ігумена выдубицкого, подъ Лубнами взяли съ челядью, который ѣздилъ на Преображение Господне до Мгара, на празникъ; на той часъ у Мгарѣ былъ ігуменомъ Викторъ Загоровский; але Старушича законники терехтемѣровскии выкупили.

1662. Юрый Хмелницкий въ Чигиринѣ Павлу Тетерѣ отдалъ булаву и гетманство, а за Днѣпромъ Сомко былъ гетманомъ; а Хмелницкий постригся въ чернцѣ въ монастыру Курсунскомъ; стриглъ его Дионисій Балабанъ, митрополитъ киевский, а игуменомъ на той часъ въ Корсунскомѣ монастыру былъ Ѳеодосий Углицкій.

1663. Рада, албо зрада чернецкая, козацкая была подъ Нѣжиномъ, и тамъ Івана Бруховецкаго москалѣ учинили гетманомъ, а Сомка гетмана и Васюту Золотаренка, полковника нѣжинского, Оникѣя Силѣча, полковника чернѣговскаго, полковника переяславского Шамрицкого и еще пятого человѣка знатнаго казалъ Бруховецкий постинати татаринови въ Борзнѣ; итакъ зостали мучениками, бо невинне потрачено ихъ.

Того жъ году, Сѣрко зъ Запорожья приходилъ добивати Чигирина, але не добывши, отступилъ.

1664. Тетера да Чернецкій и Маховский Івана Выговскаго казалъ рострѣляти; а онъ на той часъ въ избѣ поклякнувши, читалъ акафистъ пресв. Богородици; похованъ въ Великомъ Скитѣ, изъ жоною своею Стеткевичовною, которой gды сказано, уже пана забито, пала и умерла, зоставивши сына единого своего, еще невеликого.

Того жъ року, Чернецкий зъ жолнѣрами своими, въ постъ великий, въ середу першого тиждня, о вечерней годинѣ, пришелъ до Чигирина и облѣглъ Сѣрка въ Бужинѣ, а Сѣрко на самый день Воскресенія Христова, вышедши зъ своими козаками зъ замочку, инсперате вдарилъ на ляхи и много ихъ постиналъ и покололъ; и пошолъ въ поля чрезъ Медведовку волно, а Чарнецкій Бужинъ и Суботовъ спалилъ и тамъ въ Суботовѣ тѣло старого Хмелницкого и Тимоша сына его, которого подъ Сочавою забито, казалъ съ гробовъ въ рынку выкинути на пепелище. Суботовъ тогды былъ пустъ, а псовъ съ Чигирина, зъ Суботова и зъ иншихъ пустыхъ мѣстъ украинскихъ, великое множство было, которыи чередами ходячи, не только мертвыхъ трупы ѣли, але и живымъ людемъ шкодили; а Чернецкий, набравши скарбовъ и гарматъ, вышолъ съ Чигирина, для того же и самъ Тетера, гетманъ, съ Чигирина до Полщи выражался; тылко Хлопицкий зъ ляхами въ Чигиринѣ зостался.

Того жъ року, Янъ Казимиръ, кроль полский, зъ войскомъ полскимъ и татарскимъ и козацкимъ другого боку Днепра, былъ за Днепромъ; Рождество Христово отправовалъ въ Козелцу, и Глухова добывалъ недѣлъ четыри; а не доставши, отступилъ и пошелъ до Полщи, gды жъ весна наступовала. А gды былъ въ Корсунѣ, идучи на Заднѣпре, тамъ Іосифа Нелюбивича Токалского, митрополиту (по Балабанѣ) киевского и хмелницкого, котрого въ иночествѣ названо Гедеономъ, казалъ запроводити до Майборку, на заточение, а Антония Винницкаго учинилъ митрополитомъ, епископа переяславского (перемышльского?).

1665. Тетера вышолъ исъ Чигирина, не здавши никому гетманства.

Того жъ року, Бруховецкий Чигирина добывалъ недѣлъ четыри, а не добывши, отступилъ. По Тетерѣ насталъ гетманомъ Опара, а потымъ его татаре съ козацкого табору взяли зъ собою въ Кримъ. Потымъ Дорошенко въ Чигиринѣ зосталъ гетманомъ.

Того жъ року, Бруховецкий оженился на Москвѣ.

1666. Солнце мѣнилося, але не все, въ Петровку, въ пятокъ десятый по Воскресеніи Христовѣ.

Тогожъ року, былъ перепись во всей Малой Россіи, по указу царя московского, якъ много людей на Вкраинѣ, старыхъ и молодыхъ, и въ пелюшкахъ писано.

Того жъ року, на святого пророка Илию, козаки, направленые отъ Дорошенка, убили Данка, полковника переясловского и судию енералного, а потымъ и иншихъ немало, и ввойшли въ Переяславъ и, выпаливши мѣсто, утекли за Днѣпръ до Дорошенка.

Того жъ року, Никона, патриарху московского, зложили съ патриаршества, патриарха александрийский, другий антиохийский и невинне въ заточение послано, за росказанемъ царя Алексѣя Михайловича.

1668. Бруховецкий, гетманъ, Алексеови Михайловичу, цару московскому, зменилъ и воеводъ московскихъ и москаловъ по городахъ велѣлъ бити.

Того жъ часу, Москва Переяславль допалила и Нѣжинъ ввесь спалила.

Того жъ року, Дорошенко пришелъ подъ Полтаву въ чернецкую раду, а Бруховецкий зъ Гадячого ишолъ въ тую жъ раду; и тамъ его запорозци забили, а Дорошенко отъ обоихъ сторонъ Днѣпра зосталъ гетманомъ.

Того жъ року, Ромодановского, гетмана и воеводу московского, у Бѣлыхъ Вежахъ татаре осадили и сына его подъ Ичнею на бою взяли.

1669. Демяна Многогрѣшного Москва въ Глуховѣ, третей недѣли посту великого, гетманомъ учинила и той обралъ себѣ жити въ Батуринѣ гетманское; и по немъ иншие гетманы тамъ живутъ.

1672. Цесаръ турецкий самъ былъ подъ Каменцемъ-Подолскимъ и взялъ его августа дня 18, а по Львовъ посылалъ Капланъ-пашу зъ войскомъ турецкимъ и татарскимъ и Дорошенкомъ съ козаками, который паша добывалъ его моцно, але не добылъ; а Дорошенко послалъ до монастыра Креховского, споды Львова, Івана Мазепу; Капланъ паша не вѣдалъ и послалъ часть войска турецкого и татарского добывати того жъ монастыра, а гды пришло войско его тамъ, били ихъ, боронячися, чернцы добре и ханского

забито сестренца gліотомъ желѣзнымъ; и самъ залога Іванъ Мазепа зъ ручници много турковъ трупомъ положилъ, за що велми розгнѣвався ханъ и болшую громаду войска татарского и турецкаго добывати Крехова послано. Видячи черницы, же трудно оборонитися, здалися туркомъ и дали за себе окупу срѣбра церковного каменей чтыри и таляровъ тисячу; а такъ отишли отъ нихъ турки и пришли до цесара, до Каменца Подолского, а на той часъ Михаилъ, кроль полский, Корибутъ Вишневецкий, съ посполитымъ рушеньемъ, стоялъ въ Великой Полщи, подъ Голембемъ, а Янъ Собѣский, гетманъ и маршалокъ великий коронный, зъ войскомъ кварцянымъ полскимъ, былъ въ Покутю и подъ Калушемъ мѣстомъ билъ велми орду; а самъ вожъ ихъ Адзи-gерей султанъ блудилъ по лѣсу дней 5, ажъ его мужикъ еденъ выпровадилъ на дорогу, а онъ ему за то далъ 30 червоныхъ. А львовяне поступили дати, ѣднаючи турковъ, сорокъ тисячий червоныхъ золотыхъ, а сорокъ таляровъ битыхъ; и дали въ заставу имъ двохъ мещанъ Руси, двухъ знову мещанъ поляковъ, двохъ мещанъ ормяновъ, и они отступили оды Львова, але напотымъ въ лѣтъ килка тыхъ всѣхъ мещанъ турчынъ о замѣнъ за едного великого якого татарина пустилъ съ Каменца до Львова, безъ датку вышъпомененной сумы.

1673. Михаилъ, кроль полскій, во Львовѣ умеръ.

Того жъ часу, Янъ Собеский, гетманъ и маршалокъ великий коронный, зъ гетманомъ литовскимъ Пацомъ, маючи при собѣ войска коронное и литовское, збили турковъ подъ Хотѣнемъ, послѣ Покрови, и обозъ взяли; тамъ Янъ Собеский въ замку Хотѣнскомъ грошей мишокъ сѣмъ взялъ скарбу турецкого.

Того жъ лѣта, Янъ Собеский, гетманъ, зосталъ кролемъполскимъ.

1674. Цесаръ турецкий самъ особою своею другий разъ вышолъ и городы козацкие: Умань, Ладижинъ, Збаражъ, Подгайци и иншие городки побуривши, людей множство великое забрали въ полонъ, а то Дорошенко цесара на тое озрушилъ, бо уманци были збунтовалися и сами межъ собою улицами билися, одны себе турецкими, а другіи московскими називаючи; якъ же пришолъ турчинъ, такъ всѣ погинули.

Того жъ времени, въ постъ великий, Демяна Многогрѣшного, гетмана козацкого, москалѣ на заточение въ Сибѣрь заслали, а Івана Самойловича гетманомъ учинили.

1675. Петро Дорошенко цару московскому съ Чигирина прислалъ до Москвы санджаки турецкие.

1676. Алексей Михайловичъ, царъ московский, померъ генваря дня 10, а по немъ зосталъ царемъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, сынъ его.

Того жъ року, Петро Дорошенко цару московскому поклонился и поѣхалъ до Москвы зовсѣмъ на мешкане и тамъ былъ въ чести царской; а пожившши лѣта многие, умеръ на Москвѣ.

1677. Имбраимъ паша Чигирина зъ великимъ добывалъ войскомъ турецкимъ и татарскимъ, але стративши войска не мало, якъ бы часть болшую, турецкого и татарского, самъ три разы подбѣгалъ подъ замокъ умыслне, хотячи, абы его забыто, а потымъ завстыдомъ отступилъ до дому.

1678. Азем, везиръ турецкий, взялъ Чигиринъ, мѣсяца августа дня 11, въ недѣлю.

Того жъ року, комета великая показалась, то есть звѣзда зъ хвостомъ, зимою, и килка недѣль трвала.

1679. Янъ Третий, кроль польский, подъ Журавномъ съ турецкимъ пашею, названымъ Сайтанъ паша, мѣлъ войну, а потомъ згодилися зъ собою лѣтъ на шесть.

На той часъ скитъ великий, монастыръ въ Покутю лежачий, турки спалили, а що въ Галичу, въ Тисменици, Чортковѣ, Богородчанахъ и по иншихъ мѣстахъ, людей въ Покутю и ку Подолю забрали были турки, всѣхъ въ цѣлости при згодѣ, которыхъ было на тисячий 8, королеви полскому отдали, и ігумена скитского зъ килку братиями; на той часъ былъ ігуменомъ Дорофей.

1680. Феодоръ Алексѣевичъ, царъ московский, посылалъ Василия Васильевича Голицина, зъ войскомъ великимъ, на защиту отъ Турковъ краю малороссийскому.

1681. Марта мѣсяца дня 23, громъ былъ, противъ Лазаревой суботы, зъ страшною велми блискавицею.

Того жъ року, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царъ, далъ монастыръ Свинский подъ Печерский монастырь.

1682. На святого апостола Матфея, ноемрия 16, земля траслася.

Того жъ року, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царъ московский, померъ, въ четвергъ недѣли ѳоминой, априля 27 дня, царствовалъ лѣтъ 6 и мѣсяцей два.

Того жъ лѣта, мая 15 дня, стрелцы московские много бояръ погубили въ мѣстѣ своемъ столечномъ Москвѣ, на Красной площади; столпъ каменный тамъ же были поставили, а потымъ его до основанія розбили.

Того жъ лѣта Іоанъ и Петръ Алексѣевичи, царя Алексѣя Михайловича сынове, братия единоутробния, начали царствовати въ Москвѣ; короновалъ ихъ Іоакимъ, патриарха московский.

1683. Инокентий Гизель, архимандритъ печерский, умеръ, а по немъ насталъ Варлаамъ Ясинский.

1684. Янъ Третий, кроль польский, подъ Виднемъ, мѣстомъ цесара христианского, турковъ збилъ и великии скарбы тамъ взялъ и намет везерский, который былъ вздовжъ на сажней 40, вширъ на сажней 20, а верховъ мѣлъ 43, и короговъ махометанскую взявши, послалъ до Рыму; а потымъ, гонячи везира, котрый сподъ Ведня утеклъ, мѣсто великое цесарское названое Стригония, котрое турки завоевали были у сто лѣтъ, того жъ дня якого взяли, цесарови отшукалъ и тамъ кавалерию турецкую, тисячий 80, трупомъ положилъ, а татаре утекли, бо ихъ тамъ убито тисячий три.

1685. Іоанъ и Петръ, цари московские, зъ Яномъ Третимъ, кролемъ полскимъ, учинили вѣчное зъ собою примирье.

Того жъ року, перший митрополитъ киевский Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинский, отъ Іоакима, патриархи московского, посвященъ на Москвѣ на митрополию киевскую.

Того жъ року, въ Глуховѣ старой замокъ згорѣлъ, августа 13, съ четверга на пятокъ.

1687. Іоанъ и Петръ, цари московские, князя Василия Васильевича Голицина посылали воевати Кримъ, который зъ великимъ

войскомъ московскимъ и козацкимъ пришедши на Самаръ, поставилъ городъ и назвалъ его городъ Бѣлогородицкий (sic) и пошолъ былъ далей въ татарскую землю, але не бывши въ ней, вернулся; тамъ же Ивана Самойловича, гетмана козацкого, зъ двома сынами, взято на Сибѣръ; а на Коломаку тогды жъ козаки учинили гетманомъ Івана Мазепу, а Самойловича взято за тое на Сибѣръ, що хотѣлъ здрадити Москву и зъ ордою братерство мѣти [1]).

1688. Іоаннъ и Петръ, цари московские, того жъ Голицина знову на Кримъ зъ великимъ войскомъ московскимъ и козацкимъ посылали, а ханъ кримский стрѣтилъ его съ потугою татарскою, и орда вешталася около войска; але же войско Галичино было велми великое и шло якъ вода не застановляючися, тылко отстрѣлювалися; а пришедши подъ перекопские ворота, не учинивши жадное потребы военной, отишолъ до Москвы и засланый есть на заточение въ Сибѣръ.

1690. Саранча была великая, мало не по всему свѣту.

Того жъ року, Іоакимъ, патриарха московский, умеръ марта 17.

Того жъ року, априля дня 7, Гедеонъ Святополкъ, митрополитъ киевский, померъ, а Варлаамъ Ясинский, архимандритъ Печерский, зосталъ митрополитомъ киевскимъ; ставилъ его на Москвѣ, Адрианъ, патриархъ московский.

1691. Марта дня 4, въ пятницу, годины 4, день, сонце мѣнилось на три части роздѣлившися и дуги посредъ неба стояла рогами на полночъ; трвало тое затмене на годину.

1692. Ѳеодосий Углицкий зосталъ архиепископомъ чернѣговскимъ, посвященъ отъ Адриана, патриарха московского, на Москвѣ.

1693. Лазарь Барановичъ, архиепископъ чернѣговский умеръ, живъ лѣтъ всѣхъ 77, правилъ престолъ лѣтъ 36, погребенъ въ катедрѣ чернѣговской, за лѣвымъ крилосомъ.

1695. Зима великая лежала и снѣгу было велми много, ажъ до святого великомученика Георгия.

Того жъ року, Казикерменъ, городъ турецкий, Іванъ Мазепа, гетманъ козацкий, и Борисъ Петровичъ Шереметъ, зъ войсками козацкими, узяли.

[1]) Приписка: брѣдши, неправда.

Того жъ року, Петръ Алексѣевичъ, царъ московский, ходилъ подъ городъ турецкий Азовъ и много тамъ войска погинуло московского; и отступилъ назадъ отъ нихъ.

1696. Іоаннъ Алексѣевичъ, царъ московский, преставился мѣсяца января 29 дня; а прежде смерти его отворалося небо и были два мѣсяцы на небѣ и билися зъ собою.

Тое жъ зимы, орда была великая на Вкраинѣ, зъ Петрикомъ.

Того жъ року, Ѳеодосий Углицкий, архіепископъ чернѣговской, померъ и похованъ въ катедрѣ чернѣговской, за правымъ клиросомъ.

Того жъ лѣта, Петръ Алексѣевичъ, царъ московский, ходилъ подъ Азовъ разъ другий и взялъ его, за поводомъ и отвагою Якова Лизогуба, полковника чернѣговского, который то Лизогубъ казалъ козакамъ своимъ засыпати фосу ровно зъ валомъ; и взяли его, и заразъ царъ осадилъ его людомъ своимъ, москалями.

1697. Янъ Третий, кроль полский, умеръ; былъ то панъ мудрый, богатый и ялмужникъ великий, любилъ благочестивыхъ, надавалъ на монастырѣ и церкви милостыню и на войнахъ былъ щасливый.

Того жъ року, Іоаннъ Максимовичъ зосталъ архіепископомъ чернѣговскимъ; святилъ его Адріанъ, патріарха московский, на Москвѣ.

Тогожъ року, перший архимандритъ въ Чернѣговѣ, въ монастыру чернѣговскомъ Ілинскомъ, посвятился Лаврентий Крщоновичъ; (святилъ?) на Москвѣ его крутицкий митрополитъ.

Того жъ року, Константинъ Мокиевский, киевский полковникъ, зъ Палѣмъ ходилъ подъ Очаковъ городъ татарский, и много ясыру и здобычи привезли [1]).

1698. Августъ, княжа саское, зосталъ королемъ полскимъ.

Того жъ року, Яковъ Лизогубъ, полковникъ чернѣговский, умеръ.

1699. Солнце мѣнилося септеврия 13, въ середу; тогды былъ Іванъ Мазепа, гетманъ, въ Чернѣговѣ.

Того жъ року, турки Каменецъ Подолский Августови, королеви полскому, доброволне, зъ росказаня цесара своего, отдали.

---

[1]) Приписка: Того жъ року дорогувля на Вкраинѣ, и въ Полщи и по иныхъ націяхъ была.

Того жъ року, Іосифъ Шумлянский, епископъ лвовский, зосталъ унѣатомъ.

Того жъ року, Михаилъ Лежайский, архимандритъ Новгорода Сѣверского, умеръ.

1700. Адріанъ, патріарха московский, померъ октоврія дня 16.

1701. Кроль шведский Полщу звоевалъ, за поводомъ Сапѣги, гетмана великого литовского, который противко короля полского Августа повсталъ.

Того жъ року, Іванъ Обидовский, полковникъ нѣжинский, будучи гетманомъ наказнимъ, подъ Рудовлемъ, мѣстомъ шведскимъ, померъ; похованъ въ Печерскомъ монастыру киевскимъ.

1702. Борковский, обозный енералный козацкий, марта дня 4 умеръ; похованъ въ монастыру Елецкомъ чернѣговскомъ, въ паперти, по правомъ боцѣ.

1703. Июль мѣсяцъ небесный насталъ въ пятокъ, числа пятого мѣсяца июня и заразъ въ недѣлю, о полудню, 7 числа того жъ мѣсяца, на небѣ вѣдиный былъ и звѣзды двѣ были близко него, а потымъ предъ заходомъ солнца невидати было его, ажъ до своего часу звычайного, въ вечеръ, до повня.

1704. Змий великий огнистый въ панствѣ шведскомъ зъ неба спалъ, мѣсяца іюля дня 20, и былъ видѣный отъ всѣхъ такъ въ Полщи, яко и въ Бѣлой Руси, на сѣверу, и Украинѣ, злетѣлъ головою на землю; а то летѣлъ по вечернѣ и долго вночь трвалъ, махъ ошибъ свой до горы, потымъ ввесь зсунулся на землю.

Того жъ року, Иванъ Мазепа, гетманъ, стоялъ зъ войскомъ подъ Полонымъ; и тогды Семиона Палѣя, полковника бѣлоцерковского, взявши, презъ цѣлую зиму въ Батуринѣ трималъ, въ вязеню; а напотымъ, запроважено его на Сибѣръ, на заточение.

Того жъ року, мѣсяца іюля дня 8, царъ Петръ Алексѣевичъ взялъ у Шведа Рудовель и осадилъ своимъ людомъ.

Того жъ року, кроль шведский учинилъ Станислава Лѣщинского, воеводу познанского, королемъ полскимъ навгорду Августови Сасови, королеви полскому.

Того жъ року, курфистра, ксіонженца прускаго, царъ московский Петръ Алексѣевичъ учинилъ кролемъ прускимъ, и такъ отпали прусы отъ короны полской.

1706. Мѣсяца марта 19 дня, Михаила Миклашевского, полковнита стародубовского, въ Несвѣжю, на консистенціи, подъ часъ утрни, здрадецко шведы напавши, забили (которыи предъ тымъ у мнишокъ лядскихъ, въ кляшторѣ, ховалися три дни); также и Андрѣя Гамалѣя, зятя его, и инныхъ много козаковъ, а другихъ въ полонъ забрали, а сами ушли, зъ користю, до кроля своего.

Того жъ року, мѣсяца мая дня 1, Іоаннъ Мировичъ, полковникъ переяславский, въ Ляховичахъ, на консистенціи, былъ облеженъ отъ шведовъ; тамъ, боронячися имъ добре, шведовъ до трехъ тисячий трупомъ положилъ, але шведы не отходили отъ того его облеженя, где будучи полковникъ съ козаками своими седмсотъ, и еще бы имъ болшъ боронилъся, але же не было дровъ, чимъ варити конины, и пороху не стало до стрелбы, здался потымъ шведамъ зъ своими козаками, котрыхъ было 1735; и тотъ полковникъ въ земли шведской и померлъ.

Того жъ року, мѣсяца іюля дня 2, Петръ Алексѣевичъ, царъ московский, былъ въ Чернѣговѣ, и хто хотѣлъ, ишолъ до поцѣлованя руки его царской невозбранно; и той жъ ночи, водою выѣхалъ до Киева; тогдѣ въ Киевѣ былъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ, ксіонже римское, зъ войскомъ великимъ; тамъ же былъ и Мазепа, гетманъ, зъ козаками, котрые козаки сыпали валъ около монастыра печерского. Оттоль царъ ѣхалъ до Смоленска, а Меншиковъ зъ войскомъ московскимъ пошолъ на консистенцію, до Полщи; и пришолъ подъ мѣсто Калишъ, въ Великой Полщи; тамъ мѣлъ баталію зъ шведами, ляхами, волохами и положилъ на пляцу трупомъ люду противного собѣ: тисичий 27 и 299 человѣка, а взялъ въ полонъ шведовъ тисячий двѣ и человѣка 482, гарматъ двадцать двѣ, дробной стрелбы малой и великой множество. А кроль полский Августъ стоялъ онодаль отъ него, присмотруючи той баталии, и мало що зъ своего обозу на шведовъ стрелялъ. Тамъ Меншиковъ великую здобычъ взялъ; тамъ же взялъ былъ Потоцкого, вое-

воду киевского, и писара коронного, также Потоцкого, брата воеводы киевского стрыечного, и отдалъ ихъ королеви полскому Августови; кроль пустилъ ихъ волныхъ до домовъ ихъ. Въ той баталіи трвали въ непрестанномъ огню годинъ чтыри; зъ московского войска убито человѣка всего 854 и ранено человѣка 55..

1707. Мѣсяца септеврия дня 14, годины другой, въ ночъ, былъ вѣдѣный мечъ на небѣ, концемъ острымъ до горы, надъ Полщею стоячій.

Того жъ року, мѣсяца августа дня 22, померъ митрополитъ киевский Варлаамъ Ясинский, погребенъ того жъ мѣсяца дня 28, митрополитомъ сербскимъ Нектариемъ. По немъ зосталъ митрополитомъ Іосафъ Круковский, архимандритъ печерский, а архимандритомъ печерскимъ зосталъ Иларионъ, намѣстникъ печерский, который того жъ року и номеръ. Мѣсяца іюля дня 15, Василия Кочубея, судею енералного козацкого, и Ивана Искру, бывшого полковника полтавского, казалъ царъ Петръ Алексеевичъ въ Борщовой, за Бѣлою Церквою, стяти (чего и самъ царъ потымъ жаловалъ). Той Кочубей открылъ былъ цареви, же Мазепа есть ему змѣнникомъ, яко жъ напотымъ такъ и сталося, але царъ Петръ казалъ имъ обоимъ, то есть Кочубеови и Искрѣ, голови поутинати, бо повѣстемъ ихъ не вѣрилъ; поховано ихъ въ монастыру Печерскомъ.

Того жъ року, повсталъ нѣякий козакъ донской Семионъ Булавинъ, за гетманства Мазепино, (зъ его жъ совѣту и измѣны); той Булавинъ выправилъ своего полковника Тимоша Дранника съ козаками, на полковника сумского, котрого Дранникъ и забилъ; а потымъ Феодоръ Володимировичъ, полковникъ изюмский, того Дранника козаковъ збивши, самого Дранника поймалъ и на паль казалъ збити; а Булавинъ самъ себе съ пистолета забилъ; и такъ обидва погинули.

Того жъ лѣта, въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, кроль шведский иришолъ зъ войскомъ до Могилева Литовского и все зрабовалъ мѣсто, а потымъ, прешедши Днѣпръ, стоялъ въ монастырѣ, межи Днѣпромъ и Сожемъ рѣками, недѣль килка; оттоль пошелъ до Смоленска, а не дошедши, збояся межи лѣсами войска

московского, котрое на него чигало, и много люду своего по лѣсахъ, болотахъ, потратилъ тамъ; и пришолъ на сѣверъ, подъ мѣстечко Мглинъ, и штурмовалъ до него; тамъ стративши люду своего осмсотъ и килко человѣка, отступилъ и окопался подъ Гарнцовымъ; и постоялъ тамъ часъ немалый, а то все чинилъ за поводомъ Мазепы гетмана.

Того жъ лѣта, октоврия 24 дня, Левенгоуфтъ, енералъ шведский, (котрого предъ тымъ въ мѣсяцу сентеврию, Петръ Алексеевичъ, царъ московский, идучого до кроля шведского, зъ провиантомъ зъ Швеціи, обозъ розбилъ, шведовъ тисячей 12 на пляцу положилъ и, великие скарби и гарматъ 40 взявши въ него, до Смоленска отослалъ) ишолъ подъ Новгородкомъ, маючи зъ собою люду шведского тисячий шесть и волоховъ тисячу; а на той часъ въ Новгородку былъ съ полкомъ своимъ Григорий Петровичъ Чорнышовъ; было то въ недѣлю, подъ часъ службы божіей; тотъ полковникъ, маючи офицеровъ своихъ и козаковъ и прочихъ охотныхъ комонника зъ килка сотъ, заразъ выбѣгъ зъ мѣста въ поле и потыкался зъ шведами у фольваркахъ, и забито килкохъ шведовъ, а москалевъ двохъ пострѣлено, але ся выгоили; и такъ той енералъ, оставивши Новгородокъ, ишелъ далей и станулъ въ Команѣ селѣ, миля отъ Новогородка; а кроль шведский, зо всею потугою, стоялъ въ Шептакахъ; потымъ кроль пришелъ до Горокъ села монаст. новогородского, отъ Новгородка миля, и тамъ ему Мазепа, гетманъ, перший разъ поклонился и станулъ Мазепа въ Дегтеровцѣ зъ сердюками, компаниею и шведами.

Того жъ мѣсяца, дня 27, Петръ Алексеевичъ, царъ, станулъ зъ войскомъ въ селѣ Погребкахъ, и былъ въ Новгородку; а Борисъ Петровичъ Шереметъ, стоячи тамже въ Погребкахъ, збилъ шведовъ зъ мосту, зъ гарматъ, который мостъ робили шведы на Деснѣ. Того жъ дня, дано знати цару Петру, же конечне зменилъ ему Мазепа, бо предъ тымъ не вѣрилъ, и когда Кочубей ознаймилъ ему предъ тымъ о змѣнѣ, казалъ Кочубея и Искру стяти, чего потымъ жаловалъ, але вже не въ часъ. И заразъ послалъ зъ войскомъ, князя Александра Меншикова доставати Батурина, мѣсяца

ноеврия дня 9, бо въ немъ заперлися были, зъ розказаня Мазепина, сотникъ батуринский Чечель и Филипъ, реентъ, зъ сердюками; и gды пришолъ Меншиковъ подъ Батуринъ, давано огню зъ гарматъ велми зъ Батурина, але Меншиковъ заразъ добылъ Батурина и сплюндровалъ его огнемъ и мечемъ, а Чечеля, сотника, и Филиппа, реента спартесного, побралъ живцемъ и въ Глуховѣ почвертовано ихъ, зъ росказаня царского. Того жъ мѣсяца дня 5, Петръ Алексѣевичъ, царъ, пошедши зъ Погребковъ, бился зъ шведами, зъ гарматъ стрѣляючи, чрезъ Десну, у Бѣлыхъ Березахъ, подъ Мѣзиномъ селомъ; а напотомъ царъ Петръ пошелъ до Глухова, и тамъ, ноеврия дня семого, учинилъ гетманомъ Іоанна Скоропадского. А кроль шведскій и Мазепа зъ войскомъ, переправившись чрезъ Десну, пошли до Батурина, ноеврия дня осмого; и знашелъ его спаленого; крови людской въ мѣстѣ и на предмѣстью было полно калюжами; ревно плакалъ по Батуринѣ Мазепа. И станулъ кроль шведский въ Городищу, а Мазепа въ Обмачевѣ, о милю отъ себе; а напотымъ, пошли на Прилуку. Кроль станулъ въ Ромнѣ, а Мазепа въ Гадячомъ, зъ компаниею и сердюками.

Того жъ року, когда кроль шведский пришолъ до Прилуки, царъ Петръ Алексѣевичъ, прежде приходу его, посылалъ на Запороже до козаковъ, абы ишли ему на помочъ; и послалъ имъ жалованье свое царское, самому атаманови запорозскому Костѣ Гордѣенкови, на его особу, чирвоныхъ золотыхъ пятсотъ, старшинѣ, козакомъ, дванадцеть тысячий рублевъ копѣекъ; они же, тые гроши побравши, едныхъ посланныхъ до змѣнника Мазепы послали, другихъ потопили, а иные повтекали; и заразъ Костя, атаманъ, зъ запорозцами всѣми пошедши, подъ городкомъ Сокулкою, кролеви шведскому поклонился и Мазепѣ тамже присягли. Царъ Петръ Алексеевичъ, розгнѣвавшися, послалъ на Запороже Симона Яковлевича, полковника, зъ московскимъ войскомъ и Галаgана, полковника чигиринского, зъ полкомъ его жъ и зъ иншими козаками на запорожцевъ; тамъ же осталци запорожци боронилися имъ, стрѣляючи на нихъ; лечъ Симонъ Яковлевичъ и Галаганъ, презъ штурмъ доставши ихъ, всѣхъ постинали и всѣ куренѣ и всѣ ихъ запорозские

жилища до грунту зруйновали; и зостало Запороже пустое. А Кость Гордѣенко не отступно отъ Мазепы зъ своими козаками, где онъ повернулся, всегда зоставалъ.

Того жъ року и Семиона Палѣя царъ Петръ зъ заточения сѣбѣрского до Россіи повернулъ, и учинилъ его знову, на его мѣстцу, полковникомъ бѣлоцерковскимъ. Тамъ потымъ, Палѣй померъ року 1710 и похованъ въ Бѣлой Церкви.

1709. Король шведский и Мазепа съ войсками своими, на веснѣ, пришли подъ Полтаву; Полтава предъ ними заперлася и добывалъ кроль шведский всѣми силами Полтавы; стоялъ въ монастыру и зъ гарматъ билъ зъ монастыра, на мѣсто, ажъ Петръ Алексеевичъ, царъ, юня дня 27, учинилъ баталию зъ кролемъ шведскимъ, о чверть мили отъ Полтавы; кроль шведский пошолъ на войско московское; тамъ будучи обѣ стороны въ огню зѣло великомъ, двѣ годины, и божиею помощию побѣждены шведы отъ войска московского зостали; пало на пляцу шведовъ тисячий 18 и седмсотъ чтыридесять шесть человѣковъ, а на миль три отъ Полтавы по поляхъ, лѣсахъ, трупу шведского было полно, котрыхъ Москва, доганяючи, стинала, колола, а остатокъ войска шведского зъ енералами Левенгауптомъ, енераломъ Маеромъ Крейцомъ, Кравзомъ, двома братама графы Дугласовъ, графомъ Бонды, енераломъ ауди-торомъ Штерномъ, 14 тисячий тридесять человѣка, пооткидавши отъ себе оружие воинское, Петру Алексѣевичу, цару, поклонился, просячи милости, которыхъ царъ Петръ, опрочъ оружия воинского, при всемъ ихъ въ милости своей зоставилъ. А самъ кроль шведский и Мазепа, видячи погибель свою, переправившися презъ Днѣпръ въ килкосотъ коней, утекли въ землю турецкую, до мѣста Бендеры. Зъ московского войска въ той баталии убито тисячу триста чтыридесять чтыри человѣка и раненныхъ тисячий три 292 человѣка; здобычи: гарматъ—триста, флинтовъ и инаго воинского оружия безчисленно Москва взяла въ обозѣ шведскомъ, зъ великимъ триумфомъ, благодарячи Господа Бога, давшого побѣду цару Петру надъ прегордымъ кролемъ шведскимъ.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Кампинскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Гринцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. Л. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тепинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. и. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и мировоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.